

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Материалы лекций

Тема 1. История русского языка как наука

Тема 2. Фонетическая система древнерусского языка к моменту возникновения письменности (конец X – конец XI века)

Тема 3. Отражение фонетических процессов праславянского периода в системе древнерусских гласных

Тема 4. Отражение фонетических процессов праславянского периода в системе древнерусских согласных

Тема 5. Падение редуцированных гласных в древнерусском языке

Тема 6. Звуковые процессы великорусского языка

Тема 7. Предмет, задачи, источники исторической морфологии

Тема 8. Эволюция имени существительного

Тема 9. История местоимений

Тема 10. История имени прилагательного

Тема 11. История становления числительного как части речи

Тема 12. История глагола

Материалы по изучению тем, выносимых на самостоятельную работу студентов

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Материалы для подготовки к лабораторным занятиям

Схемы фонетического и грамматического разборов

Материалы для контроля знаний

Вопросы для самопроверки

Материалы для проведения модульно-рейтинговой оценки знаний

Литература по курсу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МАТЕРИАЛЫ ЛЕКЦИЙ
ТЕМА 1
ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НАУКА

1. Обзор основной учебной, учебно-методической литературы по курсу и исторических словарей (для самостоятельного изучения).
2. Предмет и задачи изучения истории русского языка.
3. Основные методы изучения языковой истории.
4. Основные источники изучения истории русского языка (для самостоятельного изучения).
5. Периодизация истории русского языка.

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. – С. 31–32.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 7–36.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 7–56.

История русского языка – это наука, изучающая формирование и развитие (на протяжении длительных этапов существования языка) всех уровней языковой системы (фонетика, морфология, синтаксис, лексика) и отдельных ее единиц (звуки и формы).

Главная цель изучения данного курса – формирование историко-лингвистического подхода к фактам современного русского языка, что позволит студенту, во-первых, раскрыть системный характер происходящих в языке явлений, например, действие закона слогового сингармонизма привело к переходному смягчению некоторых групп согласных; утрата двойственного числа привела к формированию числительного как самостоятельной части речи и т.п.; во-вторых, знать внутренние закономерности русского языкового строя, которые привели к его современному состоянию, и комментировать на этом основании факты современного русского языка, например, беглость гласных в современном русском языке объясняется наличием в древнерусском языке особых гласных неполного образования, по-разному изменявшихся вследствие падения редуцированных.

Конкретные знания и умения, формируемые в данном курсе:

- знание основных этапов развития русского языка;
- знание основных закономерностей развития фонетической и грамматической систем русского языка на разных этапах его существования;
- умение объяснять факты современного русского языка, давать им исторический комментарий;
- читать, понимать, переводить, анализировать древнерусские тексты.

Основным методом изучения истории языка является **сравнительно-исторический метод**, реализуемый в ходе сравнения явлений и фактов данного языка с аналогичными явлениями и фактами родственных языков и в ходе выявления исторической эволюции конкретного языкового явления. Родственные языки – это языки, происходящие из одного общего источника, существующего или уже исчезнувшего, из диалектов которого и

происходят эти родственные языки. Язык, из диалектов которого происходит группа родственных языков (языковая семья), – это праязык, или язык–основа.

Группировка языков на основе общности их происхождения приводит к созданию генеалогической классификации (гр. *γένωσις* ‘происхождение’) современных языков.

Родство между разными группами языков было выявлено на рубеже XVIII – XIX веков, что и стало началом формирования сравнительно-исторического метода в работах Ф. Боппа («О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковою в греческом, латинском, персидском и германских языках», 1816), Р. Раска («Разыскания о древнесеверном языке», 1818), Я. Гримма («Грамматика немецкого языка», 1819–1837), В. фон Гумбольдта («О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», 1820), Й. Добровского (история чешского языка, 1792), А. Х. Востокова («Рассуждение о славянском языке, служащем введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго памятникам», 1820), И. И. Срезневского («Мысли об истории русского языка», 1849).

Основные положения сравнительно-исторического метода:

- каждый язык отличается неповторимыми особенностями, которые раскрываются только в сравнении с другими языками;
- сравнение обнаруживает родство между некоторыми из них, то есть происхождением из праязыка;
- на основе выявленного родства языки группируются в языковые семьи;
- различия родственных языков объяснимы только непрерывным историческим развитием;
- при историческом изменении звуки изменяются быстрее других элементов языка. Преобразования звуков в пределах одной языковой семьи строго закономерны, то есть в родственных языках наличествуют регулярные звуковые соответствия, например, регулярность звуковых мен [с] / [к] в русском и латинском языках (р. сердце, писать – лат. сор, пистум) позволяет рассматривать их как закономерные звуковые соответствия, свидетельствующие о родстве этих языков.

Основным приемом сравнительно-исторического языкознания является реконструкция – комплекс приемов и процедур воссоздания незасвидетельствованных языковых состояний, форм, явлений путем исторического сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы или семьи языков. Выделяется два основных типа реконструкции: внешняя и внутренняя.

Внешняя реконструкция, опираясь на сравнение материала родственных языков, приводит к восстановлению исходного языкового архетипа, праформы, например: на основе сравнения формы глагола в индоевропейских языках – санскр. *bharami*, лат. *fero*, гот. *baigam*, др.-ирл. *berim*, ст.сл. БЕРЖ, др.р. БЕРΟΥ – выявляются закономерные звуковые соответствия и реконструируется праформа и.е. **bhera-*.

Запись праформы латиницей после знака * астериск указывает на то, что она реконструирована гипотетически, а не засвидетельствована в памятниках письменности.

Внутренняя реконструкция ориентирована на синхронную систему исторически засвидетельствованного языка и опирается на реликтовые формы, позволяющие восстановить древнее их состояние, например, современные варианты флексий полных прилагательных типа «молодой – старый» позволяют говорить о различных результатах процесса падения напряженного Ы в старославянском и древнерусском языках и различном закреплении их в русском языке.

Метод синхронных срезов в диахронии основан на необходимости разграничения синхронического (изучение языковых фактов в конкретный период языкового развития) и диахронического (изучение эволюции языковых фактов на протяжении различных периодов языкового развития) подходов к языку. Так, возможно синхронное изучение системы гласных древнерусского языка XI века, XII–XIV веков и диахроническое сопоставление результатов такого изучения.

С лингвистической точки зрения в истории русского языка выделяются следующие периоды:

- предыстория русского языка, включающая праиндоевропейский (до III тыс. до н.э.) и праславянский (с III тыс. до н.э. до V–VII вв. н.э.) периоды;
- общевосточнославянский период (V–VII – IX вв.), характеризующийся формированием племенных диалектных групп (южнославянской, восточнославянской, западнославянской);
- древнерусский период (IX–XIV вв.), связанный с формированием восточнославянской государственности (Киевская Русь, Новгород), принятием христианства и распространением письменности;
- старорусский, или великорусский период (XIV–XVII вв.), связанный с формированием языка великорусской народности, обособившейся от украинской и белорусской;
- начальный период формирования русского национального языка (XVII– XVIII вв.), характеризующегося принципиально новой ориентацией литературного языка на живую речь нации;
- период развития русского национального языка (с XIX в. до наших дней).

ТЕМА 2

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА К МОМЕНТУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ (конец X – начало XI века)

1. Закономерности построения древнерусского слога.
2. Система гласных в сравнении с современным русским языком.
3. Система согласных в сравнении с современным русским языком.

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 44–63.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 43–61.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 67–98.

Фонетическая система древнерусского языка древнейшего периода представляет собой наследие праславянского языка, сформировавшегося в результате преобразования праиндоевропейского языка.

Одно из самых существенных преобразований связано со структурой древнерусского слога.

В древнерусском языке, как и в праславянском, действует **принцип восходящей звучности**, согласно которому звуки в составе слога должны располагаться по возрастающей звучности, от менее звучного – к более звучному. Как следствие, во-первых, возможность сочетания согласных ограничивается следующими группами, соответствующими этому принципу:

твердый шумный+сонорный	др.р. ГРА-МО-ТА, ВЪ-СНА
сонорный+сонорный	др.р. МЛА-ДЪ, ПРА-ВЪ
глухие фрикативный+смычный	др.р. И-СКА-ТИ
три звука, последний – сонорный / [в]	др.р. СЕ-СТРА, СТВО-РИ

Второе следствие принципа восходящей звучности – **закон открытого слога**, в соответствии с которым каждый слог в слове должен заканчиваться наиболее звучным звуком – слоговым элементом, в большинстве случаев это гласный, реже – плавный согласный: БЪ|ЧЕ|ЛА, ДО|МЪ, КЪР|МЪ.

В современном русском языке этот закон утратил свою силу, но определенная тенденция к построению слога по восходящей звучности сохранилась. Так, нет слов, которые начинались бы сочетанием сонорный+глухой (*нп, лс, рш, мт*), тогда как слова с обратным сочетанием звуков возможны (*пни, слава, шрам, тмин*).

Второй закон, регулирующий структуру древнерусского слога, – **закон слогового сингармонизма** (гр. *συν* ‘вместе’, *ἀρμονία* ‘связь; строй, лад, порядок’), в соответствии с которым в пределах одного слога объединяются звуки, близкие по артикуляции: мягкие согласные и гласные переднего ряда, твердые согласные и гласные непереднего ряда.

Система древнерусских гласных дописьменного периода такова:

характер образования	полн. образ.	неполн. образ.
передн.ряд	е, и, ё, е̑	ь
непередн.ряд	а, о, у, ы, ъ	ѣ

Фонема <ѣ> (графическая передача **ѣ**), праславянская по происхождению, характерна для всех древних славянских языков. Но качество ее образования в разных говорах было различным: так, по мнению Г. А. Хабургаева, в моравских говорах она характеризовалась высоким подъемом, как и в древнерусском, – [ě], в болгаро-македонских – нижним подъемом – [æ].

Вслед за А. А. Шахматовым многие историки языка считают, что древнерусская фонема артикуляционно характеризовалась дифтонгическим произношением – [ie]. Подтверждением такой артикуляционной характеристики являются различия рефлексов фонемы в разных восточнославянских языках и разных русских говорах. Так, в русском литературном и белорусском языках закрепляется [e], который не переходит в [o] под ударением перед твердыми согласными (др.р. ЛѢТО → совр. [л'е]то, но: др.р. ПОЛЕТЪ → по[л'о]т); в украинском – [i] (др.р. ДѢДЪ, р. *ded*, укр. *dіd*); в севернорусских говорах наблюдаются три рефлекса – [i], [ie], [e], в некоторых южнорусских – только [i].

В деловой московской письменности, на базе которой формируется национальный русский язык, гласный сохраняется вплоть до XVII века. Именно на этот период приходится регулярное смешение букв ѣ и е.

Буква ѣ утрачивается в связи с реформой орфографии 1917 года.

Носовые гласные <е̑> и <ѣ̑> были характерны только для древнейшего этапа в истории русского языка. Отражение носового произношения этих гласных в некоторых

современных славянских языках указывает на их существование в праславянскую эпоху: р. язык, польск. *język*, макед. *ензик*; ср. ст.сл. **ЇЗЫКЪ**.

Но уже в ранних восточнославянских памятниках буква **Ж** смешивается с **Оу/У**, буква **А** – с **Æ**, а значит, еще в дописьменную эпоху в живой восточнославянской речи носовые гласные были утрачены.

Судя по передаче названий днепровских порогов без носовых в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «О народах» (949), так они произносились к середине X века: гр. Βερουτση – ст.сл. ВьР**Ж**ЩИ – др.р. ВьР**Оу**ЧИ 'кипящий' (действительное причастие настоящего времени от глагола ВьРЪТИ); гр. Νεασητ – ст.сл. НЕ**И**СЫТЬ – др.р. НЕ**Æ**СЫТЬ 'пеликан/сова'.

Соответствующие буквы упразднены реформой Петра I в 1710 году.

Таким образом, к середине X века в состав гласных фонем входит гласный переднего ряда <ä>, развившийся на месте носового гласного в словах типа П**А**ТЬ [п'ĕт'] → [п'ät'], М**А**СО [м'ĕсо] → [м'äсо], С**А** [с'ĕ] → [с'ä] и утратившейся после вторичного смягчения полумягких согласных.

Древнерусские **редуцированные гласные <ъ> и <ь>** (лат. *reductio* 'ослабляю'), в отличие от остальных гласных фонем, произносились кратко, причем, краткость произношения, его редукция, зависела от позиции редуцированных в слове: в сильной позиции редукция ослабевала и фонемы <ъ> и <ь> приближались к соответствующим гласным полного образования <о> и <е>; в слабой позиции редукция усиливалась и приводила почти к полному исчезновению звука.

В слабой позиции – в абсолютном конце односложных слов (С**ЫНЪ**, ВОЛОС**ТЬ**), но позиция сильная; перед слогом с гласным полного образования (Б**Ь**РАТИ, К**Ъ**НЯЗ**Ь**); перед слогом с редуцированным в сильной позиции (Ж**Ь**|Н**Ь**|Ц**Ь**, Л**Ь**Ж**Ь**Ц**Ь**).

В сильной позиции редуцированные были под ударением (Ш**Ь**П**Ь**Т**Ь**, Д**Ь**ЧИ); в безударном положении перед слогом с редуцированным в слабой позиции (ОТ**Ь**Ц**Ь**, С**Ь** М**Ь**НОЮ); в сочетании с плавными Р, Л между согласными (К**Ъ**РМИТИ, М**Ь**ЛВА), в конце односложных слов типа указательных местоимений С**Ь**, Т**Ь**.

Редуцированные [ъ] и [ь] перед палатальным согласным [j] и гласным верхнего подъема [и] подвергались аккомодации по месту образования и, в результате, произносились как гласные верхнего подъема, которые, однако, они не переходили в гласные полного образования, становясь **напряженными редуцированными**, позиционными разновидностями фонем <ъ> и <ь>, которые передавались графически буквами И и Ы, например: ИМ**Ь**НИ–Ю, ХЫТ**Ь**РЫ–И, РЫ–Ю, ПИ–Ю**МЬ**, МЫ–И, ШИ–Æ.

Напряженный [и] наблюдается также на стыке основы и флексии на месте сочетания *jъ в следующих грамматических формах:

Р. мн. существительных – СОУД**ИИ** ← *sudjъ, КОРЕ**НИИ**, ОГ**НИИ**, НОЧ**ИИ**;

И.-В.ед. существительных, местоимений, полных прилагательных м.р.– КРА**И** ← *krajъ, СВО**И** ← *svojъ, НОВ**ЫИ** ← *novъjъ, СИ**НИИ** ← *sinъjъ.

А. М. Селищев считает, что редуцированным был и суффикс повелительного наклонения: *тъ-і (тъ-ji) → *myi → МЫ**И**, *бъ-і (бъ-ji) → *bii → БИ**И** [Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951. С. 294].

Позиции напряженных редуцированных определяются так же, как и позиции Ъ и Ь: в слабой позиции они были в безударном положении перед слогом с гласным полного образования (ЛИ**Ю**ШИ), напряженный [и] – также в конце слова (ДОБ**РЫИ**, СОЛО**ВИИ**); в

сильной позиции они были под ударением и перед слогом с редуцированным в слабой позиции (ВЫ'АЕ, ВЪРЬНЫИ).

Состав **древнерусских согласных** унаследован от праславянской эпохи, праславянская система – от праиндоевропейской. Так, прасл. *b развился из и.е. *b и *bh (с придыханием): ст.сл. БЕРЖ / др.р. БЕРЮ ← прасл. *berǵ. Ср. санскр. bharami.

Переднеязычные **ц', ж', ч', ш', ш'ч', ж'д'** – это результат различного типа переходных смягчений: ОТРИЦАТИ, БЕРЕЖЕМЪ, ПОРОУЧИТИ, ДОУША, ВЪЩИИ.

Исторически звук [в] происходит из и.е. *u неслогового в позиции перед гласным через губно-губной прасл. *w: и.е. *u + гл. → прасл. *w + гл. → др.р. в. В говорах, легших в основу общевосточнославянского языка, закрепилось и губно-зубное, и губно-губное произношение, что отражается и в современном языке: литературная произносительная норма – губно-зубной [в], такова же норма большинства севернорусских и южнорусских говоров; но в некоторых южнорусских говорах, например курско-орловских, в определенных позициях на месте губно-зубного произносится неслоговой [y] (де[y]ука, дере[y]ня, кро[y]), а в начале слова перед согласными – слоговой [y] ([y]се, [y]нук, [y] ту пору). Такое же произношение отмечается в севернорусских вологодских говорах. Отметим, что для украинского и белорусского языков это литературная норма.

Звук [j] восходит к праславянскому преобразованию и.е. *i неслогового в позиции перед гласным: прасл. *roiǵ → прасл. *rojǵ → др.р. ПОЮ.

В праславянском языке отсутствовал звук [ф], исконно его не было и в древнерусском языке. Фиксируемые в памятниках письменности буквы Ф и Θ, передающие этот звук, отмечены лишь в заимствованных словах типа ФИЛОСОФЪ, ΘОМА. На неисконный характер этого звука указывают и его замены звуками [х], [хв], [п]: Дорох (ср. фамилию Дорохов) из Дорофей, Остах (ср. фамилии Остахов, Астахов) из Евстафий, Хома из Фома, Осип из Иосиф, Хвилип из Филипп. Собственно восточнославянский [ф] появляется лишь после падения редуцированных.

Праславянским новообразованием является звук *ch, развившийся из и.е. *s в положении после гласных *i и *u или тех звуков, которые развились из и.е. *i и *u, а также после согласных *r и *k, если далее следовали не взрывные *t, *p, *k, например: прасл. *suchъ → ст.сл. / др.р. СОУХЪ (ср. лит. sausas); прасл. *mъchъ → ст.сл. / др.р. МЪХЪ (ср. лит. musai).

Нет единого мнения о качестве древнерусского [r]. В современном русском языке известны два типа его образования: взрывной [r] и фрикативный [ɹ], характерный в южнорусских говорах. Для украинского и белорусского языков известен и гортанный (фарингальный) [h]. Исторически первичен взрывной [r] из и.е. *g и *gh, а фрикативный и фарингальный – это диалектные новообразования, возникшие вследствие ослабления взрыва [ɹ] и передвижки артикуляции в заднеязычные [h].

Спорным является вопрос о времени возникновения различного произношения, поскольку прямых доказательств нет. По мнению А. А. Шахматова, фрикативный [ɹ] существовал в киевском говоре уже в X веке: в сочинении Константина Багрянородного «О народах» (949) при передаче названий днепровских порогов используется элемент прáx. А. А. Шахматов считает, что так передается ст.сл. ПРАГЪ, др.р. ПОРОГЪ, где на месте взрывного [r] появляется [x]. Обратим внимание, что конечный ъ при заимствовании утрачивается и звонкий взрывной оказывается в конце слова. Известно, что в русских говорах [r] оглушается в [k], а в [x] оглушается фрикативный [ɹ].

Это мнение оспаривает А. М. Селищев: греческое прáx восходит к более древнему *porch, где ch – результат преобразования и.е. *s. Доказательством существования прасл. *pors является и германское forǵ 'водопад'.

В качестве еще одного косвенного доказательства раннего возникновения фрикативного [ɣ] приводится подпись французской королевы Анны Ярославны. Дочь Ярослава Мудрого, вдова Генриха I, была регентшей своего малолетнего сына, она оставила надпись кириллическими буквами на латинской грамоте 1063 года: АНА РЪИНА = Anna regina 'Анна королева'. В слове regina пропущена буква g, что ученые связывают с чужеродностью взрывного произношения латинского звука [g] для исконной киевлянки Анны. Значит, в XI веке для киевского говора уже характерен фрикативный [ɣ].

Однако В. В. Иванов приводит и иное объяснение этой записи – отражения старофранцузского произношения слова reine 'королева'.

Бесспорными могут считаться только показания более поздних по происхождению памятников письменности. Так, в галицких грамотах XIV века, написанных по-латыни, при передаче русского [ɣ] пишется латинская буква h, а не g. Это может свидетельствовать о несоответствии взрывного произношения латинской буквы g древнерусскому звуку, т.е. он произносился не как современный взрывной, а скорее как фрикативный: например, Нodovica на месте др.р. ГОДОВИЦА в Грамоте 1371 года.

Возможно, что фиксируемые в Изборнике 1073 года примеры замен буквы Г буквой Х, например, ХОДЪ вм. ГОДЪ, КЪНИХЧИИ вм. КЪНИГЧИИ, указывают на более раннее закрепление фрикативного звука в южных говорах древнерусского языка.

Если рассматривать **противопоставление древнерусских согласных по звонкости-глухости**, то оказывается, что, в отличие от современного языкового состояния, 1) это противопоставление сохранялось и в конце слова, поскольку действовал закон открытого слога и древнерусские согласные не знали оглушения в конце слова, например, др.р. РОДЪ – РОТЬ; 2) парными по звонкости-глухости были п-б, п̣-б̣, д-т, д̣-т̣, с-з, с̣-з̣, ш-ж, ш̣-ж̣, ш̣ч̣-ж̣д̣, к-г; остальные согласные были непарными: в, м, н, н̣, р, р̣, л, л̣, ј – всегда звонкие; ц̣, ч̣, х – всегда глухие.

Второй аспект, который существенно отличает древнерусскую систему согласных от современной, – это **классификация по мягкости~твердости**.

Только твердыми с праславянской эпохи были заднеязычные **г, к, х**. За ними могли следовать только гласные переднего ряда.

В начальный период праславянского языка мягким был лишь среднеязычный *j. Появление мягких согласных (они называются исконно мягкими, потому что были таковыми с момента своего возникновения) – шипящих **ш̣, ж̣**, аффрикат **ц̣, ч̣**, слитных **ш̣ч̣, ж̣д̣**, переднеязычных **с̣, з̣** и сонорных **р̣, л̣, н̣** – стало следствием действия закона слогового сингармонизма, когда в ходе палатализаций заднеязычные и переднеязычные согласные под влиянием прасл. *j и гласных переднего ряда из заднеязычных трансформировались в средне- и переднеязычные: ОТЬЦЬ, где ц̣ ← прасл. *ьк; БОУРЪЕ, где р̣ ← прасл. *rj. После этих согласных могли следовать гласные переднего ряда, а также **а, у**, например: И. ед. ЛИЦЕ, Р. ед. ЛИЦА, Д. ед. ЛИЦОу.

В соответствии с наиболее принятой в науке позицией Р. И. Аванесова, в позднепраславянском языке возникают и сохраняются в древнерусском до вторичного смягчения пять пар согласных фонем, противопоставленных по мягкости-твердости: **р-р̣, л-л̣, н-н̣, с-с̣, з-з̣**. Но твердость и мягкость этих фонем была их постоянными признаками и не зависела от качества последующего гласного.

Однако закон слогового сингармонизма проявлялся в определенном приспособлении твердых согласных **п, б, д, т, в, м, с, з, р, л, н** к следующим за ними гласным переднего ряда: в этих фонетических условиях они становились позиционно **полумягкими** (средняя часть спинки языка меньше поднимается к верхнему небу, чем при произнесении мягких согласных) – **п̣, б̣, д̣, т̣, в̣, м̣, с̣, з̣, р̣, л̣, н̣**.

Наиболее важным фонетическим процессом начального периода древнерусского языка было **вторичное смягчение согласных**, заключающееся в их изменении перед гласными переднего ряда в мягкие.

Ученые считают, что этот процесс протекал в X–XI веках. Так, Л. Л. Васильев выделяет ряд его этапов в зависимости от качества последующего гласного: перед узкими гласными [i, ě] вторичное смягчение начинается еще в X веке, а завершается к концу XI века смягчением перед широкими гласными [e, ѡ]. В качестве доказательства приводятся примеры орфографии ранних памятников письменности, в частности, в Остромировом Евангелии 1056 года только исконная мягкость, в отличие от полумягкости, обозначалась знаком крюк (Къ НѢМОУ, АГНЬЦЬ), а также йотированными буквами (ГЛІЄШИ). А в Изборнике 1076 года эти различия уже отсутствуют. Значит, к середине XI века полумягкие согласные становятся вторично смягченными и переходят в группу парных по мягкости-твердости.

К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев связывают этот процесс с утратой носовых и переходом [e̞] в [ä], то есть, из передней зоны образования в более заднюю. Таким образом, полумягкие согласные должны смягчаться до утраты носовых – к середине X века – уже перед более продвинутым в переднюю зону [e̞] (в сравнении с образовавшимся на его месте [ä]), а перед [ä] просто сохранить полученную ранее мягкость.

Вторичное смягчение согласных привело к изменениям в соотношении гласных и согласных фонем:

- увеличилось количество мягких согласных фонем, а следовательно, и согласных в целом, поскольку образовалось 11 новых мягких согласных, 6 из которых – абсолютно новые **п', б', д', т', в', м'**, а 5 совпали с исконно смягченными **р', л', н', с', з'**;
- состав противопоставленных по признаку мягкости~твердости согласных возрос с 10 до 22;
- изменились позиции употребления согласных перед гласными: перед гласными переднего ряда стали возможны лишь мягкие согласные. Если до процесса вторичного смягчения твердый согласный противопоставлялся полумягкому и мягкому перед гласными **а, у**, то теперь твердый согласный противопоставлялся мягкому перед теми же гласными;
- фонема <ä> утратила самостоятельность и стала позиционным вариантом фонемы <a> после мягких согласных.

ТЕМА 3

ОТРАЖЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПРАСЛАВЯНСКОГО ПЕРИОДА В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ГЛАСНЫХ

1. Происхождение древнерусских гласных.
2. Восточнославянское преобразование дифтонгических сочетаний с плавными.
3. Происхождение современных исторических чередований гласных:
 - а) вызванных утратой долготы и краткости индоевропейских гласных;
 - б) вызванных преобразованием индоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний с носовыми.
4. Фонетические особенности оформления начала слова (для самостоятельного изучения).

Литература:

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 100–111, 126–132.

Селищев А. М. Старославянский язык. – М., 1951. Ч. 1. – С. 241–259.

Глинкина Л. А., Чередниченко А. П. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка – М., 2005. – Табл. № 3–6.

Праиндоевропейские гласные различались не только по артикуляции, но и по долготе и краткости, то есть существовал не один звук [a], а два его варианта – и.е. *ā, *ǎ, следствием чего являются праиндоевропейские количественные чередования гласных, различающиеся не по артикуляции, а по продолжительности звучания, т.е. по количеству времени, затраченному на их произношение: и.е. *ā//*ǎ, *ē//*ǣ, *ī//*ī̄, *ō//*ǫ, *ū//*ū̄.

Второе отличие праиндоевропейской системы гласных – наличие дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Дифтонг (греч. δίφθογγον ‘двоезвучие’) – это сложный гласный, состоящий из двух гласных элементов, образующих один слог; в начальный праславянский период это *aj, *oj, *ei, *au, *ou, *eu с долгим и кратким слоговым гласным. Дифтонгическое сочетание – это слог, образуемый гласным и сонорным согласным; в начальный праславянский период это *am, *an, *om, *on, *em, *en, *im, *in, *ar, *al, *or, *ol, *er, *el, *ir, *il, *ur, *ul.

Поскольку дифтонг и дифтонгическое сочетание представляют закрытые слоги, их структура противоречила закону открытого слога и не могла сохраниться в праславянскую эпоху.

Преобразование дифтонгов и дифтонгических сочетаний с носовыми зависело от их положения в слове:

перед гласным звуком они распадались и слоговой элемент уходил к предшествующему слогу, а неслоговой – к последующему: прасл. *eu | a (где a – любой гласный) → прасл. *e | va (*u перед гласным переходит в *v; и.е. *ei | a → прасл. *e | ja (*i перед гласным переходит в [j]);

перед согласными и в конце слова они монофтонгируются, то есть стягиваются в один звук, что приводит к праславянским звуковым новообразованиям.

I

Рассмотрим, как идет **образование древнерусских гласных звуков:**

др.р. а ← прасл. *а ← и.е. *ā, *ǎ

Например, ст.сл. / др.р. МАТИ, ср. лат. māter; др.р. / ст.сл. ДЪВА, ср. лат. duō, гр. δυω.

др.р. 'а ← прасл. *'а ← начальный прасл. *ǣ при 1–й палатал. ← и.е. *ē

Например, ст.сл./др.р. ЖАЛЬ, ср.: лит. gelti ‘больно’. Именно так в суффиксе глаголов второго спряжения, где после исконно твердых согласных идет ѣ ← и.е. *ē, после исконно мягких – 'а: ВИДѢТИ, ГОРѢТИ, но: ДЫШАТИ, СТОАЕТИ.

др.р. 'а ← др.р. ę после утраты носовых (сер. X в.)

Например, и.е. *mentā → прасл. *męta → ст.сл. МѦТА; к середине X века др.р. МЯТА.

др.р. о ← прасл. *о ← и.е. *ǎ, *ǫ

Например, ст.сл. / др.р. ОВЪЦА, ср. снкр. āvīca, лат. ōvis; ст.сл. / др.р. ДОМЪ, ср. лат. dōmūs, гр. βομός.

др.р. ъ ← прасл. *ъ ← и.е. *ǔ

Например, ст.сл. / др.р. СЫНЪ, ср. лат. sūnūs, снскр. sūnuh.

др.р. ы ← прасл. *у ← и.е. *ū перед согласными (перед гласными и.е. *ū → прасл. *ÿи неслоговой → др.р. ЪВ: КРЫТИ – КРЪВЪ; И. ед. СВЕКРЫ – Р. ед. СВЕКРЪВЕ, ср. снскр. svasrúh).

др.р. у ← прасл. *и ← и.е. дифтонги *аи, *ои перед согласными

Например, ст.сл. / др.р. ТОУРЪ, ср. лит. tauras.

др.р. у ← др.р. ъ после утраты носовых (сер. X в.)

Например: ст.сл. ЗВЖКЪ, др.р. ЗВОУКЪ.

др.р. ъ ← прасл. *ѡ ← и.е. *om, *on перед согласными и в конце слова

Например, ст.сл. ПЖТЬ, др.р. ПОУТЬ, ср. снскр. panthās ‘след, дорога’, лат. pons, pontis ‘мост’, гр. ποντος ‘глубокое море’.

др.р. и ← прасл. *і ← и.е. *ī, и.е. *ei, *oi, *ai перед согласными или в конце слова под ударением с нисходящей интонацией

Например, ст.сл. / др.р. ЖИВЪ ср.: лат. vīvūs, лит. gỹvas; ст.сл. / др.р. КРИВЪ, ср. лит. kreivas ‘косой’.

др.р. ь ← прасл. *ь ← и.е. *ī

Например, ст.сл. / др.р. ДЬНЬ, ср. лат. dñm.

др.р. е ← прасл. *е ← и.е. *ě

Например, ст.сл. БЕРЖ, др.р. БЕРОу, ср. лат. fěro.

др.р. ѓ ← прасл. *ě ← и.е. *ē; и.е. *ei, *oi, *ai перед согласными или в конце слова под ударением с восходящей интонацией

Например, ст.сл. / др.р. СВЪРЪ, ср. лат. zveris; ст.сл. / др.р. ЛЪВЪ ‘левый’, ср. лат. laevus, гр. λάίφος.

др.р. ѣ ← прасл. *ę ← и.е. *em, *en перед согласными и в конце слова

Например, ст.сл. ПЛТЬ, др.р. ПЯТЬ, ср. лат. quinque, гр. πεντε.

II

Преобразование дифтонгических сочетаний с плавными осуществлялось иначе: путем перестановки плавного и слогового гласного.

1. Преобразование дифтонгических сочетаний с плавными между согласными давало разные результаты в диалектах, легших в основу разных групп славянских языков. Для нас актуально сопоставить их в восточнославянской группе диалектов, легшей в основу древнерусского языка, и южнославянской, отраженной в старославянском языке, существенно повлиявшем на формирование древнерусского литературно-письменного языка.

В диалектах, легших в основу южнославянских языков, слоговой элемент перед плавным исчезает и появляется за плавным, удлиняясь. Такое преобразование, называемое **неполногласие**, нашло отражение и в **старославянском языке**.

В восточнославянских диалектах, легших в основу древнерусского языка, слоговой гласный, сохраняясь перед плавным, появляется и после него. При преобразовании *telt

перед твердым согласным *l наблюдается первая лабиализация (лат. labium 'губа'), наиболее ранний переход [e] в [o]. По мнению А. А. Шахматова, причины огубления собственно фонетические: твердые согласные в древнерусском языке были несколько огублены, поэтому перед ними огубляется и гласный [e]: прасл. *melti → др.п. (*molti) МОЛОТИ, но МЕЛ'Ю. Если же в корне начальным согласным был заднеязычный *ch, то перед гласным переднего ряда *e он испытывал переходное смягчение в *š' и в древнерусском языке, наряду с olo, возможно преобразование *telt в *telot. **Древнерусское** преобразование называется **полногласием**.

прасл. *tort	прасл. *tert	прасл. *tolt	прасл. *telt
↓ ↓	↓ ↓	↓ ↓	↓ ↓
ст.сл. trat / др.п. torot	↓ ↓	ст.сл. tlat / др.п. tolot	↓ ↓
	↓ ↓		↓ ↓
	ст.сл. trēt / др.п. teret		ст.сл. tlēt / др.п. tolot, *telot

Например, прасл. *gordъ → ст.сл. ГРАДЪ, др.п. ГОРОДЪ, ср. лит. gardas 'плетень, ограда', лат. hortus, нем. Garten, англ. garden 'сад', др.-в.-нем. gart 'круг, ограда, жилище'.

прасл. *berza → ст.сл. БРЪЗА, др.п. БЕРЕЗА, ср. лит. beržas, англ. birch, нем. Birke 'береза'.

прасл. *volděti → ст.сл. ВЛАДЪТИ, др.п. ВОЛОДЪТИ, ср. др.-нем. wāltan 'владею', лит. valdyti.

прасл. *melko → ст.сл. МЛЪКО, др.п. МОЛОКО, ср. нем. Milch, англ. milk.

Примером полногласной формы -ело- является одно из ранних германских заимствований в праславянском языке: и.е. корень *k'el- 'скрывать, закрывать' (гот. hilms, др.-в.-нем. hēlm, др.-исл. hjalmr, совр.нем. / англ. helm 'шлем') → прасл. *helmъ → ст.сл. ШЛЪМЪ, др.п. ШЕЛОМЪ. Восточнославянская форма фиксируется, например, в «Слове о полку Игореве»: *съ вами, русици, хочоу главоу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону; ту ся саблямь потручяти о шеломы половецкыя*. Рефлексом ее в современном русском языке является корневая морфема глагола *ошеломить*, хотя существительное используется только в неполногласной форме *шлем*.

Условия для квалификации современной формы как полногласной / неполногласной: 1) элементы сочетаний должны находиться в одной морфеме (*половина* не может квалифицироваться как древнерусское полногласие, поскольку элементы сочетания -оло- входят в разные морфемы); 2) морфема должна восходить к дифтонгическому сочетанию с соответствующим плавным между согласными и иметь закономерные звуковые соответствия в родственных языках (*трава, слабый, грех, слеза* не могут квалифицироваться как старославянизмы, поскольку в восточнославянских языках нет соотносительных форм с полногласием).

Доказательствами того, что современные полногласные и неполногласные формы действительно восходят к дифтонгическим сочетаниям с плавными между согласными, являются: 1) факты других индоевропейских языков: р. борода, ст.сл. БРАДА, ср.: др.прусск. bordus, др.-в.-нем. bart, лат. barba; 2) древнейшие заимствования из восточнославянских диалектов, которые сохраняют доплогогласные формы, например в финском языке: palttina ← др.п. ПОЛОТЪНО (ст.сл. ПЛАТЪНО, прасл. *polt-); varpu ← др.п. ВОРОБЕИ (ст.сл. ВРАБИИ, прасл. *vorb-); 3) заимствования из других языков в древнерусский, когда

происходит образование полногласных форм на базе дифтонгических сочетаний с плавными: гр. μαρμαρος → ст.сл. МРАМОРЪ, др.р. МОРОМОРЪ. По мнению Л. П. Якубинского, из финских языков заимствовано *хоровод* через диалектное *корогод* (финск., вепс. *karg* 'пляска', эст. 'прыжок, бег'; финск. *kargat* – форма мн. ч. 'пляски'). *Хоровод* из *kargat* → *корогод* получился в силу так называемой «народной этимологии» к словам *хор* и *водити*. В диалектах существуют и промежуточные формы этого переосмысления: *коровод* (переосмысляется только вторая часть) или *хорогод* (переосмысляется только первая часть).

В современном русском языке возможно как использование собственно восточнославянских полногласных форм и их неполногласных старославянских вариантов, так и использование одной из форм, например: *береза, дорога, болото; благой, член*.

Употребление соотносительных форм в современном русском языке дифференцировано по сферам употребления: в литературном языке нормированы старославянизмы, в говорах – восточнославянизмы (*время – веремья*); по стилистической окрашенности (*Здравствуй!* – стилистически нейтрально, *Здорово!* – стилистически снижено); по семантике (*здоровый* 'физически нормальный', *здравый* 'осмысленный').

Сопоставление семантики слов с полногласием и неполногласием приводит к выводу об отражении неполногласием отвлеченного значения, а полногласием – значения конкретного. Закономерно, что именно неполногласные варианты широко использовались при образовании русской научной терминологии: *краткие гласные, отвлеченное значение, млекопитающие*.

2. Дифтонгические сочетания с плавными перед согласными в начале слова (в славянских языках сохранились данные о сочетаниях *ort и *olt, для *ert и *elt достоверных данных нет) *под ударением с восходящей интонацией* во всех славянских языках происходит перемещение гласного в положение после плавного и последующее удлинение гласного: *ort → rat, *olt → lat.

Например, прасл. *ormo → ст.сл. РАМО, др.р. РАМЫ, серб. rame 'плечо', ср. др.-иран. arema 'рука', лат. armus 'лопатка'; прасл. *olkati → *lakati 'голодать, ощущать голод'; ст.сл. ЛАКОМЫИ, др.р. ЛАКОМЪ, ср. лит. alkti.

В сочетаниях *ort, *olt *под ударением с нисходящей интонацией* изменения в говорах, легших в основу различных славянских языков, были различны: в южнославянских говорах они трансформировались в rat, lat, в восточнославянских – в rot, lot.

Например, прасл. *oldiji → ст.сл. ЛАДИИ, др.р. ЛОДИЯ, ср. лит. aldija; прасл. *orvino → ст.сл. РАВЬНО, др.р. РОВЬНО, ср. др.-прус. arwis 'подлинный, соответствующий'.

В силу различий в изменении дифтонгических сочетаний начальные ра-/ла- в современном русском языке будут показателями старославянского происхождения, если фиксируются закономерные звуковые соответствия в той же морфеме ро-/ло-: приставки раз-, рас-/ роз-, рос- (*развалины-розвальни, расписание-роспись*), корни равн/ровн (*равнина-ровный*), разн/розн (*разница-роznица*), раст/рост (*растение-росток*).

3. Третий тип дифтонгических сочетаний с плавными праславянского периода характеризуется наличием редуцированных гласных и положением между согласными:

1) *t̥rt, *t̥lt, *t̥rt, *t̥lt (редуцированные перед плавными);

2) *trьt, *tlьt, *trьt, *tlьt (редуцированные после плавных).

1) По мнению историков языка, в праславянский период в первом типе сочетаний слоговыми элементами были плавные согласные, т.е. слог являлся открытым; и лишь с течением времени в диалектах, легших в основу различных славянских языков, по-разному происходило изменение этого соотношения слогового и неслогового элементов. В южнославянских языках, в числе их и в старославянском, преобразование шло так: неслоговой редуцированный ослаб и позднее утратился, а слоговой плавный (с нисходящим или восходящим ударением) стал произноситься с соответствующим гласным призвуком: *trьt → tr^ot, *tlьt → tl^ot, *trьrt → tr^ot, *tльrt → tl^ot.

В старославянских памятниках такое произношение получило отражение в виде написания букв Ъ, Ь после Л, Р (ПЛЪКЪ, ГРЪЛО, ЖЛЬТЬ, ПРЬСТЬ), причем, такое написание не указывает на перестановку звуков, но лишь на слоговой характер плавного, произносимого с гласным призвуком: [пл^oкъ / гр^oло / жл^oть / пр^oсть].

В общевосточнославянском языке слоговость плавного утрачена и носителем слога стал редуцированный, который находился в сильной позиции независимо от качества гласного в последующем слоге: ПЪЛКЪ, ГЪРЛО, ЖЪЛТЬ, ПЪРСТЬ, причем в сочетании *tльt, как и в *telt, в положении не после исконно мягкого согласного, происходит лабиализация редуцированного: прасл. *vьlna → др.р. [vьlna] → др.р. ВЪЛНА / ст.сл. ВЛЪНА.

2) Во втором типе сочетаний уже в праславянском языке слоговой характер имел редуцированный, что соответствовало закону открытого слога и позволяло избежать изменений на ранних этапах развития славянских языков, т.е. одинаковое написание наблюдается и в древнерусских, и в старославянских памятниках:

прасл. *krъvь → др.р. / ст.сл. КРЪВЬ

прасл. *krъstь → др.р. / ст.сл. КРЪСТЬ

прасл. *slъza → др.р. / ст.сл. СЛЪЗА

прасл. *glъtati → др.р. / ст.сл. ГЛЪТАТИ.

Однако позднее в разных славянских языках изменение редуцированного шло по-разному в зависимости от качества гласного в последующем слоге: так, в южнославянских и чешском и словацком, где сохраняются слоговые гласные, перед слогом с гласным полного образования Ъ, Ь утрачиваются и слоговым становится плавный согласный (krvavъ, plti), в украинском и белорусском после Р, Л развивается вторичный гласный (*крывав, слиза*); в русском языке сильная позиция редуцированного последовательно дает соответствующий гласный полного образования (*кровав, слеза*).

III

Исторические чередования гласных современного русского языка восходят к различным по происхождению древнерусским чередованиям, которые в свою очередь являются результатами различных преобразований праиндоевропейских чередований.

1) Количественные чередования праиндоевропейской эпохи в праславянский период в результате утраты различий гласных по долготе и краткости становятся качественными, так как звуки, образующие их начинают различаться по артикуляции. Эти чередования характерны для глагольных основ со значением действия недлительного, однонаправленного и действия длительного, иногда – повторяющегося, а также в основах отглагольных существительных:

прасл. *ā//*ǣ, *ō//*ǫ → прасл. *a//*o → др.р. a//o → совр. a//o; в современном русском языке чередование **a//o** отражается в корнях *кас/кос, лаг/лож, твор/твар, зар/зор, клан/клон, гор/гар, мак/моч, плав/плов, скак/скач*;

прасл. *ē//*ě → прасл. *ě//*e → др.р. ě//e → с утратой ě утрачено и чередование, например, др.р. ЛЕТЪТИ–ЛѢТАТИ → совр. *лет-*, ПЛЕСТИ, ПЛЕТУ–СЪПЛѢТАТИ → совр. *плет-*;

прасл. *ī//*ī → прасл. *i//*ь → др.р. и//ь → после падения редуцированных **и//ѳ**, например, др.р. СЪБИРАТИ–СЪБЪРАТИ → совр. *собирать–собрать*; аналогично происхождение совр. *застилать–стлать, сдирать–драть, почитать–читать*;

прасл. *ū//*ǔ → прасл. *y//*ъ → др.р. ы//ъ → после падения редуцированных **ы//ѳ**, например, др.р. ЗАМЫКАТИ–ЗАМЪКНУТИ → совр. *закрывать–закрывать*, др.р. ПОСЫЛАТИ–ПОСЪЛАТИ → *посылать–послать*, др.р. ДЫШАТИ–ДЪХНУТИ → *дышать–дохнуть*.

2) Различная трансформация дифтонгов и дифтонгических сочетаний с носовыми, вызванная действием закона открытого слога:

прасл. *ai, *ei, *oi при восходящей интонации по-разному меняется перед согласным и в конце слова и перед гласным → прасл. *ě//*oj → др.р. ě // oj → **совр. e//oj** (*петь–пою, дети–доить*);

прасл. *ai, *ei, *oi при нисходящей интонации → прасл. *i//*ej (перед *j гласный *ě переходит в *ī → *ь, который перед *j переходит в напряженный ĭ) → др.р. и//ĭj → **совр. и//ѳj** (*пить–пью, лить–лью*);

прасл. *au, *ou перед согласным и перед гласным → прасл. *u//*ov → др.р. y//ov → **совр. ³y//y/ы //ев/ов/ыв** (*кузнец–ковать*; аналогично в глагольных суффиксах *рисую–рисовать*); учитывая возможность чередования и.е. дифтонгов и гласных, *ou//*ū//*ǔ → прасл. *u/y//*ov, *av, *ъv → др.р. y/ы//ов/ав/ъв (ПЛОУТИ–ПЛОВОУ–ПЛАВАТИ; КРЫТИ–СЪКРЪВЕНЪ–ПОКРОВЪ, РОВЪ–РЫТИ) → **совр. ы//ов, ыв, ав, в** (*плыть–плыву–плаваю; крыть–современный–покровъ, ров–рыть*);

прасл. *eu перед согласным и перед гласным → прасл. *'u//*ev → др.р. 'y//ев → **совр. ³y//ев** (*клюю–клевать, плюю–плевать*; аналогично в глагольных суффиксах, например, *беседую–беседовать*);

прасл. *em, *en, *im, *in, *ьm, *ьn, *om, *on, *ъm, *ъn перед согласным и перед гласным → прасл. *e//*em, *en, *im, *in, *ьm, *ьn → др.р. 'a//em, en, im, in, ьm, ьn → **совр. 'a//им, ин, м, н** (др.р. ПАМѦТЬ–ПОМИНАТИ–ПОМЬНЮ → совр. *память–поминать–помню*);

прасл. *om, *on, *ъm, *ъn перед согласным и перед гласным → прасл. *o // *om, *on, *ъm, *ъn → др.р. y//om, on, ьm, ьn → **совр. y//ом, он, м, н** (др.р. НАДОУТИСЯ–НАДЪМЕНЪ, ЗВОУКЪ–ЗВОНЪ → совр. *надуться–надменный, звук–звон*).

3) **К качественным чередованиям**, унаследованным начальным праславянским периодом из индоевропейского, относятся следующие.

Чередование *e//o* отражается во многих индоевропейских языках, например: лат. *terra* 'земля' / *extorris* 'изгнанный'; гр. *πατέρες* 'отцы' / *ευλότορες* 'знатные'). Изначально оно имело фонетический характер и зависело, по мнению А. М. Селищева, опирающегося на показания греческого языка, от передвижением ударения с корневого *e* на гласный соседнего слога.

На славянской почве преобразования данного чередования таковы: прасл. **ě//*ǫ* → прасл. **e//*o* → др.р. *e//o* → совр. *e//o* (*нести-носить, ноша, плести-плот*), причем, *e* характеризует первичные глагольные основы, *o* – отглагольные имена и вторичные глагольные основы;

прасл. **ō//*ē* → прасл. **a//*ě* → др.р. *a//ě* → совр. *a//e* (*лазить-лезу из др.р. ЛАЗИТИ-ЛЪЗҮ; видеть-дышать из др.р. ВИДѢТИ-ДЫШАТИ* ← прасл. **dyšati* ← **dychēti*). Исторически к этому чередованию восходят совр. *гарь-жар*, где при первой палатализации исконного заднеязычного происходит и преобразование гласного (из начального прасл. **gōgь- *gēgь* → прасл. **gaгь- *ž'агь* → др.р. ГАРЬ-ЖАРЪ → совр. *гарь-жар*).

Два следующих чередования первоначально сопровождали глагольное формообразование, в частности образование основ настоящего времени и инфинитива: прасл. **ě//*ī* → прасл. **e//*ь* → др.р. *e//ь* → после падения редуцированных *e//ϕ*, например, прасл. **bēr-// *bīr-* → прасл. **ber-// *bьr-* → др.р. БЕРҮ-БЪРАТИ → совр. *беру-брать*; аналогичны совр. *стелю-стлать* из др.р. СТЕЛЮ-СТЪЛАТИ, *деру-драть* из др.р. ДЕРҮ-ДЪРАТИ;

прасл. **ǫ//*ǔ* → прасл. **o//*ъ* → др.р. *o//ъ* → после падения редуцированных *o//ϕ*, например, прасл. **zǫv-// *zǔv-* → прасл. **zov-// *zьv-* → др.р. ЗОВҮ-ЗЪВАТИ → совр. *зову-звать*.

Качественное индоевропейское чередование **e//*o* могли составлять и слоговые элементы дифтонгов и дифтонгических сочетаний, преобразование которых под действием закона открытого слога привело к следующим древнерусским и современным чередованиям:

прасл. **eit* (под ударением с нисходящей интонацией) // **oit* (под ударением с восходящей интонацией) → прасл. **i//*ě* → др.р. *i//ě* → совр. *i//e* (др.р. СИТО-СЪВЪ); это же чередование наблюдается в окончании М. ед., в формообразующем суффиксе повелительного наклонения мн. и ед. ч.: др.р. О ЖЕНЪ-О ЗЕМЛИ; БЕРѢТЕ-БЕРИ;

прасл. **ent // *ont* → прасл. **ę // *ǫ* → др.р. *ę // ǫ* → др.р. 'а//у → совр. 'а//у (*звякать-звук, мятеж-смута, часть-кусок*);

прасл. **tort// *tert* → др.р. *pa//oro//rě//ere* → совр. *pa//oro//pe//ere* (*здравый-здоровый-древесный-дерево*);

прасл. **tolt// *telt* → др.р. *ла//оло//лѣ//ело/оло* → совр. *ла//оло//ле//ело/оло* (*облако-наволочка-облекать*).

В диалектах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков, в ряде случаев происходило **различное оформление начала слова**, что привело к возникновению следующих закономерных звуковых соответствий в начале слова в древнерусском и старославянском языках:

1. **Древнерусскому ja-** с протетическим *j* соответствует **старославянский а-**: др.р. *Æ /ÆЗЪ, ÆБИЮ* ‘тотчас, сейчас же’, *ÆБЛЪКО, ÆВИТИ* ‘показать, явить’, *ÆВЪ* ‘явно’, *ÆГНÆ, ÆГОДА, ÆЗВЪ* ‘барсук’, *ÆЗЬНО* ‘кожа’, *ÆИЦЕ, ÆКЫ* ‘какой, такой как; кто’, *ÆЛОВА, ÆМА, ÆЧЕ* ‘если, ли, хотя’ // ст.сл. *АЗЪ, АБИЮ, АБЛЪКО, АВТИ, АВЪ, АГНЬЦЪ, АГОДА, АЗВЪ, АЗЬНО, АИЦЕ, АКЫ, АЛОВА, АМА, АЩЕ*.

При отсутствии закономерных звуковых соответствий слова с начальным *а-* в современном русском языке, кроме союза *а* и образований от него *ась, ага, авось*, междометий *ах, ай, ау* и образований от них *ахать, айкать, аукать*, существительного *аканье*, глагола *акать*, – неславянские по происхождению: *абажур, анонс, алмаз*.

2. **Древнерусскому у-** соответствует **старославянский ю-**: др.р. *УГЪЛЬ, УГЪ, УЖЕ, УЖИНЪ, УЗА* ‘цепь, оковы’, *УНОША, УТРО, УХА, УРОДЪ, УЧЪРМЬНЬ* ‘красный, красноватый’ // *ЮГЪЛЬ, ЮГЪ, ЮЖЕ, ЮЖИНЪ, ЮЗА, ЮНОША, ЮТРО, ЮХА, ЮРОДЪ, ЮЧЪРМЬНЬ*;

3. **Древнерусскому о-** соответствует **старославянский је-**: др.р. *ОДИНЪ, ОЛЕНЬ, ОСЕНЬ, ОСЕТРЪ* // ст.сл. *ЮДИНЪ, ЮЛЕНЬ, ЮСЕНЬ, ЮСЕТРЪ*.

Большинство историков языка рассматривают это явление как **вторую лабиализацию**, протекающую в праславянских говорах, легших в основу восточнославянского языка, а также отраженную при освоении заимствований из греческого и других языков: др.р. *ОЛЕНА* (совр. *Алёна*) ← гр. *Ελένη*, *ОЛЬГА* ← сканд. *Helga*. Она осуществляется в начале слова, если во втором слоге стоял гласный переднего ряда (*ЮЗЕРО – ОЗЕРО*). Поскольку нет перехода в словах типа *ежеви́ка*, значит, процесс происходил при ударе на 1-м и 2-м слоге (*оди́н, о́сень*). В неславянских словах роль играет только ударение, качество гласного последующего слога несущественно (греч. *Евста́фий* → *Остап*, *Евдо́ксия* → *Овдотья, Авдотья*).

Слова с начальным *э-* без протезы *j*, кроме междометий *эй, эх* и местоимений *этот, экий*, – неславянские по происхождению: *эволюция, экран, этика*.

Для праславянского языка, как считают ученые, характерно наличие в произношении придыхания перед гласным начала слова. Следы особого придыхательного звука в некоторых случаях сохраняются в современном русском языке в виде протезы:

[в] перед [о], [у], например, *восемь* ← др.р. *ОСЪМЪ, вотчина* ← др.р. *ОТЬЧИНА*; в диалектах и просторечии *воспа, вострый*; регулярно в украинском языке, например, *вулиця, вона*; в древнерусской письменности вариативность форм значительно выше, например *УЗА / ВУЗА* ‘оковы’,

[г] перед [у ← ѳ], например, *гуж* ‘веревка’ ← др.р. *ГОУЖЪ*, ст.сл. *ЃЖЪ*; *гусеница* ← др.р. *ГОУСЪНИЦА*, ст.сл. *ЃСЪНИЦА*.

В праславянской речи не было слов, которые начинались бы с [ь]: перед ним появлялся неслоговой гласный *i*. Сочетание *иь* в начале слова по-разному преобразовывалось в разных славянских диалектах, которые формировались в поздний период существования праславянского языка: в диалектах, давших группу

западнославянских языков, а также украинский и белорусский языки, *іь преобразовалось в *і и в *ї (редуцированный); в диалектах, легших в основу южнославянских и русского языка, – только в *і: р. *игра*, укр. *ігра/гра*, др.чеш. *jhra*, совр. *hra*. О таком происхождении начального и- свидетельствуют и современное чередование типа *иду – пойду*, и древнерусская графическая передача корня типа ВЪЗЪМОУ – ИМОУ.

ТЕМА 4

ОТРАЖЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПРАСЛАВЯНСКОГО ПЕРИОДА В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СОГЛАСНЫХ

1. Переходное смягчение заднеязычных г, к, х.
2. Смягчение согласных под воздействием праславянского *j.
3. Изменения в группах согласных (для самостоятельного изучения).

Литература:

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 111–123.

Павлович А. И. Таблицы по исторической грамматике русского языка. – М., 1963. – № 13–14.

Глинкина Л. А., Чередниченко А. П. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка. – М., 2005. – Табл. № 9–10.

В современном русском языке заднеязычные согласные, парные по мягкости-твердости, могут сочетаться с гласными и переднего, и заднего ряда (*кепка, гитара, херес, на ноге, хитрый, Киев*). В древнерусском сочетании заднеязычных с гласными возможно только в заимствованиях типа; **ХИТОНЪ**, **КИПАРИСЪ**, **ГЕФСИМАНЪ**, во всех остальных случаях, в соответствии с законом слогового сингармонизма, за заднеязычными следуют гласные переднего ряда, например, **КЫЄВЪ**, **ХЫТЬРЫИ**; или, если в процессе формообразования или словообразования заднеязычные оказывались рядом с гласными переднего ряда, происходит переходное смягчение, палатализация (лат. *palatum* 'верхнее небо') заднеязычных, например, **НА НОЗЪ**.

I

В начальный праславянский период происходит первое переходное смягчение перед **е, ь, е, ё, и** (два последних недифтонгического происхождения, то есть из и.е. *ē, *ī):

прасл. *g → **ж**, совр. влага–влажный ← др.р. ВЛАЖЬНЫИ ← прасл. *vlagъ

прасл. *k → ***ч**, совр. рука–поручить ← др.р. ПОРОУЧИТИ ← прасл. *poronkiti

прасл. *ch → ***ш**, совр. дыхание–дышать ← др.р. ДЫШАТИ ← прасл. *dychęti.

При этом качество гласных **е, ь, е, и** не меняется, прасл. *ě переходит в 'а: прасл. *gęгъ → прасл. *ž'агъ → др.р. ГАРЬ–ЖАРЪ → совр. гарь–жар; аналогично в суффиксе глагольного инфинитива: прасл. *krikęti, *slychęti, *legęti (после исконно мягких и в основах типа *stojęti).

Аналогично преобразование групп согласных перед гласными переднего ряда:

прасл. *sk → ***ш'ч**, например, прасл. *voskiti → *voš'čiti → ст.сл. ВОШТИТИ, др.р. ВОЩИТИ; прасл. *piskęti → *piš'tati → ст.сл. ПИШТАТИ, др.р. ПИЩАТИ

прасл. *zg → ***ж'д'**, например, прасл. *mųzgiti → *mъž'diti 'слабеть' → ст.сл. / др.р. МЪЖДИТИ, ср. *мозг, изможденный*.

С первой палатализацией связано и изменение перед гласными переднего ряда сочетаний согласных ***kt** и ***gt**: согласный ***t** палатализовался, и, как следствие, согласный ***k/*g** переходил в палатальную зону; в результате этой передвижки вперед получилось сочетание двух палатальных ***t°t°**, ассимилировавшееся в долгий палатальный звук. Перед гласным переднего ряда он изменяется так же, как перед **j**, по-разному в диалектах, легших в основу разных славянских языков:

прасл. ***kt/*gt** → прасл. ***t°t°** → ст.сл. ш'т'

↓
др.р. ч'

прасл. ***nōkti** → ст.сл. НОШТЬ, др.р. НОЧЬ, ср. лат. *nox, noctis*;

прасл. ***dūktēr** → ст.сл. ДЪШТИ, др.р. ДЪЧИ, ср. гот. *dauhtar*, лит. *dukte*;

прасл. ***mogti** → ст.ст. МОШТИ, др.р. МОЧИ.

Результаты первой палатализации закреплены в современном русском языке в следующих случаях:

– в существительных перед суффиксами **-ьб-**, **-ьд-**, **-ьств-**, **-ьк-**, **-ьн-** (*дружба, вражда, множество, ручка, княжна*), **-ин-** (*тишина*), **-ат-** (*девчата*);

– в прилагательных перед суффиксами **-ьн-**, **-ьск-**, **-ьлив-** (*грешный, божеский, смешливый*), **-ист-** (*душистый*), **-айш-** ← ЪИШ (*строжайший*);

– в инфинитиве глаголов второго спряжения на **-ать** ← ***ětī** (*держатъ, слышатъ*) и в их формах настоящего времени (в т. ч., 3 л. мн. ч. перед флексией **-ат** ← **АТЬ**, действительных причастий перед суффиксом **-ащ-** ← **АЩ**);

– в формах настоящего времени и в формах страдательных причастий прошедшего времени глаголов на **-чь** (*испечь–испеку–испечешь–испеченный*).

К более позднему периоду праславянского языка относится палатализация заднеязычных под воздействием **ě** и **i** дифтонгического происхождения:

прасл. *g → *z';

прасл. *k → *c', и.е. ***koīna** → прасл. ***kěna** → ст.сл. /др.р. ЦѢНА, ср. лит. *kaina* 'цена; польза; выгода', др.-перс. *kaena* 'штраф; месть', гр. *ποινή* 'пеня за убитого; возмездие; вознаграждение';

прасл. *ch → *s'.

Чаще всего указанные условия наблюдались перед окончанием или формообразующим суффиксом, поскольку многие из этих морфем происходят из дифтонгов, преобразовавшихся в конце слова в прасл. ***ě, *i**:

– Д.–П. ед. сущ. на ***ā**, прилаг. ж. р., например, др.р. РОУКА–РОУЦѢ ← прасл. ***rōkě** ← прасл. ***ronkoī**, ср. дифтонгическое происхождение окончания в индоевропейских языках: лит. *rankai*, лат. *manūi*;

др.р. СОУХЪ–СОУСѢ ← прасл. ***susě** ← прасл. ***suchoi**;

– И. мн. сущ. на ***ǫ**, прилаг. м. р., например, др.р. ВЪЛКЪ–ВЪЛЦИ ← прасл. ***vьlci** ← прасл. ***vьlkoī**, ср. гр. *λύκοι*, лит. *vilkaī*; др.р. ВЫСОЦИ СТЬЛПЫ ← прасл. ***vysoki** ← прасл. ***vysokoī**;

– повелительное наклонение глагола, например, др.р. ПОМОГОУ–ПОМОЗИ, ср. гр. *φέρου* 'бери'.

Со второй палатализацией в диалектах, легших в основу восточно- и южнославянских языков (в западнославянских оно не происходит), связано преобразование сочетаний согласных *gv, *kv:

др.р. / ст.сл. ЦВѢТЬ, СВѢЗДА ← прасл. *kvěť, *gvězda ← прасл. *kvoitъ, *gvoizda, ср. чешск. květ, польск. kwiat, чешск. hvězda, польск. gwiazda.

Неодинаковость судьбы этих сочетаний в разных группах языков, по мнению А. М. Селищева, объясняется неодинаковой степенью близости в примыкании одного согласного к другому: «В речи предков восточных и южных славян согласные k-v, g-v были в тесном объединении. Поэтому палатализация согласного v вызвала палатализацию и в согласном k (g)» [Селищев А. М. Старославянский язык. Ч.1. С. 201].

Результаты второй палатализации сохранились в современном русском языке в немногочисленных словах, например: *царь, цена, церковь, цеп* 'орудие молотьбы', *цель, целовать, целый*. Это объясняется тем, что заднеязычные становятся парными по мягкости~твердости в XIV веке и в формоизменительных парадигмах закрепляются г', к', х' (по руке, волки, высокий, помощи).

Третья палатализация (многие историки языки рассматривают ее не как самостоятельный процесс, а как разновидность второй палатализации) в науке часто называется бодуэновской, по имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, впервые проанализировавшего именно эти условия и результаты переходного смягчения. Она осуществляется, если заднеязычные находились **после гласных переднего ряда и, ь, ę**: др.р. ОВЬЦА ← прасл. *овьса; др.р. СТЪЗЯ ← прасл. *stъga. Этот процесс шел и при фонетическом освоении заимствований из германских языков: др.-нем. kŭning → прасл. *кънѣгъ → прасл. *кънѣз'ь → др.р. КЪНАЗЬ.

Но эта палатализация осуществлялась в диалектах, легших в основу общевосточнославянского языка, непоследовательно, например: *князь–княгиня* (др.р. КЪНАГЫНИ), *лик–лицо, отрекаться–отрицать, восклицать–воскликнуть*.

II

В праславянскую эпоху смягчение согласных осуществлялось и под воздействием прасл. *j, причем влияние его на предшествующий звук было значительнее, чем в современном русском языке, поскольку сейчас согласный + j не представляют единого целого, что обозначается графически использованием разделительных ь и ъ знаков (*пью, въезд, листья, воробы*). Процесс палатализации согласных под воздействием прасл. *j – **йотовая палатализация** – давал разные результаты.

Сонорные р, л, н становились мягкими:

прасл. *rj → прасл. *r' (прасл. *burja → др.р. БОУРАЕ);

прасл. *lj → прасл. *l' (прасл. *volja → др.р. ВОЛАЕ);

прасл. *nj → прасл. *n' (прасл. *konjos → др.р. КОНЬ).

Губные б, п, в, м, как полумягкие, по закону слогового сингармонизма, не могли находиться рядом с *j и после них перед *j возникал вставной звук *l', или l'-эпентетический (гр. Ἐλένθείσις 'вставка'):

прасл. *bj → *bl' (прасл. *ljonbjon → прасл. *l'obl'o → ст.сл. ЛѢБЛѢЖ, др.р. ЛЮБЛЮ; также в заимствованиях: прасл. *bjudo (заимствовано из гот. biuds 'стол', др.-в.-нем. bjōd 'поднос') → прасл. *bl'udo → др.р. БЛЮДО);

прасл. *pj → *pl' ;

прасл. *vj → *vl' ;

прасл. *vj → *vl'.

Именно этот процесс объясняет современные чередования в корне: *колебать–колеблет, ловить–ловля, топить–топленый, перелом–преломление*.

Свистящие з, с и заднеязычные одинаково изменяются под воздействием j в мягкие шипящие:

прасл. *sj → *š' (*писать–пишу* ← прасл. *pisjon);

прасл. *zj → *ž' (*коза–кожа* ← прасл. *kozja);

прасл. *gj → *ž' (*лгать–ложь* ← прасл. *lъgja → прасл. *lъž'a → др.р. ЛЪЖА);

прасл. *kj → *č' (*плакать–плачу* ← прасл. *plakjon);

прасл. *ch → *š' (*дух–душа* ← прасл. *duchja).

По мнению А. М. Селищева, во всех диалектах, легших в основу разных славянских языков («в доисторическое время во всех славянских группах» [Селищев А.М. Старославянский язык. С.321]), одинаково преобразование следующих **сочетаний согласных**:

прасл. *skj, *stj → прасл. *š't' (*искать–ищу; расти–роща*, ср. ст.сл. ИШТѢЖ, РОШТАЕ, др.р. ИЩЮ, РОЩА);

прасл. *zgj, *zdj → прасл. *ž'd' (*мозг–изможденный*, ср. ст.сл. ИЗМЪЖДЕНЪ, но *мозжить, мозжечок; пригвоздить–пригвожденный*, ст.сл. ПРИГВОЖДѢЖ, но *пригвозжу*).

Сочетания зубных согласных с сонорными перед *j также дают шипящие, например, *мыслить–мышление* (прасл. *mysljenije), однако непоследовательно: *соблазнение, смотрю*.

Йотовая палатализация согласных т, д дает разные результаты в разных славянских языках:

прасл. *tj		прасл. *dj	
↓	↓	↓	↓
ст.сл. ш't'	др.р. ч'	ст.сл. ж'd'	др.р. ж'

Например, прасл. *světja → совр. *свет–освещение* (ст.сл.) –*свеча* (др.р.);

прасл. *vodjъ → совр. *водить–вождь* (ст.сл.) –*вожак* (др.р.).

В современном русском языке используются и старославянские, и древнерусские по происхождению формы: литер. *нужда* / диалект. *нужа, гражданин* / *горожанин*. Некоторые слова сохранились только в старославянской форме: *питать–пища* ← прасл. *pitja → др.р. *ПИЧА, *ветошь–вещь* ← прасл. *vetjъ → др.р. *ВЕЧЬ.

Результаты j-палатализации в современном русском языке закрепляются в следующих случаях слово- и формообразования:

- в существительных с суффиксами *-j- (*суша, сеча, стража, плач*), *-jenij-e (*прегрешение*);
- в прилагательных сравнительной степени с суффиксом *-ješ- → -je (*суше, дороже, мягче*) и притяжательных прилагательных с суффиксом *-j- (*человечий* ← ЧЕЛОВѢЧЬ из *-кѣ);
- в формах 1 лица настоящего времени глаголов II спр. (*учу* ← *ukjon);
- в страдательных причастиях прошедшего времени от глаголов на -ить, когда палатализации подвергаются свистящие и зубные (*спросить–спрошенный* ← *-prosjenъ, *разбудить–разбуженный, закрутить–закрученный*).

III

К праславянскому периоду относятся некоторые преобразования групп согласных, одинаковые в диалектах, легших в основу южнославянских и восточнославянских говоров. Причина их – действие принципа восходящей звучности.

1) В праславянской фонетической системе не существовало долгих согласных, и если в праформе оказывались одинаковые звуки, то происходила их диссимилиация:
 прасл. *tt, *dt → *st, например, (*плету*) *плести* ← прасл. *pletti; (*веду*) *вести* ← прасл. *veti ← *vedti; (*сладкий*) *сласть* ← прасл. *sladtъ.

2) В ряде групп согласных происходило упрощение разных по месту образования смычных согласных:

о.сл. *pt, *bt → *t, например, *долото–долбить* ← прасл. *dolbto;

прасл. *bn, *dn, *pn, *tn → *n, например, *спать–уснуть–сон* ← прасл. *sŭpnati, *ousŭpnonti, *sŭpnъ (ст.сл. / др.р. СЪПАТИ, ст.сл. ОУСНЖТИ, ст.сл. / др.р. СЪНЪ); *кинуть–кидать* ← прасл. *kidnonti;

прасл. *tm, *dm → *m, например, *время (вертеть)* ← прасл. *vertmen; *дам (дадим)* ← прасл. *dadmŭ.

Упрощение групп согласных происходило в сочетаниях тождественных по месту образования согласных:

прасл. *bv → *v, например, *obvolko → ст.сл. ОБЛАКО, ср. совр. *оболочка*;

*dl, *tl → *l, например, *vedlъ → ст.сл. /др.р. ВЕЛЪ; *pletlъ → ст.сл. /др.р. ПЛЕЛЪ.

ТЕМА 5

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Сущность, хронология и этапы падения редуцированных Ъ и Ь.
2. История напряженных редуцированных Ы и И.
3. Следствия падения редуцированных.
4. Явления грамматической аналогии, вызванные падением редуцированных.

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 97–128, 149–150.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С.166–172.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С.69–72.

Утрата редуцированных гласных в древнерусском языке – одно из основных явлений, которое приблизило древнерусскую языковую систему к современному состоянию.

Падение Ъ и Ь как процесс опиралось на различие в произношении этих звуков в сильной и слабой позициях, которое привело к полной утрате редуцированных в слабой позиции и переходу их в соответствующие гласные полного образования в сильной: ъ → о, ь → е.

Хронология падения редуцированных и его этапы установлены по показаниям памятников письменности А. А. Шахматовым: в южных древнерусских говорах процесс завершается во II половине XII века, в северных – в I половине XIII века.

Наиболее ранняя фиксация утраты редуцированных в слабой позиции представлена в надписи на Тмутороканском камне 1068 года:

:ВЪ ЛѢТО 1068 ГЛѢБЪ КНѦЗЬ МѢРИЛЬ МОРЕ ПО ЛЕДУ Ѫ ТЪМУТОРОКАНѦ ДО КЪРЧЕВА 10 000 И 4 000 САЖЕ

В Мстиславовой грамоте 1130 года: ВЪ КНѦЖЕНИЮ, КНѦЗЬ, ВСЕВОЛОДОУ, КТО.

Утрата редуцированных шла не одновременно в разных фонетических позициях. По мнению А. А. Шахматова, редуцированные в слабой позиции раньше всего исчезали в первом предударном слоге: др.р. КЪНѦЗЬ → князь, др.р. СЪНА → сна. Современные историки языка дополняют эту характеристику: слабый редуцированный в первом предударном слоге исчезал раньше, если он не имел сильной позиции в родственных словах, то есть в слове КЪНѦЗЬ редуцированный Ъ исчезал раньше, чем в слове СЪНА, поскольку во втором случае слабая позиция соотносится с сильной позиции в начальной форме слова др.р. СЪНЪ.

Рано утратились редуцированные и в абсолютном конце слова, на что указывает фиксируемое в сочинении Константина Багрянородного «О народах» (949) отсутствие конечного гласного в слове прѣх (ПОРОГЪ) при описании днепровских порогов. Но по традиции написание Ъ, Ь в конце слова сохранялось вплоть до реформы орфографии 1917 года.

Первые примеры замены на письме Ъ и Ь в сильной позиции О и Е обнаруживаются в деловой письменности с XII–XIII веков. Так, в Данной грамоте Варлаама Спасо-Хутынского монастырю 1192 года: ПРОТИВЕНЬ вм. ПРОТИВЬНЬ (*противник* 'истец и ответчик в суде как противоположные стороны судебного процесса'), но там же: Ѫ ПОЖЬНЬ; в Смоленской грамоте 1229 года: ГРИВЕНЪ вм. ГРИВЬНЪ.

II

Результаты падения напряженных редуцированных Ы, И несколько иные: в сильной позиции они, как Ъ, Ь, переходили соответственно в О, Е; в слабой позиции утрачивались, а И в абсолютном конце слова переходил в j: др.р. ЛИЮ → лью, др.р. МЫЮ → мою, др.р. НОЧИИ → *ночей*. Но в формах полных прилагательных м. р. И. п. ед. ч.: ГЛОУХЫИ → др.р. *глухой*, ст.сл. ГЛОУХЫИ; НОВЫИ → др.р. *новой*, ст.сл. НОВЫИ; СИНЬИ → др.р. *синей*, ст.сл. СИНЬИ. В современном русском языке О, Е сохраняются лишь под ударением (*молодой, живой*, а также в фамилиях типа *Толстой, Дикой*), без ударения – закрепляется старославянский вариант.

Старославянский вариант закрепляется под ударением в современных существительных *убийца* (вм. собственно древнерусского преобразования *убойца), *кровопийца* (вм. *кровопейца).

Некоторые слова сохраняют оба варианта, например: *Мария–Марья, житие–житье, печение – печенье.*

III

Следствия падения редуцированных

1. В слоговой и морфемной структуре слова

– Прекратил действовать закон открытого слога, появились закрытые слоги, и, как следствие, возникла тенденция к снижению звучности в конце слова: ДО | МЪ → дом, ЖЬ | НЬ | ЦЬ → жнец.

– При словоизменении и словообразовании стали изменяться границы слога: ПЛО | ДЪ, ПЛО | ДА → *плод, пло | да.*

– Возникли нулевые окончания: СТОЛЪ → *стол*, ЖЕНЪ → *жен*, РЪЖЬ → *рожь*, ПИСАЛЪ → *писал*, ГОРЯЧЬ → (кофе) *горяч*.

– Возникли варианты морфем:

корня – И. ед. ВЪСЬ / Р. ед. ВЪСЕГО → *весь / всего*;

приставки / предлога – СЪ ДАНИЮ / СЪ ВЪСЪМИ → *с данью / со всеми*; СЪДЪЛАТИ / СЪРВАТИ → *сделать / сорвать*. Так же: ВЪ → *в / во*, ОТЪ → *от / ото*, ПОДЪ → *под / подо*, ВЪЗЪ → *воз / возо, вз*. Влиянием церковнославянского языка объясняется наличие гласного полного образования на месте исторических редуцированных в приставках СЪБОРЪ → *сбор*, но *собор*, ВЪСХОДЪ → *всходы*, но *восход*;

суффиксов – ЪК → *ок / к* (ДОУБЪКЪ), ЪК → *ек / к* (ОРЪШЪКЪ), ЪСК → *еск / ск* (БРАТЬСКИИ → *братский*, но: ДРОУЖЬСКИИ → *дружеский*. После падения редуцированных Ъ после шипящих не исчезал, а переходил в Е. По мнению историков языка, причиной этого явилось влияние традиции церковнославянского чтения – его напевность, отсюда БРАТЬСТВО → *братство*, но: ЮНОШЬСТВО → *юношество*. Иначе возникло бы труднопроизносимое стечение согласных).

2. В системе гласных

– Утрачены как самостоятельные фонемы <ъ> и <ь>.

– Возникла беглость гласных как процесс, то есть появились регулярные чередования гласных *е // нуль звука, о // нуль звука*. Именно на основании беглости гласных в современном русском языке можно восстановить древнерусский фонетический облик слова, например:

совр. *сотня* – *сто* – *сотен*

в корне *о // нуль звука*, в суффиксе *е // нуль звука*

др.р. до падения ред. СЪТЪНЯ–СЪТО–СЪТЪНЪ.

Но совр. *мост* – *беглость гласных отсутствует*, поэтому в др.р. МОСТЬ.

– Возникает так называемое «второе полногласие», которое находит отражение в памятниках письменности, например: ОТЪЦЬ ТИ ОУМЕРЕЛЪ; МОЛОНЬЯ (Лавр. летопись, 1377); ЗА 500 ВЕРЕСТЬ ЗА КЫЇВОМЪ (Псков. летопись, XV в.).

Термин был введен А. А. Потебней («К истории звуков русского языка» : в 4 ч. 1873–1883), рассматривавшим это явление как аналогичное первому полногласию, то есть как очень древнее, вызванное действием закона открытого слога.

По мнению А. А. Шахматова, это результат падения редуцированных в сочетаниях редуцированных с плавными между согласными в диалектах, легших в основу древнерусского языка, где слоговость плавных утрачивалась:

о.сл. *рълнъ → др.р. ПЪЛНЪ → (как и *tolt) *полон*;

о.сл. *вървь → др.р. ВЪРВЪ → (как и *tert) *веревь / веревка*.

В современном литературном русском языке результаты второго полногласия единичны: *сумеречный* ← др.р. СОУМЪРКЪ, *бестолочь* ← др.р. ТЪЛКЪ, *остолоп* ← др.р. СТЪЛБЪ. В говорах же, особенно северно-великорусских, они довольно регулярны: *должно, молонья, столоб*.

– Становится возможным переход [и] в [ы] после твердого согласного (аккомодация): др.р. СЪИГРАТИ → *сыграть*, БРАТЬ ИВАНЪ → *брат [ы]ван*. В современном русском языке этот переход закрепляется на письме после приставок на согласный, например: *история – предыстория, искусный – безыскусный, искать – разыскать*.

3. В системе согласных

– Происходит оглушение звонких согласных в конце слова: др.р. РОДЪ → *рот*, др.р. ЛОУГЪ → *лук*.

– В возникших группах согласных происходит ассимиляция звуков

по звонкости: др.р. СЪДЕЛАТИ → *[зд]елать*;

по глухости: др.р. БЛИЗЪКО → *бли[ск]о*; иногда эти изменения закрепляются на письме: *здравствуй* ← др.р. СЪДРАВЪСТВОУИ, *здесь* ← др.р. СЪДЕСЬ, *пчела* ← др.р. БЪЧЕЛА, *свадьба* ← др.р. СВАТЬБА, *где* ← др.р. КЪДЪ;

по мягкости: др.р. СЪДЕЛАТИ → *[з'д']елать*;

по твердости: др.р. ТЪМЪНО → *те[мн]о*;

по месту и способу образования: др.р. СЪЖАЛЪ → *[жж]ал*, СЪШИТИ → *[шш]ит'*.

– Вследствие оглушения в конце слова или ассимиляции звука [в] возникает собственно русский [ф]: др.р. ВЪ КРЪВЪ → *[ф] кро[ф']*, др.р. ЛАВЪКА → *ла[ф]ка*.

– В группах согласных 'взрывной+взрывной' и 'смычный+смычный' проходит диссимиляция первых звуков во фрикативный и щелевой: др.р. ЧИТЛО → *число (считать)*, др.р. КОНЬЧЬНО → *коне[шн]о*; др.р. МЯГЪКЫИ → *мя[хк]ий*, др.р. ЛЕГЪКЫИ → *ле[хк]ий*.

– Из-за трудности произношения образовавшихся групп согласных происходит их упрощение – один из согласных выпадает: ОУСТЬНЫИ, СВЪЗДЪНЫИ, СЪЛНЬЦЕ. На письме закрепилось небольшое число этих преобразований: др.р. ИСТЪБА / ИСТЪБА 'теплое помещение / истопленное помещение' → ИСБА → *изба*; др.р. БЕДРЪЦЕВАЯ → *бедрцевая* → *берцовая* (кость), др.р. ДЪБРЯНЬСКЪ → *Брянск*, др.р. ДЪСКОТЬРТЪ → *скатерть*. Таким образом, падение редуцированных привело к затемнению внутренней формы возникших в результате преобразования слов и непрозрачности этимологических связей между

исторически родственными словами, следовательно, можно говорить и о **влиянии процесса падения редуцированных на лексическую систему**.

Последовательно закрепляется на письме упрощение групп согласных в формах глаголов прошедшего времени м. р. ед. ч.: др.р. НЕСЛЪ, СОХЛЪ, МОКЛЪ → *нес, сох, мок*.

Аналогична причина стяжения групп согласных ДЪС, ТЪС в Ц: др.р. ДЪТЬСКЫИ, ГОРОДЪСКЫИ, МЫЕТЬ СЯ (в беглой речи ц = тс).

– Формируются 11 пар согласных, соотносительных по звонкости~глухости (б-п, в-ф, г-к, з-с, д-т, ж'-ш', б'-п', в'-ф', з'-с', д'-т') и 12 пар согласных, соотносительных по мягкости~твердости (б-б', в-в', д-д', з-з', л-л', м-м', н-н', п-п', р-р', с-с', т-т', ф-ф').

IV

В результате падения редуцированных возникли **случаи фонетической и грамматической аналогии**:

– Беглость гласных в словах типа *ров, лед – по рву, льду* не отражает исконного редуцированного в корне слов, а имеет аналогический характер: ПО ЛЕДОУ (Тмутороканская надпись, 1068), И ЕСТЬ РОВЪ И ДО СЕГО ДНЕ (Повесть временных лет, под 980 годом).

– По аналогии беглость гласных возникает в суффиксе существительных ПЛЪТЕНЬ, ПЪРСТЕНЬ, КОРЕНЬ (скл. с основой на * ĭ); РЕМЕНЬ, КАМЕНЬ (скл. с основой на * n) – совр. *плетня, перстня, корня, ремня, камня*.

– Вторичные гласные о/е появляются в группах согласных, где исконно не было редуцированных, в частности, древнерусские формы И. ед. существительных скл. с основой на * ĭ ВЪТРЪ, ОГНЬ, ОУГЛЬ; формы Р. мн. существительных скл. с основой на * jā ЗЕМЛЬ, КАПЛЬ, СЕСТРЪ изменились в совр. *ветер, огонь, уголь, земля, капель, сестер*.

– В формах слов *американец–американца, береточка–береточек, шоколадка–шоколадок*, заимствованных после процесса падения редуцированных, принцип аналогии не может действовать. Значит, из процесса фонетического беглость гласных стала *морфологическим средством образования грамматических форм*, в частности, все существительные с суффиксом -к- и его вариантами при склонении отражают беглость гласных.

– Причина утраты конечного безударного -и в форме повелительного наклонения глаголов 2-го лица ед. числа определяется по-разному. Так, А. И. Соболевский связывает ее с влиянием соответствующих форм атематических глаголов ЪЖЬ, ВЪЖЬ, ДАЖЬ. Л. А. Булаховский – со специфической аффективностью самого повелительного наклонения. А. М. Селищев видел в этой утрате следствие падения редуцированного напряженного И, как он определял суффикс императива.

Большинство ученых усматривают здесь действие принципа грамматической аналогии с падением редуцированных, как и в суффиксе инфинитива -ТИ, где заударный И исконно гласный полного образования: ЗНАТИ → *знать*, ЖЕЧИ → *жечь*, но НЕСТИ → *нести, вынести, принести, занести*.

Написания инфинитива с -ТЬ фиксируются в памятниках письменности с XIII века, однако даже в деловой письменности формы на -ТЬ используются параллельно с формами

на -ТИ. По мнению С. И. Коткова, в московской деловой письменности формы на -ТЬ становятся существенно преобладающими в XVI веке. Книжно-письменная же традиция сохраняет вплоть до XVIII века формы на -ТИ.

– Утрата заударного конечного -И в существительных МАТИ, ДЪЧИ происходит по аналогии с формами существительных продуктивного склонения с основой на *ї, с которыми они сближаются.

– В названиях городов на -ЬСК- и в словах типа *швец, жнец, льстец* отражается действие принципа грамматической аналогии:

И.–В. КОУРЬСКЪ → Куреск СМОЛЬНЬСКЪ → Смоленск
Р. КОУРЬСКА → Курска СМОЛЬНЬСКА → Смоленска

Формы косвенных падежей влияют на И.–В., поэтому в них гласный, несмотря на сильную позицию, исчезает:

И.–В. ШЬВЬЦЬ → швец ЛЬСТЬЦЬ → льстец
Р. ШЬВЬЦА → шевца ЛЬСТЬЦА → летьца

В косвенных падежах должны образоваться формы с гласными полного образования в корнях. Действительно, после падения редуцированных они держались некоторое время в языке, на что указывает их употребление в некоторых русских говорах и в украинском языке. Но по аналогии с утраченным слабым Ъ в И.–В. он утрачивается и в косвенных падежах в сильной позиции. Реликтом этого процесса в современном русском литературном языке можно считать фамилию *Шевцов*, которая, однако, употребляется параллельно с вариантом, где прошла грамматическая аналогия, – *Швецов*.

ТЕМА 6 ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА

1. Процессы в системе согласных:

- а) смягчение заднеязычных;
- б) судьба шипящих и ц.

2. Процессы в системе гласных:

- а) история звука, передаваемого буквой Ъ;
- б) третья лабиализация [e];
- в) аканье как отличительная черта московского койне – сущность, гипотезы о времени и причинах возникновения.

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 128–149.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 184–228.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 74–111.

Русинов Н. Д. Хронология фонетических процессов древнерусского языка. – Горький, 1986.

По мнению К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева, «в развитии структуры языка в каждую историческую эпоху в серии различных изменений можно выделить главные, как бы

ведущие звенья, история которых интересна своим воздействием на остальные звенья системы. В истории звуковой системы русского языка XIV–XVII веков таким звеном была корреляция твердых ~ мягких согласных фонем» [Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 74].

Падение редуцированных сыграло существенную роль в окончательном формировании противопоставления согласных по твердости ~ мягкости: во-первых, вследствие него древнерусские редуцированные не совпали в одном звуке, как в некоторых других славянских языках (прсл. *сънь, *дьнь → р. сон, день, серб. сан, дан), а трансформировались в гласные полного образования непереднего и переднего ряда, перед которыми, соответственно, выступали согласные твердые и мягкие; во-вторых, качество предшествующего согласного не изменяется с утратой Ъ в слабой позиции (за исключением небольшого числа случаев ассимиляции по мягкости ~ твердости): *горка – горька (микстура), конь – кон*.

Заднеязычные изначально не влияли на формирование корреляции мягкие ~ твердые согласные. Первые примеры среднеязычных Г', К', Х' характерны для заимствований (К'ИТЬ, АНГ'ЕЛЬ, Х'ИТОНЬ). Древнейшим собственно русским изменением, приведшим к появлению среднеязычных, было изменение сочетаний Ъ, КЪ, ХЪ в Г'И, К'И, Х'И.

В памятниках написания ГИ, КИ, ХИ появляются с XII века, причем, раньше в южных – Юрьевское Евангелие, 1120: КИИХЪ; Галицкое Евангелие, 1144: ЧЛЧСКИИ. На севере этот процесс, по наблюдениям П. Я. Черныха, осуществляется позднее: если в ростовском Житии Нифонта, 1219 отмечен лишь один случай написания ГИ вм. Ъ, то в московских грамотах XIV века они регулярны. Таким образом, процесс формирования противопоставления по мягкости ~ твердости заднеязычных охватывает XII–XIII века, а к XIV веку он завершается.

Реликтом исконной твердости заднеязычных можно считать твердое произношение их в формах прилагательных на *-гий, -кий, -хий* и в формах глаголов на *-гивать, -кивать, -хивать*: *стро[гъ]й, русс[къ]й, ти[хъ]й, затра[гъ]вать, вска[къ]вать, расма[хъ]вать*, – которое было широко распространено в XIX и начале XX века.

Относительно **причины** смягчения заднеязычных в истории языка закрепилось мнение А. А. Шахматова: первоначально твердые согласные были несколько лабиализованными; утрата ими лабиовелярного (огубленно-задненебного) характера привела к перемещению гласного Ъ в передний ряд – в И. Перед ним и происходит смягчение Г, К, Х в Г', К', Х'.

К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев обращают внимание на то, что мнение А. А. Шахматова не объясняет причин утраты лабиовелярности заднеязычными (почему этого не происходит с губными и свистящими?). Французский лингвист А. Мартине («Основы общей лингвистики», 1963), обобщая исследования по исторической фонологии европейских языков, доказывает, что в фонологических системах у согласных обычно не сочетаются признаки палатализованности ~ непалатализованности и лабиовелярности ~ нелабиовелярности. Если же такое сочетание возникает, то в ходе исторического развития в качестве дифференциального признака сохраняется один из них.

К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев считают, что в древнерусском языке развитие корреляции согласных по мягкости ~ твердости сопровождалось утратой согласными лабиовелярности. В результате заднеязычные утрачивают огубленно-верхненебный характер и появляются среднеязычные Г', К', Х' как аллофоны Г, К, Х, перед И.

У губных и переднеязычных согласных противопоставление по мягкости ~ твердости сформировалось раньше (в результате вторичного смягчения полумягких), чем утратилась лабиовелярность заднеязычных, напр. ВЫТИ-ВИТИ, поэтому фонетическое изменение губных и зубных БЫ, ПЫ, ДЫ, ТЫ, ВЫ, МЫ, СЫ, ЗЫ в Б'И, П'И и т.д. оказалось невозможным.

Следующий этап реализации этого противопоставления – выравнивание основ на заднеязычный в парадигмах склонения и спряжения: *ученици* ← *ученик, ученика* = *ученики*, *об ученицѣ* ← *ученики* = *об ученике*.

Шипящие Ж', Ш' и аффриката Ц' отвердели. По данным старых текстов, этот процесс происходит с **XIV века** и отражается в написании букв Ъ и Ы после Ж, Ш (написания букв А, ОУ, как известно, были возможны в самых ранних памятниках, не нарушая закона слогового сингармонизма): Духовная грамота Димитрия Донского, 1389 – ЖЫВИТЕ, ДЕРЖЫТЬ, ШЫШКИНА; Купчая грамота, XV – ИВАШЪКОВО, ПРИЛОЖЫЛИ.

Отвердение Ц в нецокающих говорах, по написаниям в памятниках ЦЪ, ЦЫ, относится к **XVI веку**: Домострой, конец XVI века – ОТЕЦЪ, КОНЦЫ.

Укажем, что в северных говорах мягкость шипящих сохранялась и в национальный период. А перед суффиксом *-ник*, по наблюдениям А. А. Шахматова, она характерна и для русского литературного языка начала XX века: САПОЖ'Н'ИК.

Современная орфографическая норма закрепляет написания ЖИ, ШИ, ЖЬ, ШЬ, а также ЦИ (исключения: *цыц, цыган, цыпленок, на цыпочках, огурцы, сестрицын*).

II

А. История фонемы <ѣ> устанавливается на основе памятников письменности по употреблению буквы Ъ: правильно ли с этимологической точки зрения используется или смешивается с И и Е.

Мнение о том, что изменение данного звука шло различно в разных говорах, у всех историков языка однозначно.

Так, А. А. Шахматов анализирует новгородские пергаменные грамоты XIII–XIV веков и приходит к выводу, что в этот период в древненовгородском говоре еще сохранялась специфика данного звука как дифтонга ИЕ.

В. И. Борковский анализирует новгородские берестяные грамоты XIV–XV веков и отмечает массовые замены Ъ как буквой И (В КЛИТЬ вм. В КЛѢТЬ; НА ЗИМИ вм. ЗИМѢ), так и буквой Е (О ЦЕНЕ вм. ЦѢНѢ; ПРИ ВЕТРЕ вм. ПРИ ВѢТРѢ), причем замены эти позиционно не обусловлены. Это позволяет К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаеву делать вывод: результаты замены дифтонгического произношения Ъ в разных новгородских говорах вплоть до XV века различны. Закрепление в северных говорах звука И произошло позднее.

Естественно, особого внимания требует рассмотрение **московского говора**. Анализ текстов XIV–XV веков ростово-суздальского происхождения указывает на утрату специфики звука [ѣ] вскоре после XV века. А в московских грамотах XV–XVII веков (как отмечают Л. Л. Васильев, С. И. Котков) случаи замены Ъ буквой Е немногочисленны, то есть в московском говоре вплоть до начала XVIII века должен был сохраняться этот звук. Однако анализ свидетельств XVII–XVIII веков, проведенный В. В. Виноградовым, позволил ему сделать вывод, что фонетическое различие между Ъ и Е было характерно к началу XVIII века для церковного языка и высокого слога, но чуждо – просторечию.

«В. К. Тредиаковский, отличая ѣ от е и сближая ѣ с йотированным е, обозначавшим “звон латинских букв ие по немецкому и польскому латинскому произношению”, признает смешение звуков ѣ и е “толь

порочным, что невозможно изобразить, сколько, разве токмо, что оно пребезмерно порочное”. А. П. Сумароков о различии в произношении *ѣ* и *е*..: “ѣ всегда несколько в *и* вшибается”. Однако тот же Сумароков свидетельствует, что под напором разговорно-бытового языка церковнославянская традиция различного произношения *ѣ* и *е* умирает и что *ѣ* и *е* в высоком славянском слоге нередко сливались в один звук... Ломоносов в своей грамматике уже почти отказывается различать *ѣ* и *е* в просторечии. Однако, по его словам, эту разницу “в чтении весьма явственно слух различает и требует в *е* дебелисти, а в *ѣ* – тонкости”» [Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд.3-е. М., 1982. С. 114–115].

По традиции буква *Ѣ* употреблялась до реформы орфографии 1917 года.

Отметим, что в ряде слов в русском литературном языке закрепляется произношение и написание *И* на месте *Ѣ*, например, *дитя* ← др.р. ДѢТЯ, *мизинец* ← др.р. МѢЗИНЬЦЬ, *сидишь, сиди* ← др.р. СѢДИШИ, СѢДИ.

Б. История русского языка знает **три лабиализации**.

1-я лабиализация происходит в диалектах, легших в основу древнерусского языка, и представляет собой переход *Е* в *О* в составе **telt* типа прасл. **melko* → др.р. **molko* → МОЛОКО.

2-я лабиализация также характерна для диалектов, легших в основу древнерусского языка, и осуществляется в начальном слоге, если ударными оказываются гласные первого или второго слога, а гласный второго слога переднего ряда (ЮЗЕРО – ОЗЕРО).

3-я лабиализация отличает только русский язык, причем не все его диалекты. Условия ее осуществления – под ударением перед твердым согласным (*несу* – *нес*, *елка* – *ель*), а также под ударением на конце слова по грамматической аналогии (*копье*, *плечо*, но *платице*).

В современном русском языке 3-я лабиализация осуществляется не во всех словах даже в указанных позициях, например, ее результатов нет в словах *дедушка*, *купец*, *эстафета*. Объяснить это возможно лишь с учетом происхождения современного звука [e]:

др.р. [e] *мести* – *мел* ← др.р. МЕСТИ

происхождение совр. [e] др.р. [ь] *пень* – *опенок* ← др.р. ОПЬНЪКЪ

др.р. [ě] *дедушка* ← др.р. ДѢДЪ

Таким образом, лабиализации подвергается современный [e], который восходит к [e] и [ь], и не подвергается [e], который восходит к [ě].

Необходимо учитывать случаи перехода *Е* в *’О* под действием принципа аналогии при отсутствии необходимых условий:

– в форме П. ед. существительных перед мягким согласным, например, *на березе*, *в самолете*, по аналогии с начальными формами *береза*, *самолет*;

– в форме 2-го л. мн. ч. настоящего времени глаголов перед мягким согласным, например, *зовете*, *ждете*, по аналогии с другими формами спряжения *зовешь*, *зовет*, *зовем*, *зовете*;

– в форме Т. ед. существительных после шипящих перед мягким согласным [j], например, *душой*, *свечой*, по аналогии с формами твердой основы типа *водой*, *стеной*.

• Эта закономерность должна использоваться при восстановлении древнерусского состояния слова. На месте современного [e] восстанавливаются:

др.р. [e], если он небеглый и переходит в *’о*, например, совр. *Петр* – *Петра* ← др.р. ПЕТРЪ;

др.р. [ь], если он беглый и переходит в *’о*, например, совр. *шел* (3-я лаб. + беглый гл. *шли*) ← др.р. ШЬЛЬ;

др.р. [ě], если он небеглый и не переходит в 'о, например, совр. *снег* (нет 3-й лаб. + нет беглости гл.) ← др.р. СНЪГЪ.

Необходимо учитывать случаи отсутствия в современном русском языке перехода Е в 'О при наличии необходимых условий:

– в старославянских по происхождению словах, поэтому *крестный* (ход), но *крестный* (отец); *перст*, но *наперсток*; *жертва*, но *прожорливый*; *совершенный* (вид глагола), но *совершенный* (поступок).

Поэтическому языку XVIII–XIX веков были характерны формы, ориентированные на старославянскую норму:

Он по-французски совершенно

Мог изъясняться и читал,

Легко мазурку танцевал

И кланялся непринужд[е]нно (Пушкин. Евгений Онегин);

– в иноязычных заимствованиях типа *котлета*, *тема*, *крем*, *аптека* и т.д.;

– в исконных по происхождению словах типа *женский*, *деревенский*, так как изначально за гласным [e] следовал мягкий согласный: др.р. ЖЕН'ЬСКИИ, ДЕРЕВЬНЬ'СКИИ.

Хронология и условия осуществления процесса

3-я лабиализация стала возможна лишь после падения редуцированных, поскольку ею охвачен [e], восходящий к [ь]. Она невозможна, если [e] восходит к [ě]; значит, к концу XVII века, когда в московском говоре сохранялась специфика [ě], 3-я лабиализация как звуковой процесс уже завершилась.

Переход происходит перед шипящими, например, *надежный*, *одежка*, *лежа*; но его нет перед Ц, например, *купец*, *молодец*, *конец*. Известно, что согласный Ж отвердел в XIV веке, а отверждение Ц датируется рубежом XV–XVI веков.

Итак, хронология 3-й лабиализации – начало XIII – конец XV века.

В памятниках письменности переход Е в 'О отражается достаточно своеобразно: в суффиксах и флексиях он появляется уже в конце XII века: МОУЖОМЪ в м. М. ОУЖЬМЬ – Слово Ипполита об антихристе, XII в.), но, по мнению В. В. Иванова, здесь отражено влияние окончаний склонения с основой на *ѡ (-ЪМЬ). Сам же процесс 3-й лабиализации отражается только с XIV века, например, Новгородская Кормчая дает ДНОВЪ в м. ДЪНЕВЪ.

Современная буква *ё* введена Н. М. Карамзиным и впервые употреблена им в альманахе «Аониды» (1797) в слове *слёзы*.

В. Одной из основных черт московского говора, а позднее и русского литературного языка становится **аканье**. Под аканьем в широком смысле понимается неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах, где они могут переходить в различные гласные звуки, качество которых зависит от позиционных условий. В этом значении аканье противопоставлено оканью – различению безударных гласных неверхнего подъема, то есть такому же их звучанию, как и под ударением: при оканье – *в[а]да*, *л[е]са*, *ст[а]нок*; при аканье – *в[а]да* / *в[ы]да*, *л'[u]са* / *л'[u]са* / *л'[a]са* / *л'[ь]са*, *ст[а]нок* / *ст[ъ]нок*.

Аканье в узком смысле как неразличение гласных [a] и [o] в безударном положении, совпадение их в звуке [a] или его вариантах в зависимости от положения слога по отношению к ударению противопоставляется яканью, отдельные разновидности которого – иканье, еканье и т.п. передают конкретные реализации слабой гласной фонемы первого предударного слога после парных мягких согласных.

Проблема хронологии и причин возникновения аканья до сих пор не получила однозначного научного решения.

В соответствии с редуccionной теорией, сформулированной А. А. Шахматовым и разрабатываемой позднее Р. И. Аванесовым, Г. А. Хабургаевым, В. В. Ивановым, аканье представляет собой русское диалектное явление, которое развивается из оканья в результате изменения характера ударения древнерусского языка: утрата его интонационного характера приводит к противопоставлению ударного слога безударным, где и происходит редуccion гласных неверхнего подъема. Причем, большинство ученых признают возможность возникновения аканья только после падения редуccionированных. Эта позиция сформировалась на основе работ Л. Л. Васильева: гласные полного образования не могут подвергаться изменениям раньше, чем гласные неполного образования.

Теория древнейшего происхождения аканья относит его возникновение к праславянской эпохе и предполагает, что оно унаследовано не только восточнославянскими диалектами. Так, А. А. Шахматов считал аканье характерным еще говору вятичей, восточнославянского племени дописьменного периода. Французский ученый А. Вайан («Руководство по старославянскому языку», 1952) связывает его с праславянским совпадением кратких индоевропейских гласных **ǣ*, **ǥ* в гласном **a*, а не в **o*, как это происходит во всех славянских языках и диалектах. Возникновение различий между оканьем и аканьем Ф. П. Филин, В. И. Георгиев относят к VII–VIII векам, причем, Ф. П. Филин считает, что аканье и оканье одинаково древними, а В. И. Георгиев определяет аканье более древним, чем оканье.

Многие ученые говорят об экстралингвистических причинах возникновения аканья, в частности, влияния других языков. В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов допускали тюркское влияние на южные восточнославянские говоры; В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев – балтийское на западные восточнославянские говоры; Н. Д. Русинов, В. И. Лыткин – восточно-финское, в частности мокшанское, на восточные древнерусские говоры.

Неоднозначно решается и важнейший вопрос о том, когда **аканье стало нормой московского койне**.

А. А. Шахматов: «Ни в XIV, ни в XV в. Москва еще не могла выработать своего языка, создать *коивѣ*; в Москве одни окали, другие акали», причем, высшие классы являлись носителями севернорусского оканья.

Р. И. Аванесов приводит интересные данные по соотношению оканья и аканья в речи московских царей: аканье отсутствовало в переписке Ивана Грозного (сер. XVI в.), но «делает успехи в языке царя Михаила Федоровича, и оно уже господствовало в языке Алексея Михайловича» (конец XVI – начало XVII в.). На этой основе В. В. Иванов делает вывод о том, что «выработка единого московского койне завершилась в начале XVII в.» [Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 211].

Несмотря на то, что аканье – процесс фонетический, а русская орфография основана на морфологическом принципе, в ряде случаев оно закрепляется на письме: *ахиня* ← др.р. ОХИНЕЯ ← ХИНИТЬ ‘бранить, хаять’ ← ХИНЬ ‘вздор, чепуха’; *баран* ← др.р. БОРАНЪ; *забота* ← др.р. ЗОБАТИСЯ ‘хлопотать’ ← ЗОБЬ ‘пища, еда’; *калач* ← др.р. КОЛО ‘колесо’; *палаты* ← др.р. ПОЛАТЫ; *паром* ← др.р. ПОРОМЪ; *славяне* ← др.р. СЛОВЪНЕ. Фиксируются и случаи закрепления написания Е на месте Я: *ресница* ← др.р. РАСНИЦА; *ястреб* ← др.р. АЕСТРАБЪ.

История фонетической системы русского языка демонстрирует существенное изменение **в соотношении вокализма и консонантизма**.

В начальный период фонологическая система имела вокалический характер: во-первых, она включала большое число гласных (изначально 11, после утраты носовых – 10), которые выступали в слоге в одном и том же, постоянном качестве; во-вторых, в соответствии с тенденцией к открытости слога начальный согласный последующего слога не оказывал существенного влияния на конечный согласный предшествующего слога, напротив, качество последующего гласного определяло качество согласного (изменение твердых согласных в полумягкие перед гласными переднего ряда); в-третьих, не было системного противопоставления согласных по твердости~мягкости и звонкости~глухости.

Ослабление роли вокализма и усиление роли консонантизма связано со смягчением полумягких согласных (расширение состава согласных фонем, сохранение противопоставленности парных по твердости~мягкости согласных перед <a> и <y>, дефонологизация признака зоны образования гласных, утрата фонемы <ä> и превращение <i> и <ы> в потенциальные варианты одной фонемы). Консонантной фонологическая система становится после падения редуцированных и утраты фонем <ъ> и <ь>.

ТЕМА 7

ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ, ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 158–172.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 124–135.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 230–243.

Историческая морфология как раздел науки изучает процессы в развитии морфологического строя русского языка, то есть **эволюцию способов и средств выражения грамматических значений**. Учитывая следующие характеристики морфологического строя: во-первых, способы выражения грамматических значений в древнерусском языке конца X – начала XI века связаны со словоизменением – склонением именных частей речи и спряжением глагольных форм; во-вторых, средством выражения грамматических значений преимущественно являются флексии; в-третьих, на протяжении своей истории русский язык сохранил флективный строй морфологической системы, – историческое изучение морфологии может характеризоваться как **изучение истории флексий**.

Основная задача исторической морфологии – выявить **хронологию, причины и ареал осуществления тех исторических изменений**, в результате которых исходная морфологическая система преобразовалась в современную. Морфологические изменения могут объясняться различными причинами:

– собственно морфологическими (так, тенденция к унификации как средство преодоления синонимичности форм обуславливает действие принципа аналогии, примером чего является перестройка исходной системы склонения существительных: современные три типа склонения сформировались на базе трех наиболее продуктивных древнерусских

типов, которые объединили и три непродуктивных типа, распространив на них свои флексии; тенденция к специализации, напротив, приводит к преодолению грамматической омонимии, например, омонимия форм И.–В. ед. и Р. мн. существительных с основой на *ǫ – **СТОЛЬ** – преодолевается закреплением в форме Р. мн. флексии склонения с основой на *ǫ – **СТОЛОВЬ**);

– фонетическими (например, возникшая вследствие падения редуцированных беглость гласных из процесса фонетического стала морфологическим средством образования всех существительных с суффиксом **-к-** и его вариантами типа *ручка, вазочка*);

– синтаксическими (например, формирование новой морфологической категории – деепричастия – на основе дифференциации синтаксических функций полных и кратких действительных причастий).

Достижение задачи изучения истории морфологии диктует определенную **последовательность рассмотрения истории каждой части речи**: во-первых, описание исходной системы категорий и форм, в которых выделяются специфические черты, отличающие эту систему от современной; во-вторых, рассмотрение причин и хронологии тех морфологических изменений, которые привели к преобразованиям.

Морфологические изменения, начавшись в поздний праславянский период, под воздействием фонетических изменений существенно усиливаются в XIII–XVI веках, однако основные грамматические категории, выражаемые словоформами, сохранились на протяжении исторического развития. Наибольшая близость морфологического строя древнерусского языка и современного его состояния проявляется в составе частей речи.

В ней были полностью противопоставлены друг другу имя и глагол: в плане содержания как класс слов, обозначающих предмет и его признак, классу слов, обозначающих действие или состояние; в плане выражения как слова, имеющие категории рода, числа и падежа, словам, имеющим категории времени, вида, наклонения, лица и числа. При этом общая категория числа у имен характеризовала их количественную сторону, а у глагола она определялась синтаксической связью с носителем действия.

В пределах имени, во-первых, существительные и именные прилагательные противопоставлены менее отчетливо, чем в современном русском языке, так как эти прилагательные имели именное склонение; во-вторых, существенно отличается лексический состав древнерусских местоимений от современных; в-третьих, для выражения количественного значения используются счетные слова, которые по грамматическим свойствам совпадают с прилагательными (от *одного* до *четырех*) и существительными (от *пяти* до *десяти*), а формирование числительного как особой части речи происходит уже в древнерусский период; в-четвертых, только в исторический период складывается современная видо-временная система глагола и категория деепричастия; в-пятых, состав наречий существенно отличается от современного, формирование этой части речи приходится на более поздние этапах языкового развития, что проявляется, в частности, в вариативности написания современных наречий (ср.: *уплыла вглубь / задать упражнение на дом; сварить яйцо вкрутую / разговаривать в открытую / жить по-новому*).

ТЕМА 8 ЭВОЛЮЦИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

1. Категории и формы существительных в древнерусском языке:
 - а) категория рода;
 - б) категории числа и собирательности (для самостоятельного изучения);
 - в) категория падежа;
 - г) категория лица как база для формирования категории одушевленности~неодушевленности (для самостоятельного изучения).
2. Типы склонения существительных в древнерусском языке.
3. Утрата категории двойственного числа.
4. Утрата формы звательного падежа.
5. Перегруппировка типов склонения в единственном числе.
6. Процесс выравнивания окончаний в пределах одного падежа.
7. Унификация типов склонения во множественном числе.

Литература:

- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 245–278.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 135–218.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 173–212.
- Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. – Ижевск, 1992. – С.10–49.
- Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М., 1990. – С. 37–176.

I

Для исходной системы имени существительного восстанавливаются **категории рода, числа, падежа** (как универсальные, охватывающие все слова этой части речи) и **категории собирательности и лица** (как частные, лексически ограниченные).

Категория рода в древнерусском языке, как и в современном русском, реализовывалась в распределении существительных по трем родам, причем, родовая принадлежность уже в праславянскую эпоху не имела жесткой соотнесенности с лексическим значением слова (прасл. *lěszь, но прасл. *rěka).

Для древнерусского языка характерна родовая синонимия, которая проявляется в большом числе случаев «использования однокоренных синонимических образований, принадлежащих различным грамматическим родам»: ЗАТВОРЪ – ЗАТВОРА, ЗАСТАВЪ – ЗАСТАВА, ОГРАДЪ – ОГРАДА, ОТРАДЪ – ОТРАДА, ПОДЪПОРЪ – ПОДЪПОРА, ПРИСЯГЪ – ПРИСЯГА и др. [Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. С. 10]. В современном русском языке такие примеры единичны (*проток – протока, соусник – соусница*).

По происхождению категория рода связана с понятием реального пола, в соответствии с чем к мужскому роду относятся существительные, обозначающие лицо мужского пола, к женскому роду – женского пола. Но существительные типа *воевода, владыка, судия, старейшина, слуга, староста, детина*, по половой соотнесенности мужского рода, имеют формально-грамматический показатель – флексию *-а* –

существительных женского рода. В. М. Марков считает, что изначально эти слова принадлежали общему роду. Возможности контекстуальной реализации родовой принадлежности (как и в современном русском *эта плакса, этот плакса*) были ослаблены «ввиду все более частого и, наконец, постоянного использования слова как наименования лица, вполне определенного в отношении пола. Так, существительное ЮНОТА (ОунОТА) уже в древнерусском языке фактически выступало как существительное мужского рода (юноша, молодой мужчина). О былой принадлежности общему (исконно женскому) роду свидетельствуют редчайшие случаи его употребления в значении «девица», на возможность которых указывают «Материалы» И. И. Срезневского» [Марков, 12].

Таким образом, по мере того, как существительное, некогда принадлежавшее женскому роду, начинает обозначать лицо мужского пола, оно приобретает и иную родовую соотнесенность.

Иной характер имеет эволюция категории среднего рода. Круг этих существительных в начальный период древнерусского языка был значительно шире, чем в современном языке. Во-первых, к среднему роду относились образования с суффиксами *-ушк-, -ишк-, -онк-*, на что указывают примеры из текстов XVI–XVII веков типа *купчишко пришло, на мое дворишко, дочеришко свое*. В современном русском языке это существительные мужского или женского рода. Во-вторых, в древнерусском языке существовала большая группа бессуффиксных существительных среднего рода типа *право, лево, сухо, красно, мало, ровно, светло*, на что указывает их употребление в пословицах типа *Полюби-ка нас в черне, а в беле и всяк полюбит; От красна до черна недалече; Молодо – зелено*; а также в древних текстах: **ИЗНОСЯЩЕ ИС ПОГРЕБОВЪ МЕДЫ ГОСПОДЬСКЫЕ И ПЬЯХУ ДО ВЕЛИКОГО ПЬЯНА** (Московский летописный свод, конец XV); **ЧТОБ ... НАД ДОМИШКОМ МОИМ КАКОВА ХУДА НЕ УЧИНИЛА** (Московская деловая и бытовая письменность, XVII). С точки зрения В. М. Маркова, в современном русском языке они сохраняются лишь в наречиях типа *справа, слева, досуха, докрасна, вmale, поровну, засветло*, которые возникли в результате адвербиализации исконных сочетаний существительного с предлогом.

Категория числа всех изменяемых частей речи, в том числе существительного, реализовывалась в системе трех числовых форм – единственного (указание на единичный предмет или лицо), двойственного (указание на два или неразрывную пару предметов) и множественного (указание на большее, чем два, число предметов). Таким образом, при наличии двойственного числа говорящий противопоставляет один предмет двум предметам, а два предмета – их множеству, то есть сохраняется представление о конкретной множественности. Мышление человека развивается по пути от конкретного к абстрактному, поэтому в современных языках существует только единственное и множественное число (противопоставление одного предмета любому абстрактному множеству).

В разные периоды исторического развития двойственное число представлено в большинстве языков мира (индоевропейских, семито-хамитских, тюркских, финно-угорских, палеоазиатских, австронезийских, африканских, индейских). Но именно в истории индоевропейских существование двойственного числа получает сакральное истолкование: образование пантеона парных божеств (например, в Ригведе – Варуна и Митра) и близнечного культа. Эта старая индоевропейская идеология дольше всего сохраняется у балтов и славян (так, по наблюдению Вяч. Вс. Иванова, клятвы в договорах русских с греками 907 и 971 годов скрепляются именами парных божеств – Перуна и Велеса) и после

христианизации проявляется в трансформации языческого культа в традицию пары двух святых (Борис и Глеб, Петр и Феврония). Именно этим ученые объясняют длительное существование двойственного числа в славянских языках [Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 2. С. 14].

В древнерусском языке с числовым противопоставлением оказывается связанной частная **категория собирательности**. В современном русском языке это категория лексико-грамматическая: «к разряду собирательных относятся существительные, обозначающие совокупности однородных предметов» [Русская грамматика 1982. Т. I. С. 461–462], которые не подвергаются счету и употребляются в форме единственного числа (исключения множественного числа типа *всходы, дебри, недра, финансы, чары* редки). В древнерусском языке она охватывает конкретные существительные и может обозначать «расчлененную» множественность – формы множественного числа – и «совокупную» множественность – формы единственного числа. Таким образом, древнерусские собирательные существительные изменяются по числам.

Существительные со значением лица образуют собирательные формы женского рода с помощью суффикса *-ĭj-: БРАТЬ (ед. ч.), БРАТИ (мн. ч.) → БРАТИЯ (собират., ед. ч.), БРАТИЊ (собират., мн. ч.). Так, в Мстиславовой грамоте 1130 года: И ТЫ ИГУМЕНЕ ИСАИЕ И ВЫ **БРАТИЊ** ДОНЕЛЊ ЖЕ СЯ МИРЊ СЪСТОИТЬ МОЛИТЕ БА ЗА МЯ И ЗА МОЊ ДЊТИ, – форма мн. ч. 3. п. собирательного существительного **БРАТИЊ**, совпадающая с формой И. п., выражает обращение донатора не только к нынешним монахам этого монастыря, но и ко всем, которые будут здесь служить до скончания мира.

Существительные с неличным значением образуют собирательные формы с помощью того же суффикса *-ĭj-, но среднего рода: ЛИСТЪ (ед. ч.), ЛИСТИ (мн. ч.) → ЛИСТИЕ / ЛИСТЪЕ (ед. ч. со значением ‘листва одного дерева’), ЛИСТИЯ / ЛИСТЪЯ (мн. ч. ‘листья деревьев вообще’).

К собирательным в древнерусском относились существительные типа ДРУЖИНА, НАРОДЪ, РОДЪ, которые в предложении координировались с глаголом во множественном числе: И ПО СИХЪ БРАТЬИ ДЕРЖАТИ ПОЧАША РОДЪ ИХЪ КНЖЕНЬЕ В ПОЛАХЪ (Повесть временных лет, начало XII); В СЕ ЖЕ ЛЊТО РЕКОША ДРУЖИНА ИГОРЕВИ (Повесть временных лет, начало XII), – а также названия народов и народностей типа РУСЬ, ЧЮДЪ, МЕРЯ, МУРОМА, ВЕСЬ, ВОДЪ, МОРЪДВА, ПЕРМЬ, ПЕЧЕРА, ЯМЬ, УГРА, ЛИТВА, ЗИМЊГОЛА, КОРСЬ, ЛЊТГОЛА, ЛЮБЬ, ВОЛЪХВА, МОРАВА, СЕРЕБЬ, СЊВЕРЪ и др., которые уже в древнейших памятниках используются как в единственном, так и во множественном числе без изменения семантики.

Категория падежа выражается в системе противопоставленных друг другу рядов форм, обозначающих отношение имени к другому слову в составе словосочетания или предложения, то есть это система значений, реализуемых на синтаксическом уровне. В соответствии с грамматической традицией в древнерусском языке, как и в старославянском, выделяется 7 падежей (праиндоевропейский отложительный, совпавший с родительным, в праславянский период утрачен). Звательный падеж (вокатив) обозначает лицо или предмет, к которому обращаются с речью, и используется только в функции обращения: ПОИДИ **КНЯЖЕ** СЪ НАМИ В ДАНЬ (Повесть временных лет, начало XII), О **БОЯНЕ, СОЛОВІЮ** СТАРАГО ВРЕМЕНИ! (Слово о полку Игореве, XII). Вследствие этого, в отличие от других падежных форм, вокатив оказывается вне синтаксических отношений в

предложении, что обуславливает подчеркиваемую всеми историками языка слабость, двойственность его положения среди других падежных форм.

Иную позицию в этом вопросе занимает А. А. Потебня: «В наших языках (славянских. – В. К.) единственные падежи, способные выражать подлежащее, суть именительный и звательный. <...> звательный, как и именительный, имея определенную деятельность в предложении, стоит не вне его, а в нем. Синтаксическое различие именительного и звательного – в том, что именительный лишь в местоимениях личных *я* и *мы*, *ты* и *вы* есть 1-е и 2-е лицо; остальные имена местоименные и качественные суть 3-е лицо; между тем звательный ... есть 2-е лицо и, как такое, согласуется с 2-м лицом глагола» [Потебня А. А. Из записок по русской грамматике : в 4 т. / А. А. Потебня. М., 1958. Ч. 1–2. С. 100–101].

Эту позицию поддерживает В. М. Марков, по наблюдениям которого в древнерусских памятниках «звательная форма нередко включалась в структуру предложения на правах подлежащего, что проявлялось, как правило, при переводе высказывания в план второго лица» [Марков, 44]. Интерес представляют приводимые им в сравнении примеры из Путятиной Минеи: **ИСАИЯ ПРОРОКЪ** (И. п.) **НАПИСАЛЪ ЕСТЬ** (перфект, 3-е л. ед. ч.) – **ИСАИЕ ПРОРОЧЕ** (З. п.)... истину извъщая проповѣдалъ еси (перфект, 2-е л. ед. ч.).

Особые флексии 3. п. характеризуют только единственное число типов склонения с основой на *ā/*jā, *ǫ/*jǫ, *ǫ, *ї: **ВЛАДЫКО**, **ЗЕМЛЕ**; **БРАТЕ**, **МУЧИТЕЛЮ**; **СЫНУ**; **ГОСПОДИ**, **ЖИЗНИ**. Существительные среднего рода и существительные с основой на согласный особых флексий не имели, не имели их и парадигмы двойственного и множественного числа. В этих случаях в функции вокатива выступал И. п.: **ДА ДЪТИ МОИ ... НЕ ПОСМЪИТЕСЯ** (Почтение Владимира Мономаха, начало XII).

Категория одушевленности ~ неодушевленности в современном русском языке грамматически оформляется различным соотношением формы В. п. с формами И. и Р. п.: у всех одушевленных существительных во мн. ч. и у существительных мужского рода 2-го склонения в ед. ч. форма В. п. совпадает с формой Р. п. (у существительных женского рода склонения на *ā омонимии нет изначально, поскольку В. п. имеет особую флексию -у), у неодушевленных существительных форма В. п. совпадает с формой И. п. (*вижу коней-коня, жен, животных, дома-дом, комнаты, окна-окно*).

В таком виде данная категория формируется к XVII веку. Древнерусские формы В. п. одушевленных и неодушевленных существительных совпадают (**ВИЖУ КОНЬ / СТОЛЪ**, **СЫНЪ / ДОМЪ**, **ГОЛУБЬ / ГВОЗДЬ**), а грамматическое выражение субъекта и объекта осуществляется в рамках **категории лица**. Первоначально В. п. существительных мужского рода, обозначающих лицо, совпадал с Р. п., правда, непоследовательно: **А СЫНЪ ПОСАДИ НОВЪГОРОДЪ ВСЪВОЛОДА**; **ПОИДОША СЫНОВЕ НА ОТЦЯ**, **БРАТЬ НА БРАТЬ**, **РАБЪ НА ГОСПОДИНА**, **ГОСПОДИНЪ НА РАБЪ** (Новгородская I летопись, XII-XIII).

Непоследовательность выражения этой категории четко объясняется Л.П. Якубинским: категория лица выражает «противопоставление *л и ц а* и *н е-л и ц а*, социально активного *ч е л о в е к а*, подлинного субъекта действия, в *с е м у о с т а л ь н о м у*» [Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 182]. Поэтому в ограниченной группе существительных, обозначающих лиц мужского пола как единственно социально активных в средневековом обществе, форма В. п. совпадает с формой Р. Это касается имен собственных, поскольку в древнерусских текстах лица, находящиеся на самых низких ступенях социальной иерархии, по именам не называются, и имен

нарицательных, обозначавших лиц мужского пола, значимых в семейной и общественной иерархии.

Еще менее последовательно категория лица оформлялась дифференциацией флексий Д. п. ед. ч. У рассматриваемых существительных мужского рода в этом падеже чаще используется флексия -ОВИ/-ЕВИ, у остальных существительных – флексия -У: ОТДАТИ БОУИЦЕ СТОМУ ГЕОРГИЕВИ (Мстиславова грамота, 1130); В СЕ ЖЕ ЛЪТО РЕКОША ДРУЖИНА ИГОРЕВИ (Повесть временных лет, начало XII).

Распространение омонимии форм В. и Р. п. на более широкий круг существительных к XVII веку приводит к формированию современной категории одушевленности ~ неодушевленности.

В современном русском языке сохранились реликты древнего употребления одушевленных существительных в В. п., не совпадающем с Р.: наречие *замуж* из древнерусского предложно-падежного сочетания ЗА МУЖЬ (В. ед.); конструкции типа *выйти в люди, пойти в гости, призвать в солдаты* (В. мн.); приводимые П.С. Кузнецовым формы ед. ч. в детском фольклоре «*Кто таков, как Иван Пятков? Сел на конь и поехал в огонь*», «*Тарарам, тарарам, села баба на баран*» [Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953. С. 122].

II

Существенно отличается от современной древнерусская **система склонения** существительных. Из праиндоевропейского языка через праславянский было унаследовано 6 типов склонения. Принадлежность к каждому из них определяется по последнему звуку праиндоевропейской основы: др.р. КРАИ относится к мягкому варианту типа склонения с основой на **ǝ*, так как праиндоевропейская основа заканчивается на **ǝ* – **krajǝs*; др.р. МАТИ – к типу склонения с основой на **r*, так как праоснова заканчивается на **r* – **mater*.

Отличие основ древнерусских форм и праформ обуславливается процессом переразложения, впервые выявленным и описанным И.А. Бодуэном де Куртенэ как закон сокращения основ в пользу окончаний. Так, фонетически объясним процесс трансформации **gĕnā* → др.р. ЖЕНА, **sūnūs* → др.р. СЫНЪ.

Причины изменения **kōnjǝs* → др.р. КОНЬ, в то время как **sĕlǝm* → др.р. СЕЛО, объяснялись учеными по-разному. П. С. Кузнецов на основе анализа этих объяснений считает наиболее вероятным изменение **ǝ* → **ŷ* в закрытом слоге и перед **s*, и перед **m*, что наблюдается и в других индоевропейских языках. Сохранение конечного -*o* в среднем роде как в основах на **ǝ*, так и в основах на **s*, по его мнению, есть результат аналогии с формой указательного местоимения **to*, «в сочетании с которой существительное часто выступало» [Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 68].

Тип склонения с основой на **ā* / **jā* включает существительные женского и мужского родов – 1) ВОДА, СЛУГА; 2) ЗЕМЛÆ, СУДИÆ; 3) ПУСТЫНИ, КЪНЯГЫНИ, БОГЫНИ, МЪЛНИИ. Флексия третьей группы существительных -И по происхождению старославянская, она не характерна для живой восточнославянской речи. В памятниках письменности, уже самых ранних, начиная с Остромирова Евангелия, отмечается параллельное использование варианта -А (орфографически -А, -Æ), который представляет собой результат выравнивания флексий по аналогии с первой и второй группами существительных этого склонения еще в праславянскую эпоху: ПУСТЫНЯ, КЪНЯГЫНЯ, БОГЫНЯ, МЪЛНИЯ.

В зависимости от качества согласного перед тематическим гласным *ā (твердый согласный в основах типа *gĕnā → др.р. жена, исконно смягченный в результате йотовой палатализации в основах типа прасл. *burjā → др.р. БОУРАЕ, прасл. *zĕmjā → др.р. ЗЕМЛЯЕ, прасл. *svĕtjā → др.р. СВѢЧА, прасл. *nosjā → др.р. НОША, прасл. *duchjā → др.р. ДОУША) различаются твердый и мягкий варианты, которые характеризуются разными падежными флексиями. Существительные типа ДѢВИЦА, УБОИЦА этимологически имели перед тематическим *ā твердый согласный, подвергшийся третьей палатализации (прасл. *dĕvĭkā), но изменялись по типу *jā-основ.

Различий форм существительных мужского и женского рода нет.

Флексия -ѣ в падежных формах твердого варианта склонения дифтонгического происхождения, поэтому стоящие перед ней заднеязычные согласные подвергаются второму переходному смягчению: РУКА – ПО РУЦѢ, НА РУЦѢ, РУЦѢ.

Склонение существительных с основой на *ā /*jā

	ед. ч.		мн. ч.			дв. ч.	
И.	жена	земля	жены	землѣ	И.–В.	женѣ	земли
Р.	жены	землѣ	женѣ	земль	Р.–М.	жену	землю
Д.	женѣ	земли	женамѣ	землямѣ	Д.–Т.	женами	земляма
В.	жену	землю	жены	землѣ			
Т.	женою	землею	женами	землями			
М.	женѣ	земли	женахѣ	земляхѣ			
З.	жено	земле					

Тип склонения с основой на *ǫ /*jǫ (*konjǫs, *selǫm) объединяет существительные мужского и среднего рода – 1) СТОЛЬ, КОНЬ; 2) ОКНО, ПОЛЮ. В зависимости от качества согласного перед тематическим гласным *ǫ (твердый согласный в основах типа *selǫm → др.р. СЕЛО, исконно смягченный в результате йотовой палатализации в основах типа *konjǫs → др.р. КОНЬ) различаются по флексиям твердый и мягкий варианты. Существительные типа КЪНЯЗЬ, ОТЬЦЬ, МѢСЯЦЬ, ЛИЦЕ, КОЛЬЦЕ этимологически имели перед тематическим гласным *ǫ твердый согласный, подвергшийся в дальнейшем третьей палатализации (прасл. *kъnĕgъ → др.р. КЪНЯЗЬ, прасл. *liko → др.р. ЛИЦЕ, прасл. *otъkъ → др.р. ОТЬЦЬ). Это отражается в форме 3. п. КЪНЯЖЕ, ОТЬЧЕ, где шипящий согласный представляет результат первой палатализации, как в формах твердого варианта с заднеязычными БОГЪ, ЧЕЛОВѢКЪ – 3. БОЖЕ, ЧЕЛОВѢЧЕ, а не мягкого варианта МУЖЬ, КОНЬ – 3. МУЖЮ, КОНЮ.

В склонении с основой на *ǫ в соответствующих падежах флексии -ѣ и -и дифтонгического происхождения, поэтому перед ними заднеязычные подвергаются второму переходному смягчению: БОГЪ – О БОЗѢ, БОЗѢХЪ, БОЗИ; ВѢКО – ВѢЦѢ.

Склонение существительных с основой на *ǫ / *jǫ

		ОСНОВЫ НА *ǫ		ОСНОВЫ НА *jǫ	
ед. ч.	И.	столь	село	конь	поле
	Р.	стола	села	коня	поля
	Д.	столу	селу	коню	полю
	В.	столь	село	конь	поле
	Т.	стольмь	сельмь	коньмь	польмь
	М.	столь	сель	кони	поли
	З.	столе	—	коню	—
мн. ч.	И.	столи	села	кони	поля
	Р.	столь	сель	конь	поль
	Д.	столомь	селомь	конемь	полемь
	В.	столы	села	конѣ	поля
	Т.	столы	селы	кони	поли
	М.	стольхъ	сельхъ	конихъ	полихъ
дв. ч.	И.–В.	стола	сель	коня	поли
	Р.–М.	столу	селу	коню	полю
	Д.–Т.	столома	селома	конема	полема

Тип склонения с основой на *ǫ включал небольшую группу существительных мужского рода, исторически имевших односложную основу с твердым согласным перед тематическим *ǫ: БЕРЕГЪ/БРѢГЪ, БОКЪ, БОРЪ, БРОДЪ, ВАЛЬ, ВОЛЬ, ВЪРХЪ, ГРАДЪ, ГРОМЪ, ДАРЪ, ДОЛЬ, ДОМЪ, ДУБЪ, ДЪЛГЪ, ИЛЬ (*jiǫls), КЪРМЪ, ЛЕДЪ, ЛИСТЬ, ЛОГЪ, ЛЬНЪ, ЛѢСЪ, МЕДЪ, МИРЪ, МОСТЪ, МЪХЪ, МѢХЪ, НИЗЪ, ОЛЬ (*ǫlǫs 'пиво'), ПОЛОНЪ/ПЛѢНЪ, ПИРЪ, ПОЛЬ (1/2), ПРУТЬ, ПЪЛКЪ, РОДЪ, РОСТЪ, РОКЪ ('год'), РЯДЪ, САДЪ, САНЪ, СНѢГЪ, СОЛОДЪ (*sold), СТАНЪ, СВѢТЪ, СУДЪ, СЫНЪ, ТЪРГЪ, ЧАСЪ, ЧИНЪ, ЯДЪ.

Склонение существительных с основой на *ǫ

	ед. ч.		мн. ч.		дв. ч.		
И.	сынъ	домъ	сынове	домове	И.-В.	сыны	домы
Р.	сыну	дому	сыновъ	домовъ	Р.-М.	сынову	домову
Д.	сынови	домови	сынъмь	домъмь	Д.-Т.	сынъма	домъма
В.	сынъ	домъ	сыны	домы			
Т.	сынъмь	домъмь	сынъми	домъми			
М.	сыну	дому	сынъхъ	домъхъ			
З.	сыну						

Тип склонения с основой на *ǫ объединяет существительные женского и мужского рода – 1) КОСТЬ, ГРЯЗЬ, НОЧЬ, РЫСЬ, ПЕЧЬ, ЛЕБЯДЬ; 2) ПУТЬ, ЗЯТЬ, ГОЛУБЬ, ГВОЗДЬ, ГОСПОДЬ. Вторая группа существительных отличается от существительных мужского рода склонения на *jǫ качеством согласного перед тематическим гласным ǫ: это фонетически полумягкий согласный в отличие от мягкого согласного как результата йотовой палатализации в склонении на *jǫ (*rubjǫs → др.р. РУБЛЬ, но *gǫlonbǫs → др.р. ГОЛУБЬ; *mǫdvǫdǫs → др.р. МЕДВѢДЬ, но *vǫdjǫs → др.р. ВОЖЬ, ст.сл. ВОЖДЬ). В склонение на *ǫ

входят и три существительных мужского рода, основа которых оканчивается сонорным согласным: ОУГЛЬ, ОГНЬ, ЗВѢРЬ.

Парадигма склонения мужского и женского рода отличается только флексиями Т. ед. и И. мн. Варианты конечных слогов Т. ед. женского рода, И. мн. мужского рода и Р. мн., Р., М. дв. обоих родов исторически содержат напряженный гласный из *-ĭj-.

Склонение существительных с основой на *ĭ

	ед. ч.		Мн. ч.		дв. ч.		
И.	гость	ночь	гостие/ье	ночи	И.–В.	гости	ночи
Р.	гости	ночи	гостии/ьи		Р.–М.	гостию/ью	
			ночии/ьи			ночию/ью	
Д.	гости	ночи	гостьмь	ночьмь	Д.–Т.	гостьма	
В.	гость	ночь	гости	ночи		ночьма	
Т.	гостьмь		гостьми	ночьми			
	ночию/ью						
М.	гости	ночи	гостьхь	ночьхь			
З.	гости	ночи					

Тип склонения с основой на *ĭ как самостоятельный выделяется не всеми исследователями, так как в ед. ч. его флексии совпадают со склонением на согласный, а во мн. ч. – с основой на *ā. Включает немногочисленную группу слов женского рода: БУКЫ, ЗОЛЫ, ЛЮБЫ, МЪРКЫ, НЕПЛОДЫ ‘бесплодная женщина’, СВЕКРЫ, СМОКЫ, ТЫКЫ, ЦЪРКЫ, АЕТРЫ ‘жена брата мужа’. Предполагают, что к этому типу склонения относилось и современное *Москва*, реконструируемая форма которого *МОСКЫ – *МОСКЪВЬ (ср. итал. *Moska* и отражение второй формы в нем. *Moskau*, фр. *Moscou*). Но памятниками эта форма не зафиксирована.

Существительные со значением лица и в современных говорах сохраняют начальную форму без суффикса–наращения СВЕКРЫ, АЕТРЫ, что подтверждает реальность таких форм и для древнерусского говоров. Остальные слова в русских диалектах в начальной форме не используются, но фиксируются в книжно-славянских памятниках письменности, а также в других славянских говорах, например, ЗОЛЫ, хотя в современном русском – только форма ЗОЛОВКА.

Оформление заимствований БУКЫ, СМОКЫ, ЦЪРКЫ (соответственно из гот. *bōka* ‘буква’, мн. ч. *bōkōs* ‘книга’; гот. *stakka* ‘плод смоковницы, фига’; гот. *kirikō*, позднегот. *kyrikō* ‘церковь’ или греч. *ἱεραρχός* ‘господний, господень’) по этому типу склонения также указывает на его продуктивность в период распада праславянской общности.

Этимологически к этому типу склонения относятся и существительные КРЫ и БРЫ, однако во множественном числе они склоняются с окончаниями основ женского рода на *ĭ (исключение Р. мн. ст.сл. КРЪВЪ, др.р. КРЪВИИ). В памятниках письменности первое существительное представлено только формами единственного и множественного чисел, второе, отражая лексическое значение, – в основном формами двойственного числа.

В косвенных падежах происходит расширение основы за счет суффикса -ѣВ-, который представляет собой отражение исторического чередования *-ĭ → -ы (в конце слова) /*-ĭj → -ѣВ- (перед гласным).

Склонение существительных с основой на *ǔ

	ед. ч.	Мн. ч.	дв. ч.	
И.	църкы *кры/кръвь	църкъви крѣви	И.–В.	църкъви крѣви
Р.	църкъве крѣве	църкъвъ крѣвии	Р.–М.	църкъву крѣву
Д.	църкъви крѣви	църкъвамъ крѣвьмь	Д.–Т.	църкъвьма крѣвьма
В.	църкъвь крѣвь	църкъви крѣви		
Т.	църкъвию крѣвию	църкъвами крѣвьми		
М.	църкъве/и крѣви	църкъвахъ крѣвьхъ		

Тип склонения с основой на согласный, как и на *ǔ, характеризовался различием основ начальной формы и косвенных падежей: под действием праславянского принципа восходящей звучности утрачивается исконный конечный согласный основы в И. ед., в остальных формах перед гласными окончаний этот согласный сохраняется.

К основам на *n относились существительные 1) среднего рода БРЪМЯ, ВРЪМЯ, ВЫМЯ, ЗНАМЯ, ИМЯ, ПЛЕМЯ, СТРЕМЯ, СЪМЯ, ТЕМЯ и 2) мужского рода ДЪНЬ, КАМЫ, КОРЕНЬ, ПЛАМЫ, РЕМЫ, ЯЧЬМЫ.

Склонение их сопровождается суффиксом-наращением **-ен-**, например: в И. ед. *vĕrmĕn → *vĕrmę → ст.сл. ВРЪМѦ, но в косвенных падежах *vĕrmĕne → ВРЪМЕНЕ.

У слов типа КАМЫ в исходной форме *kāmōns празвук *ǔ в конечном закрытом слоге подвергается сужению → *kamuns, где в конечном сочетании утрачивается *n и удлиняется гласный → *kamūs, где под действием закона открытого слога утрачивается конечный согласный и преобразуется долгий гласный → *kamy → КАМЫ; перед гласным окончания согласный *n сохраняется и наблюдается качественное чередование о//е *kāmōn-e → *kamen-e → КАМЕНЕ.

Для слова ДЪНЬ не восстанавливается форма без суффикса-наращения, но родственные индоевропейские языки указывают на принадлежность его данному типу склонения: лат. diēs, др.-ирл. die, англ. day.

К основам на *t относились существительные среднего рода со значением названия детей и молодых животных типа ДѢТЯ, ОТРОЧЯ, ТЕЛЯ (*telent). В форме И. ед. *-ent → *-ę → -'а; в других формах перед гласным окончания суффикс-наращения *-ent- → *-ęt- → -'ат-.

К основам на *s относились существительные среднего рода ДРЪВО, КОЛО, НЕБО, ОКО, СЛОВО, ТЪЛО, ОУХО, ЧОУДО. В форме И. ед. *-ōs → *-o → o; в остальных формах перед гласным окончания согласный сохраняется и в суффиксе-наращении качественное чередование е//о: *-ōs- → *-es- → -ес-.

Этот суффикс последовательно отражен в древнерусской парадигме во множественном числе: СЛОВЕСА, ЧОУДЕСА; в единственном числе даже в ранних памятниках книжно-славянской традиции его нет и существительные склоняются по типу *ǔ-основ, например Р. ед. СЛОВА, ТЪЛА, НЕБА.

К основам на *r относились два существительных женского рода МАТИ, ДЪЧИ. Исходные формы в конечном закрытом слоге имели долгий гласный, изменившийся в *ī, например: *mātĕr → *mātĕr → *mātīr → *mati → МАТИ; в остальных формах перед гласным звуком окончания -ер- исходной основы сохраняется.

Склонение существительных с основой на согласный

		основа на *n		основа на *t	основа на *s	основа на *r
		м. р.	ср. р.			
ед. ч.	И.	камы	имя	теля	небо	мати
	Р.	камене	имене	теляте	небесе	матере
	Д.	камени	имени	теляти	небеси	матери
	В.	камень	имя	теля	небо	матерь
	Т.	каменьмь	именьмь	телятьмь	небесьмь	матерью
М.	камене	имене	теляте	небеси	матерее	
мн. ч.	И.	камене	имена	телята	небеса	матере/и
	Р.	камень	именъ	телятъ	небесъ	матерь
	Д.	каменьм	именьмь	телятьмь	небесьмь	матерьмь
	В.	ъ	имена	телята	небеса	матери
	Т.	камени	имены	теляты	небесы	матерьми
М.	каменьм и каменьхъ	именьхъ	телятьхъ	небесъхъ	матерьхъ	
дв. ч.	И. –	камени	именъ	телятъ	Небесъ	матери
	В.					
	Р. –	камену	имену	теляту	небесу	матеру
	М.					
Д. –	каменьма	именьма	телятьма	небесьма	матерьма	
Т.						

III

Утрата двойственного числа заключалась в замене его формами множественного числа. По наблюдениям А. А. Шахматова, эта замена началась с косвенных падежей, что объясняется неполнотой парадигмы двойственного числа: формы Р.–М., Д.–Т. совпадали, а во множественном – различие их флексий сохранялось. Как следствие, распространение флексий множественного числа на контексты двойственности, например: ДѢВКА ФЕВРОНИЯ СЪ ДВѢМА СЫНОВЬЦИ (Новгородская грамота, 1192) вместо СЫНОВЬЦЕМА; ПОМОЗИ РАБОМЪ СВОИМЪ ИВАНУ И ОЛЕКСИЮ (Житие Нифонта, 1219) вместо РАБОМА СВОИМА.

Иначе происходит утрата двойственного числа в формах И.–В. падежей. Сравните приведенные в таблице формы двойственного числа и формы И. мн. и Р. ед.:

	мужской род	средний род	женский род
И. дв.	дѣва стола	дѣва поли	дѣвъ руцѣ
И. мн.	столи	поля	Руки
Р. ед.	стола	поля	Руки

В результате сравнения оказывается, что у существительных мужского рода эти формы совпадали с Р. ед. Примерно с XV века исконная форма двойственного числа существительного в сочетании *дѣва стола* уже воспринимается как сочетание числительного с существительным в Р. ед. По аналогии с именами мужского рода такое

переосмысление получают и слова женского и среднего рода в сочетании с числительными *две/два, обе/оба: две руки, два поля*.

Формы Р. ед. вытеснили и формы И.–В. мн. при числительных 3, 4: вместо форм *3 города, 4 рубли – 3 города, 4 рубля*.

Таким образом происходит не только утрата форм двойственного числа, но утрата самой категории двойственности, однако использование изменяемых частей речи в двойственном числе сохраняется как норма книжно-славянской письменности вплоть до XVII века.

Остатки двойственного числа в современном русском языке:

– названия парных частей тела – *колени, очи, уши, плечи* (исконная форма множественного числа – *колена, плеча, ушеса, очеса*), а также парных предметов – *берега, рукава, жернова* (исконная форма множественного числа – *берези, жерновы, рукавы*);

– сочетания типа *2 часá*, сохранившие исконное для двойственного числа ударение на флексии; ударение на основе характерно исконно для форм Р. ед. Ср.: *с первого часá, до последнего часá*; но *2 часá*;

– числительное *двести* – исконно *дѣвъ сътъ*; наречие *воочию* – исконно – М. дв. *во очию* (мн.ч. – *во очесехъ*);

– флексия *-мя* в Т. числительных *двумя, тремя, четырьмя* представляет собой контаминацию флексий Д.–Т. дв. *-МА* + Т. мн. *-МИ* (*м' + а*).

IV

Уже в самых ранних памятниках письменности наблюдаются случаи вытеснения формы 3. п. формой И. в единственном числе. Так, в Остромировом Евангелии в качестве обращения иногда используется форма *МАРѠА*. К XIV веку этот процесс был полностью завершён в русском языке, в отличие от других славянских, сохранивших эту форму, например в украинском *мамо, сестро*.

Как средство стилизации формы 3. п. употребляются в литературе XVIII–XIX веков: *О всемогущий владыко!* (Радищев), *Чего тебе надобно, старче?* (Пушкин). Редко – в современной литературе, например у В. Высоцкого: *Сергей, ты горишь, уповай, человеце,*

Теперь на надёжность лишь строп, –

а также современные формы *господи, боже*, воспринимаемые как междометия.

Тяготение к формальному выражению вокатива в разговорной речи проявляется в использовании особых редуцированных форм при обращении: *мам, Валь, Марь Иванн*.

V

С дописьменной эпохи началось сближение имен мужского рода на **ǫ* (СТОЛЬ, ЛЬСЬ) с именами **ǫ*-основ (ДОМЪ, МЕДЪ), чему способствовали общность рода и совпадение флексий И.–В. ед. ч.

Первоначально слова этих типов склонения заимствовали друг у друга флексии. Так, в Мстиславовой грамоте 1130 года: *СЕ АЗЪ МЪСТИСЛАВЪ ... ПОВЕЛЕЛЪ ЕСМЪ СЫНОУ СВОЕМОУ ... ОТДАТИ БОУИЦЕ ШТОМУ ГЕОРГИЕВИ* – форма Д. ед. *СЫНОУ* имеет флексию **ǫ*-основ вместо исконной флексии **ǫ*-основ *СЫНОВИ*; форма Д. ед. *ГЕОРГИЕВИ* – флексию **ǫ*-основ вместо исконной флексии **jǫ*-основ *ГЕОРГИЮ*.

К XVI веку непродуктивное склонение на **ǫ* утратилось, а слова вошли в склонение на **ǫ* и получили его флексии.

Реликты склонения на *ŭ в современном русском языке:

Р. ед. из леса (на *ǫ) – и'з лесу (на *ŭ)

П. ед. на доме – на дому

Р. мн. нет чулок – нет носков

СХЕМА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ТИПОВ СКЛОНЕНИЯ

совр. 1-е склонение ← др.р. *ā, *jā ← *ū

совр. 2-е склонение ← др.р. *ǫ, *jǫ ← *ŭ, *ī м.р., *s, *t, *n м.р.

совр. 3-е склонение ← др.р. *ī ж.р. ← *ū, *r

разносклоняемые

существительные ← др.р. путь (*ī), *n ср.р.

С середины XI века слова типа ГОЛУБЬ, ЗЯТЬ, ГВОЗДЬ, входившие в тип склонения на *ī м.р., сближаются с существительными мужского рода *jǫ-основ типа КОНЬ, МЪЧЬ, НОЖЬ (прасл. *nozjos). Это сближение становится возможным после осуществления процесса вторичного смягчения полумягких, в результате которого древнерусские *ī-основы и *jǫ-основы совпали по качеству конечного согласного. В дальнейшем менее продуктивный тип склонения начинает заимствовать флексии более продуктивного типа склонения, и к концу XV века склонение на *ī м. р. (кроме слова ПОУТЬ) вливаются в склонение на *jǫ.

Реликт склонения на *ī м. р. – флексия Р. мн. -ей:

Р. мн. *jǫ др.р. КОНЬ → совр. коней

Р. мн. *ī др.р. ГВОЗДИИ → совр. гвоздей.

Позднее формы Р. мн. на -ей появились и у существительных среднего рода: вместо др.р. ПОЛЮ → совр. полей.

В итоге у существительных современного 2-го склонения в Р. мн. наблюдаются следующие варианты флексий:

нулевая флексия – без волос, из глаз, пять лет ← др.р. склонение на *ǫ

-ов / -ев – берегов, лесов, домов ← др.р. склонение на *ŭ

-ей – коней, голубей ← др.р. склонение на *ī м. р.

Аналогично возникла вариативность флексий в Р. мн. существительных среднего рода: болот, платьев, морей.

Склонение на *ī включало и существительные женского рода типа КОСТЬ, ДВЕРЬ, НОЧЬ, судьба которых отлична от существительных мужского рода: они сохранили специфику своей парадигмы, и на их базе сформировалось современное 3-е склонение.

С дописьменной эпохи началось разрушение склонений на **согласный** и на *ū. Существительные этих двух типов рано утратили свою самостоятельность и начали распределяться между продуктивными типами в соответствии со своей родовой принадлежностью.

Основа на *n. Основы форм И. и косвенных падежей этого склонения различались, и в результате выравнивания основ внутри склонения исконная форма И. ед. мужского рода (КАМЫ) заменяется формой В. ед. (КАМЕНЬ). Заметим, слова ДЬНЬ и КОРЬНЬ (и.е. *di- 'светить'; лит. kėras 'узловатый пень') очень рано стали иметь такую форму в И. п.

В итоге и по фонетическому облику, и по морфологической структуре существительные *n-основ совпали с существительными мужского рода *ī-основ (типа

ОГНЬ, ПЬРСТЕНЬ) и, утратив, как непродуктивные, собственные флексии, стали изменяться по их образцу, а позднее вместе с ними влились в продуктивное склонение на *jǫ. Реликтом этого типа склонения можно считать только диалектную форму Р. мн. дѣн (исконно Р. мн. КАМЕНЬ, ДЬНЬ).

Имена среднего рода на *n (типа ИМЯ) также рано утратили исконное склонения и составили группу, рассматриваемую в современной грамматике как разносклоняемые существительные: в единственном числе они склоняются по типу *ī-основ (за исключением И.–В.), а во множественном –*ǫ-основ. Они сохраняют исконный признак – различие основ в И.–В. п. ед. ч. и во всех остальных падежах, например: *имя – имени, имена, имен*.

С дописьменной эпохи утрачивается исконное склонение и существительными с основой на *s. Уже в древнейших памятниках они имеют флексии *ǫ-основ и употребляются без суффикса-наращения -ес- в формах единственного числа, но последовательно сохраняют его во множественном числе. По наблюдениям Г. А. Хабургаева, «в текстах книжно-литературного характера относительная частотность форм с -ес- (по отношению к формам без -ес-) со временем возрастает; в частности, увеличивается число таких форм от ДРЪВО (ДРЪВЕСИ, ДРЪВЕСЕМЪ) и даже ДЪЛО (ДЪЛЕСИ, ДЪЛЕСЕМЪ) – явно гиперкорректных по своей природе (подчеркнуто отнесенных к системе книжно-славянского языка и противопоставленных разговорным!), в ранних церковнославянских (и собственно старославянских) памятниках чрезвычайно редких или вовсе отсутствующих» [Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. С. 62–63]. Значит, считает ученый, словоформы с -ес- в единственном числе должны быть признаны книжно-литературными, не отражающими норм живой восточнославянской речи периода старших памятников, в то время как во множественном числе их употребление является нормой и для восточнославянской речи.

В современном русском языке суффикс -ес- сохраняется в словообразовании (*тело – телесный*), в образовании форм множественного числа как единственное средство (*небо – небеса, чудо – чудеса*) и как стилистическое средство образования одного из вариантов, имеющего ироническую окраску (*тело – тела, телеса; слово – слова, словеса*).

Иную историю имеет существительное КОЛО: происходит выравнивание основы И.–В. под воздействием форм косвенных падежей – *колесо* и исконная начальная основа сохранилась лишь в таких образованиях, как *около, околица, околыш, окольный, калач*.

Существительные склонения на *t достаточно рано в единственном числе во всех падежах получают новый суффикс -ёнок- (*жеребенок, котенок, ребенок*) и начинают изменяться по типу *ǫ-основ мужского рода. Во множественном числе они сохраняют исконный суффикс -ят- (*жеребята, котята, ребята*) и изменяются по типу *ǫ-основ среднего рода.

Исключением является слово ДЪТЯ → *дитя*, которое сохранило в единственном числе исконную основу с -ят- (*дитяти, к дитяти, дитя, дитятей, о дитяти*); во множественном числе этот суффикс рано утрачивается и слово склоняется по типу *ī-основ женского рода.

Существительные на *r (ДЪЧИ, МАТИ) слились с *ī-основами женского рода и уже в ранних памятниках склоняются по их образцу. Но различие основ И.–В. ед. ч. и всех остальных форм сохраняется и в современном русском языке (*мать, но матери*).

Существительные женского рода **ū*-основ очень рано испытали воздействие продуктивных типов склонения женского рода: часть слов (БОУКЫ, ТЫКЫ, ЗОЛЫ, *МОСКЫ) сближается с существительными **ā*-основ типа КЪНИГА, РЪПА, СЕСТРА и после выравнивания основ получают их флексии – БОУКЪВА, ТЫКЪВА, ЗОЛОВЪКА, МОСКЪВА. Остальные существительные сближаются с существительными **ī*-основ женского рода типа КОСТЬ и после выравнивания основ получают их флексии – КРЪВЬ, ЦЕРКЪВЬ, МОРКЪВЬ, ЛЮБЪВЬ.

VI

Кроме основного процесса, характеризующего трансформацию древнерусской системы склонения, – **перераспределения существительных по принципу грамматического рода с учетом флексии начальной формы**, – проходит процесс **выравнивания окончаний в пределах одного падежа**, различающийся в единственном и множественном числе. В единственном числе он коснулся существительных мягкого и твердого варианта склонений на **ā/jā*, **ǫ/jǫ*, имевших различные флексии. В большинстве древнерусских говоров более последовательно выравнивание идет по твердому варианту. Такие факты отмечаются в письменности уже с XI века: КЪ ГОСПОЖЕ БОГОРОДИЦЕ (Новгородская Миняя, 1095) вм. исконной флексии **-И**.

Выравнивание флексий по мягкому типу менее последовательно и в основном проходит в северных говорах: ПО РЕКИ, У ТОМ ОСТРОВИ (Новгородская грамота, XIV) вм. исконной флексии **-Ѣ**, например употребительные в современных новгородских говорах формы типа *к сестри, об отци, на острови*.

Но в средне- и южнорусских говорах и в московском койне к XV веку существительные мягкого типа закрепили флексии твердого типа:

Р. ЗИМЫ, ЗЕМЛѢ → *зимы / земли*

Д.–М. ЗИМѢ, ЗЕМЛИ, СТОЛѢ, КОНИ → *землѣ, конѣ* → *земле, коне*.

Исключение составляют лишь существительные женского рода на *-ия* (*Мария, материя*), мужского рода на *-ий* (*Василий, жребий*), среднего рода на *-ие* (*желание, бытие*): совр. Д.–П. ед. *Мариин, материин*; П. ед. *о Василиин, жребии, желаниин, бытиин*.

Наличием соотносительных древнерусских вариантов этих существительных типа *Марья, желанье, бытьё* (отличия касаются качества не последнего, а предпоследнего звука основы) объясняется вариативность флексий существительных одного современного типа склонения:

Мари'j-а ~ *Ма'р'j-а* → (к, о) *Мари'j-и* ~ *Мар'j-е*;

быти'j-е' ~ *быт'j-о'* → (о) *быти'j-и'* ~ *быт'j-е'*;

жела'ни'j-е ~ *желан'j-е'* → (о) *жела'ни'j-и* ~ *жела'н'j-е*.

VII

Итак, в единственном числе исконная синонимия флексий падежа-числа в шести типах склонения преодолевается через сближение парадигм существительных одного рода, что приводит к сокращению словоизменительных классов и, одновременно, дифференциации словоизменительных парадигм существительных разных родов, то есть происходит перераспределение существительных по признаку грамматического рода с учетом общности флексии.

Во множественном числе эта же общая грамматическая тенденция к преодолению синонимии флексий приводит к **унификации** (лат. unis (uni) 'один' + facere 'делать' = приведение чего-л. к единой системе, форме, к единообразию) **словоизменительных парадигм**: во множественном числе рано наметилась нейтрализация родовых различий, что создает условия для оформления единой – унифицированной – системы флексий для существительных всех трех родов.

Особенно отчетливо унификация проявляется в Д., Т. и М. п.

В результате сближения исконных древнерусских типов склонения про признаку грамматического рода и слияния непродуктивных типов с продуктивными сформировались три основные группы флексий:

на *ā	на *ǫ	на *ī
Д. сестрамъ, землямъ	столомъ, конемъ, селомъ, полемъ	костъмъ
Т. сестрами, землями	столы, кони, селы, поли	костьми
М. сестрахъ, земляхъ	столѣхъ, конихъ, селѣхъ, полихъ	костѣхъ.

Существительные женского рода с основой на *ā оказали наибольшее влияние на остальные типы склонения, вытеснив их исконные флексии. Это влияние отражается в памятниках письменности со второй половины XIII века, когда эти флексии появляются у существительных *ǫ- и *ī-основ: К ЛАТИНАМЪ (Рязанская Кормчая, 1284) вместо К ЛАТИНОМЪ; СЪ КЛОБУКАМИ (Паремия, 1271) вместо СЪ КЛОБУКЫ; НА СБОРИЩАХЪ, НА СОНМИЩАХЪ (Московское Евангелие, 1340) вместо НА СБОРИЩѢХЪ, НА СОНМИЩѢХЪ.

Единого мнения о причинах именно такой унификации в науке не существует. Так, по мнению И. В. Ягича, распространение флексий Д., Т. и М. мн. ч. существительных *ā-основ на другие типы склонения началось с существительных *ǫ-основ среднего рода, имевших в формах И.–В. мн. ч. флексию -а.

Реликтами древних типов склонения в рассматриваемых падежных формах в современном русском языке являются следующие: 1) форма существительного в сочетании *поделом тебе/ему* (флексия исконного склонения на *ǫ); 2) *детьми, лошадьми, людьми, дверьми, костьми* (флексия исконного склонения на *ī); для форм *детьми, людьми* она единственно возможная, для остальных в качестве варианта выступает флексия -ями *лошадьями, дверями, костями*; но при этом форма *костьми* стилистически маркирована – *лечь костьми*.

Иную историю имеет форма И. п.

В древнерусском языке различие типов склонения проявляется и во множественном числе, при этом особый интерес представляет соотношение флексий в существительных одной родовой принадлежности:

	мужской род	средний род	женский род
на *ǫ	СТОЛИ, КОНИ	СЕЛА, ПОЛЯ	
на *ā	СЛУГЫ, СУДИѢ		СЕСТРЫ, ЗЕМЛѢ
на согл.	КАМЕНЕ	СѢМЕНА, КОЛЕСА, ТЕЛЯТА	МАТЕРИ
на *ī	ГОСТИЕ/-ЬЕ, ОГНИЕ		НОЧИ
на *ǫ̆	СЫНОВЕ		
на *ū			БОУКЪВИ, ЦЪРКЪВИ

Форма И. совпадала с формой В. в следующих типах склонения:
на *ā в твердом варианте (И.–В. СЕСТРЫ, СЛУГЫ);
на *ǫ среднего рода в твердом и мягком вариантах (И.–В. СЕЛА, ПОЛЯ),
на *r, *t, *s (И.–В. МАТЕРИ, ТЕЛЯТА, КОЛЕСА).

В следующих склонениях флексии И. и В. различались.

В словах мужского рода с основой **на *ǫ** твердого типа флексии -И, -Ы (И. СТОЛИ, В. СТОЛЫ); в мягком варианте склонения -И, -Ь (И. НОЖИ, В. НОЖЬ). Общая тенденция к унификации и сближению форм множественного числа проявляется в утрате различия мягкого и твердого вариантов склонений в этих формах, причем, в мягком варианте закрепляется как единственная флексия И. -и, в твердом варианте – флексия В. -ы.

В памятниках письменности колебание форм И. и В. наблюдается с XIII века: СЕ ПРИЕХАША ПОСЛЫ (Житие Нифонта, 1270), СТОЯХУ КОУМИРЫ (Лаврентьевская летопись, середина XIV), ПРИЗВАВЪ СТАРЦИ ГРАДЬСКЫЕ (там же) – вместо ПОСЛИ, КОУМИРИ, СТАРЦЬ. Однако в деловой письменности исконная флексия твердого варианта склонения -и отражается вплоть до XVI века. В современном русском языке только существительные *соседи* и *черти* сохранили исконную флексию И. п. твердого типа склонения **на *ǫ**.

В словах мужского рода основ **на *ї** И. ЛЮДИЕ, ПОУТИЕ, В. ЛЮДИ, ПОУТИ. Унификация происходит за счет утраты исконной флексии И. п. и замены ее флексией В. п.

В словах основ **на *ǫ** И. п. СЫНОВЕ, ДОМОВЕ, В. п. СЫНЫ, ДОМЫ. Переход этих слов в склонение **на *ǫ** вызвало изменения и в этих формах:

– Большинство слов получили в И., как и склонение **на *ǫ**, флексию В., то есть: *волы, льды, дары, ряды*; формы типа *дома, верха* – более поздние по образованию.

– Слово *сын* имеет варианты флексий *сыны* и *сыновья* (форма возникла из исконной формы И. *сынове* под влиянием собирательных существительных типа *братия*). Форма *сыны* – исконно форма В., в современном русском языке стилистически маркирована и используется в сочетаниях *сыны отчества, сыны народа*. Появление варианта флексии *сыновья* многие ученые объясняют влиянием формы собирательных существительных женского рода ***jā**-основ типа *братия*, которая постепенно стала осмысляться как форма И. п. мн. ч. от *брат*, что и привело к вытеснению исконной формы *брати* (В. *браты*). По мнению других ученых, появление этой флексии связано с влиянием формы двойственного числа, имевшей в В. мужского рода такую же флексию (*берега, рукава, рога*).

В современном русском языке есть целая группа существительных, сохранивших старую форму И. мн. ч. Это слова, обозначающие совокупность людей по их принадлежности к племени, местности, городу, которые в единственном числе склонялись по типу ***ǫ**-основ, а во множественном – по типу основ **на согласный**. Именно флексию склонения **на согласный** они сохраняют: *крстьянинъ, бояринъ, полянинъ, северянинъ, киянинъ, горожанинъ* – *крстьяне, бояре, поляне, северяне, кияне, горожане*.

ТЕМА 9 ИСТОРИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

1. История склонения личных 1-го и 2-го лица и возвратного местоимений. Энклитические и супплетивные формы.
2. История указательных местоимений.
3. Происхождение и история личного местоимения 3-го лица.
4. История других неличных местоимений (для самостоятельного изучения).

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 213–223.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 245–278.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 135–218.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М., 1990. – С. 137–176.

Как и в современном русском языке, **древнерусские местоимения** представлены разными лексико-грамматическими разрядами слов, которые на грамматическом уровне характеризуются именными функциями и категориями, а на лексическом уровне, не называя какие-либо конкретные предметы и признаки, только отсылают к ним.

На эту связь указывает и этимология термина: это калька со средневекового латинского *pronōmen* ← *pro* ‘вместо’+ *nōmen* ‘имя, название’; в русском языке в форме МѢСТО ИМЕНЕ известно с древнерусской эпохи: в сочинении Иоанна экзарха Болгарского «О осмих частех слова», которое входит в состав Шестоднева (вторая половина IX – первая треть X в.) и представляет собой перевод греческой грамматики Иоанна Дамаскина с элементами переложения применительно к славянскому языку; в современной форме впервые дается Мелетием Смотрицким («Грамматика Славенский правилное Свнтагма», 1619).

Различия лексико-грамматических характеристик обуславливает дифференциацию местоимений **на личные и неличные**. «Заместителями» названий конкретных предметов или признаков является группа неличных местоимений, например, КЪТО, ТЪ, КОТОРЪ, а также местоимение 3-го лица ОНЪ: только они могут быть в буквальном смысле «замещены» словами, вместо которых выступают. Личные местоимения 1–2-го лица являются словесным обозначением участников диалога.

I

В древнерусской письменности функционируют **три варианта местоимения 1-го лица** И. ед. ч.: Я, ЯЗЪ, АЗЪ.

Вариант Я / *Æ* – древнейшая форма, характерная для праславянских диалектов, легших в основу восточнославянских и западнославянских языков (чешск., польск., словацк., верхнелуж., нижнелуж. – *ja*). В письменности впервые фиксируется в Мстиславовой грамоте 1130 года (*А се я Всеволодъ даль есмь блюдо...*) и является преобладающим в новгородских берестяных грамотах.

Вариант АЗЪ всеми историками бесспорно относится к старославянизмам по качеству начала слова.

Вариант ЯЗЪ чаще всего рассматривается как соотносительный (начальное ja-) восточнославянизм, характерный для деловой письменности, на основании этого делается вывод об употреблении его в живой восточнославянской речи наряду с Я. Однако, по мнению Г. А. Хабургаева, этот вариант характерен только для древнерусских деловых текстов и позднерусских книжно-литературных памятников и образован в результате контаминации (лат. contaminatio ‘смешение’) ст.сл. АЗЪ и др.р. Я.

Особенностью формообразования личных и возвратного местоимений является **супплетивизм** (фр. suppletif ‘добавочный’), образование их от разных корней. Супплетивизм характерен и для формообразования этих местоимений в других индоевропейских языках (гр. ἐγώ, σύ – μοι, τοι; лат. ego, tu – mei, tui; лит. eš/ aš, tu – mane, tave), что позволяет делать вывод о возникновении этого явления в праиндоевропейскую эпоху.

Склонение личных и возвратного местоимений

ед. ч.	И. Р. Д. В. Т. М.	язъ/я мене мънѣ, ми мене, мя (ст.сл.мѧ) мъною мънѣ	ты тебе тобѣ, ти тебе, тя (ст.сл.тѧ) тобою тобѣ	– себе собѣ, си себе, ся (ст.сл.сѧ) собою собѣ
мн. ч.	И. Р. Д. В. Т. М.	мы насѣ намѣ, ны насѣ, ны нами насѣ	вы васѣ вамѣ, вы васѣ, вы вами васѣ	
дв. ч.	И.–В. Р.–М. Д.–Т.	вѣ наю нама	ва ваю вама	

Вторая особенность формообразования личных и возвратного местоимений – наличие **энклитических форм Д. и В.** (гр. ενκλιτικε ← ενκλινω ‘склоняюсь’; безударное слово, стоящее после слова, имеющего ударение, и примыкающее к нему в отношении ударения), например: РѢША ЖЕ ДРЕВЛѦНЕ ПОСЛА **НЫ** ДЕРЬВЬСКА ЗЕМЛѦ; И РЕ^Ч ИМЪ ДОБРА ЛИ **ВЫ** ЧЕСТЬ; РЕ^Ч ИМЪ ДА АЩЕ **Мѧ** ПРОСИТИ · ПРАВО ТО ПРИШЛИТЕ МУЖА НАРОЧИТЫ; ИХЪ ЖЕ ПОСЛАХОМЪ **ПО Тѧ**; (князь Святослав Игоревич) ПОСЫЛАШЕ КЪ СТРАНАМЪ ГЛѦ · ХОЧОУ **НА ВЫ** ИТИ (Повесть временных лет, начало XII). Большинство ученых определяют таковыми все формы МИ, ТИ, СИ – МЯ, ТЯ, СЯ – НЫ, ВЫ.

По мнению Г. А. Хабургаева, энклитики в Д. п. МИ, ТИ, СИ, НЫ, ВЫ, характерные для книжно-славянских текстов в большей степени, чем для деловых и берестяных грамот, не являются принадлежностью живой восточнославянской речи: «возникает предположение об их, возможно, церковнославянском происхождении в древнерусской письменности» [Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 221]. Формы В. п. МЯ, ТЯ, СЯ он также не считает энклитиками: до XIV–XV веков в деловой и бытовой письменности, включая берестяные грамоты, они «оказываются единственно

возможными» [Там же], поэтому ученый определяет их как исторически закономерные – первичные – формы.

Исторические изменения в системе личных и возвратного местоимений коснулись следующих аспектов функционирования.

– Формы дв. ч. рано утратились в живой восточнославянской речи, но до XVII века оставались нормой книжно-славянского типа письменности.

– Многие исследователи считают, что современные разговорные и диалектные формы типа *Вот те на! Бог ты знает!* являются реликтами энклитик Д. и В. п. По Г. А. Хабургаеву, книжно-славянская энклитика ТИ не имеет отношения к истории современной усеченной формы *те*: последняя, «вероятнее всего, является новообразованием, развившимся в результате стяжения в энклитической позиции исторически «полной» словоформы *тебе*» [Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 233]. Иная судьба формы *ся*: в древнерусском языке местоимение не сливалось с глаголом, на что указывает его положение как после, так и перед глаголом (ЧТО **СА** ДЪЕТЕ ПО ВЪРЕМЪНЕМЪ, Смоленская грамота, 1229). Начиная с XV века, утратив самостоятельность и превратившись в частицу, образует возвратную форму глагола.

– Происхождение современных форм Р.–В. *меня, тебя, себя* (в южновеликорусских говорах до сих пор – *у мене, без тебе*), которые появляются с конца XIV века, а к концу XVI закрепляются как норма делового языка Московской Руси, по-разному объясняется учеными.

А. А. Шахматов дает фонетическое объяснение – в результате перехода *e* → *'a* в конце слова под ударением (как в современных диалектах – *опосля*). А. И. Соболевский дает морфологическое объяснение – в результате грамматической аналогии форм существительных склонения с основой на **ǫ* (*брата, коня*). По И. В. Ягичу, переход МЕНЕ, ТЕБЕ, СЕБЕ → МЕНЯ, ТЕБЯ, СЕБЯ проходил под влиянием энклитик В. п. МЯ, ТЯ, СЯ.

– Исконность гласного *o* в формах Д. и М. ед. ТОБЪ, СОБЪ подтверждается наличием его в новгородских берестяных грамотах и в современных восточнославянских языках: *тобе, собе – тобі, собі* (в окающих северновеликорусских и в украинских) – *табе, сабе* (в белорусских и акающих великорусских). Переход в *e* – это старославянское влияние.

II–III

Семантико-грамматическая классификация древнерусских **неличных местоимений** совпадает с современной, но лексический состав разрядов имеет существенные различия: указательные – Сь, СИ, СЮ; Ть, ТА, ТО; *И, *Æ, *Ю; ОНЪ, ОНА, ОНО; притяжательные – МОИ, МОÆ, МОЮ; ТВОИ, ТВОÆ, ТВОЮ; НАШЬ, НАША, НАШЕ; ВАШЬ, ВАША, ВАШЕ; СВОИ, СВОÆ, СВОЮ; определительные – ВЬСЬ, ВЬСÆ, ВЬСЕ; ВЬСАЕКЪ, ИНЪ, МЪНОГЪ, САМЪ, ЮТЕРЪ ‘некий’; относительно-вопросительные – КЪТО, ЧЪТО; КЫИ, КАÆ, КОЮ; ЧЕИ, ЧЪÆ, ЧЪЮ; КОТОРЪ.

Отметим, что местоимения *И, *Æ, *Ю в И. ед. в памятниках письменности встречаются только с частицей ЖЕ; новообразования ИЖЕ, ÆЖЕ, ЮЖЕ употребляются в значении ‘который, которая, которое’, например: ДА **ИЖЕ** ГОРАЗНЪЕ СЕГО НАПИШЕ · ТО НЕ МОЗИ ЗАЗЪРЪТИ МЪНЪ ГРЪШЪНИКОУ (Приписка к Остромирову Евангелию, 1056–1057); СЕ СЛЫШАВШЕЕ ДЕРЕВЛАНЕ · СОБРАШАСА ЛУЧШИЕ МУЖИ · **ИЖЕ** ДЕРЪЖАХУ ДЕРЕВЪСКУ ЗЕМЛЮ (Повесть временных лет, начало XII).

Как **местоименное склонение** формоизменяющаяся парадигма указательных местоимений в мягком и твердом вариантах противопоставлена именному склонению.

Исключение составляют формы И.–В. всех чисел, имеющие флексии именного склонения: -Ъ (как СТОЛЪ/КОНЬ), -А (как ЖЕНА/ЗЕМЛЯ), -Е (СЕЛО/ПОЛЕ).

Склонение указательных местоимений

		твердая основа			мягкая основа		
ед. ч.	И.	т-ъ	т-о	т-а	мој-и	мој-е	мој-а
	Р.		т-ого	т-оѣ		мој-его	мој-еѣ
	Д.		т-ому	т-ои		мој-ему	мој-еи
	В.	т-ъ	т-о	т-у	мој-и	мој-е	мој-ю
	Т.		т-ѣмь	т-ою		мој-имь	мој-ею
	М.		т-омь	т-ои		мој-емь	мој-еи
мн. ч.	И.	т-и	т-а	т-ы	мој-и	мој-а	мој-ѣ
	Р.		т-ѣхъ			мој-ихъ	
	Д.		т-ѣмь			мој-имь	
	В.	т-и	т-а	т-ы	мој-ѣ	мој-ѣ	мој-ѣ
	Т.		т-ѣми			мој-ими	
	М.		т-ѣхъ			мој-ихъ	
дв. ч.	И.–В.	т-а	т-ѣ	т-ѣ	мој-а	мој-ѣ	мој-и
	Р.–М.		т-ою			мој-ею	
	Д.–Т.		т-ѣма			мој-има	

ВъСѣ, исконно твердого типа склонения (*vьsѣ → *vьs'ѣ в результате 3-ей палатализации. См.: ВХОУ ЖЕ ТОУ ЗЕМЛЮ, Грамота Варлаама Хутынского, XII; ВОХО МОЕ, Берестяная грамота, XII–XIII), имело исконные флексии в Т. единственного, ВѣСѣМь и в косвенных падежах множественного числа, однако в формах, где в твердом типе флексии начинаются гласными непереднего ряда, используются окончания мягкого типа – ВѣС-ѣ, ВѣС-ЕГО, ВѣС-ѣ.

Семантические связи между указательными местоимениями в древнерусском языке, как и в других древних славянских, были несколько иными, чем в современном. Сохраняя исконное определение предмета по отношению к говорящему или предмету речи с точки зрения степени удаленности, современные указательные местоимения дифференцированы по двум степеням: нечто близкое – нечто далекое (*этот – тот*).

Иначе дифференцировалась их семантика в древнерусском языке. Из праиндоевропейской эпохи была унаследована система трех степеней удаленности: для указания на близкое говорящему лицу/предмет использовалось местоимение Сѣ, СИ, Сѣ; для указания на близкое собеседнику лицу/предмет (бо'льшая степень удаленности) – Тѣ, ТА, ТО; для указания на безотносительно далекое – И, Ѧ, Ю / ОНѣ, ОНА, ОНО: Тѣ СѣИИ ГЕОРГИИ; ДАЖЕ КТО ЗАПЪРТИТЬ ИЛИ ТОУ ДАНЬ ИЛИ СЕ БЛЮДО (Мстиславова грамота, 1130); НЕ ЛЮБА ГРАМОТИЦА СИ (Поучение Владимира Мономаха, XII); ИЗЫДЕ ПРОТИВУ ЛЮБЧЮ ОБ ОНѣ ПОЛѣ ДНѣПРА, А ЯРОСЛАВѣ ОБѣ СЮДУ (Повесть временных лет, начало XII); И ИДЕ ВОЛОДИМЕРѣ (в Радзивиловском и Академическом списках – ВСЕВОЛОДѣ) Кѣ ЗВЕНИГОРОДУ · И СТА ПО СЕИ СТОРОНѣ ГОРОДА · А ВОЛОДИМЕРѣ ГѣБ ОНУ СТРАНУ · СШЕДѣ З ГОРЫ · МЕЖИ ИМИ РѣКА МѣЛКА (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1377).

Изменения в системе указательных местоимений коснулись следующих аспектов функционирования.

- Разрушение исконной семантики указательных местоимений (ее реликты в современной диалогической речи проявляются, во-первых, в недопустимости использования форм *он, она* в отношении третьего лица, присутствующего при диалоге; во-вторых, в использовании новообразований при необходимости особого выделения «близости» или «отдаленности» третьего лица, например, *А этот знает? – Ты с тем не разговаривай!*) в праславянский период приводит тому, что ОНЪ, ОНА, ОНО начинает употребляться для указание на третье лицо, то есть как личное местоимение. В И. п. это указательное местоимение вытесняет синоним И, АЕ, Ю, исконные формы которого сохраняются, однако, в косвенных падежах. Так возникает супплетивизм склонения личного местоимения 3-го лица.

	ед. ч.			мн. ч.			дв. ч.			
	онъ	оно	она	они	она	оны	она	онъ		
И.	(и	ю	æ)	(и	æ	ѣ)	И.–В.	(æ	и	и)
Р.		юго	юѣ		ихъ		Р.–М.	ѣю		
Д.		юмоу	юи		имъ		Д.–Т.	има		
В.	и	ю	ю	и	æ	ѣ				
Т.		имъ	юю		ими					
М.		юмъ	юи		ихъ					

- В дописьменную эпоху после предлогов под действием закона открытого слога происходит переразложение предлогов *въп, *къп, *съп и в падежных формах **появляется начальный звук *п**: *съп имъ → *съ нимъ. После других предлогов **н-** появляется по аналогии: *от него, при ней, о них*.

Такова же история приставок *въп, *къп, *съп: совр. *снимать* ← др.р. СЪНИМАТИ ← прасл. *съп + *imati; совр. *внушить* ← прасл. *въп + *ucho. Переразложение осуществлялось перед гласным корня, а также перед начальным согласным *j падежных форм указательного местоимения. В других случаях преобразование закрытого слога в открытый происходило путем утраты конечного согласного *п предлогов-приставок: *вдаты* ← ВЪДАТИ ← *въ(n)-dati; *с горы* ← СЪ ГОРЫ ← *съ(n) gory [Крепких Т. А., Рюмина О. Л. К вопросу о преобразовании предлогов-приставок *въп, *къп, *съп в праславянском языке // Русский язык: Исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс. М., 2007. С. 347–348].

Дальнейшие изменения в парадигме местоимения 3-го лица:

- отвердение конечного согласного в форме Т. и М. после падения редуцированных; переход конечного **-е** (после утраты ѣ) в **-о** по аналогии;
- замена исконных форм В. ед. и мн., по причине их невыразительности и совпадения со служебными словами, формами Р., хотя реликты исконных форм отмечаются в северновеликорусских диалектах;
- в И. мн. происходит выравнивание флексий и возникает единая форма – ОНИ. В XVIII веке в литературный язык входит особая форма множественного числа женского рода ОНЪ, возникшая под влиянием форм Тѣ, ВСѣ и сохранявшаяся до реформы орфографии 1917 года, например:

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной.
Напоминают мне **оне**
Другую жизнь и берег дальный.* (Пушкин)

К существенным изменениям в системе указательных местоимений следует отнести и следующие.

– После утраты прежней трехчленной системы пространственных отношений начинает формироваться новая двучленная со значением указания на близкий (*этот*) / отдаленный (*тот*) предмет. В современном русском языке местоимения Сь, ОНЪ не сохранились; их реликты в членной форме (Сь, ОНЪ + И → СЕЙ; ОНЬЙ, СИ, ОНА + АЕ → СΙΑ, ОНАЯ; СЮ, ОНО + Ю → СЕЕ, ОНОЕ) использовались в канцелярском стиле XIX – начала XX века: *оный господин, к сему руку приложил, сей проситель*.

– Местоимение ТЪ рано выступает в удвоенной форме *тъ+*тъ → ТЪТЪ → *тот*. Форма Р. ед. *того* отражает переход взрывного [г] в [в] через промежуточную ступень фрикативного [γ] (именно таково произношение в современных северных и южновеликорусских говорах), ослабление которого приводит к полному его исчезновению [тоо]. Как средство устранения возникшего зияния гласных между губными гласными возникает губно-зубной [в]. Данная форма фиксируется в памятниках с XV века.

• Местоимение *этот* образовано путем сложения форм *тот, та, то* с указательной частицей *е*, изначально имевшей самостоятельный характер: ВЪ Е ВЪ ТО, НА Е НА ТОМЪ, СЪ Е СЪ ТЪМЪ. Реликтами такого употребления являются характерные для современных говоров и просторечия формы *эфто, энто, эсто*.

IV

Древнерусские относительно-вопросительные местоимения КЪТО, ЧЪТО, возникшие путем сложения исходных корней *къ-/*къ- с частицей *to, имели флексии единственного числа мужского рода местоименного склонения: И. КЪТО ЧЪТО; Р. КОГО, ЧЕГО/ЧЕСО/ЧЬСОГО; Д. КОМОУ, ЧЕМОУ; В. КОГО, ЧЪТО; Т. ЦЪМЪ, ЧИМЪ; М. КОМЪ, ЧЕМЪ.

Изменения коснулись форм Т. и М. падежей: если в М. они имеют фонетический характер (падение редуцированных с последующим отвердением конечного м и 3-ей лабиализацией в форме ч'ом), то эволюция формы Т. п. объясняется по-разному. Большинство ученых дают ее фонетическую интерпретацию (П. Я. Черных, П. С. Кузнецов, В. В. Иванов). Трактовка Г. А. Хабургаева носит морфологический характер. Местоимения, закрепленные в атрибутивной функции уже к XIV веку в говорах, легших в основу великорусского языка, совпадают с формами полных прилагательных (так и в настоящее время: *добрым человеком – иным, о добром человеке – об ином*). В субстантивной функции могли выступать *тъ/тот* и *къто, чъто*, поэтому формы *тем/кем/чем* имеют субстантивные флексии (как *князем, гостем*). Форму *кем* Г. А. Хабургаев не считает результатом выравнивания основ (*к-ого, к-ому*): «это явное новообразование от основы *к-* с флексией местоимений-существительных, вытеснившее словоформу *к-им* – с атрибутивной флексией твердого варианта *-ым* после заднеязычного согласного» [Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 256].

Это соотношение ученый выявляет и в других местоимениях. Так, местоимение *сам*, выступая в атрибутивной функции, имеет и атрибутивные флексии: *самый сильный, самого сильного*. В субстантивном значении выделения лица *сам/сама/само* имеет в косвенных

падежах, где флексии местоимений–существительных отличаются от флексий местоимений-прилагательных, окончания нового местоимения 3-го лица *он/она/оно: его самого, ему самому, ее самое.*

ТЕМА 10 ИСТОРИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

1. Соотношение кратких и полных форм древнерусского прилагательного (формообразование, склонение, синтаксические функции, связь со становлением категории определенности ~ неопределенности).
2. Лексико-грамматические разряды прилагательных и их история.
3. История форм сравнительной степени прилагательных (для самостоятельного изучения).

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1965. – С. 224–237.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 245–278.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 135–218.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М., 1990. – С. 177–215.

I

Имя прилагательное в древнерусском языке, как и в современном, имеет общее значение признака, носителем которого является предмет. Именно поэтому оно всегда определяет существительное и функционирует либо в качестве согласованного определения, либо в качестве именной части сказуемого, то есть, и синтаксически относясь к существительному (ср.: *На столе лежало **красное** яблоко. – Это яблоко **было красное***).

Если такой связи с существительным нет, то это уже не прилагательное, а иная часть речи, генетически связанная с прилагательным, например: *течение **быстро*** (прилаг.) – *бежит **быстро*** (наречие); так же и в др.р. *ОТ ЗЪЛА* (прилаг.) *СЪМЕНИ – ДА НЕ ТВОРЯТЬ ИМЪ ЗЪЛА* (сущ.).

Г. А. Хабургаев, отмечая в древнерусских текстах высокую частотность форм среднего рода существительных, тождественных формам прилагательных, типа *ДУРНА НАД НИМИ НИКАКОВО НЕ УЧИНИЛИ*; и *НАД ГСДРВОЮ КАЗНОЮ НИКАКОВА ХУДА НЕ ЧИНИТИ*, объясняет эту тождественность как доказательство генетического единства прилагательного и существительного, достаточно долгого существования их как единого класса слов, которое проявляется и в единстве морфологических признаков – род, число, падеж [Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. С. 177].

Первичными формами прилагательных являются современные **краткие формы**. Они склонялись так же, как существительные, с которыми согласовывались, но, в отличие от существительных, уже в праславянский период унифицировали системы флексий по родовому признаку: все краткие прилагательные женского рода склонялись как существительные с основой на **ā/*jā*; все краткие прилагательные мужского и среднего родов склонялись как существительные с основой на **ǫ/*jǫ*. При этом флексии

прилагательного к началу письменного периода уже не зависели от флексий конкретного существительного, а определялись только его родовой принадлежностью, например:

*ā *ī *ū *ǫ *ǫ *ǫ *n

И. ед. чьрна стена, ночь, буки	великъ столъ, домъ, ками
Р. ед. чьрны стены, ночи, букъве	велика стола, дому, камене
И. мн. чьрны стены, ночи, букъви	велики столи, домове, камене

Традиционно термины **именные формы** используется в значении 'краткие формы', а **местоименные формы** – в значении 'полные (членные и местоименные без различия'. При этом использование термина может определяться вниманием к различиям в морфемном составе форм (краткие – полные, членные) или к системе склонения (именные – местоименные)¹.

Образование членных форм шло следующим образом: к именной форме прилагательного присоединялось древнее указательное местоимение И, Æ, Ю в зависимости от категории рода, отражаемой прилагательным:

И. ВЕЛИКЪ + И → ВЕЛИКИЙ
ВЕЛИКА + Æ → ВЕЛИКАЯ
ВЕЛИКО + Ю → ВЕЛИКОЮ
Р. ВЕЛИКА + ЕГО → ВЕЛИКАЮГО
Д. ВЕЛИКУ + ЕМУ → ВЕЛИКУЮМУ.

Уже в старославянских памятниках отражается начавшееся изменение первоначальных форм местоименных прилагательных. Вначале конечный гласный именной формы уподобляется окончанию: ВЕЛИК-АЮГО → ВЕЛИК-ААГО, ВЕЛИК-УЮМУ → ВЕЛИК-УУМУ. Затем в Т. ед. мужского и среднего родов, Д., Т., М. мн. и Д., Т. дв. конечный звук именной формы -О, -А, -Ъ заменяется звуком -Ы: ВЕЛИК-ЫИМЪ, ВЕЛИК-ЫИМЪ, ВЕЛИК-ЫИМИ, ВЕЛИК-ЫИХЪ, ВЕЛИК-ЫИМА. Эти старославянские нестяженные формы в древнерусском языке подверглись стяжению: ВЕЛИК-ЫМЪ, ВЕЛИК-ЫМЪ, ВЕЛИК-ЫМИ, ВЕЛИК-ЫХЪ, ВЕЛИК-ЫМА.

Дальнейшее изменение форм склонения этих прилагательных связано с влиянием на местоименное склонение в целом парадигмы указательного местоимения ТЪ, ТА, ТО: ВЕЛИК-ОГО как ТОГО; ВЕЛИК-ОМУ как ТОМУ, ВЕЛИК-ОИ (вм. ВЕЛИЦЪИ) как ТОИ.

В начальной форме мужского рода после падения редуцированных вместо исконно древнерусского преобразования *великой / синей* закрепляется форма старославянская *великий / синий*. Исконные формы характерны для некоторых современных севернорусских говоров, в литературном языке они сохранены лишь под ударением (*седой, молодой*), в том числе в фамилиях (*Толстой, Дикой*, но: *толстый, дикий*). В таком виде они использовались в поэтической речи XVIII–XIX веков, например:

<i>Мирно стой, утес наш твердой,</i>	<i>Пусть нам звездою путеводной</i>
<i>Отшибая грудью гордой</i>	<i>Святая истина горит.</i>
<i>Вкруг ревуций океан! (Жуковский)</i>	<i>И, верьте, голос благородной</i>
	<i>Недаром в мире прозвучит! (Плещеев)</i>

¹ В последние десятилетия в работах по истории прилагательного семантика терминов **местоименные и членные формы** дифференцируется (см. : Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 3 : Прилагательные / А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М. : Азбуковник, 2006. С. 224–225.

В поэтической речи XVIII–XIX веков в формах Р. ед. женского рода используется наряду с флексией *-ой/-ей* (из др.р. *-ОѢ/-ЕѢ*) вариант *-ыя/-ия*, старославянский по происхождению (из *-ЫА/-ИА*), например:

*Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом.* (Вяземский)

Какова изначальная функция присоединения указательного местоимения к формам именных прилагательных?

По мнению ученых, эти указательные местоимения выполняли функцию **определенного члена**, который позволял новообразованию – членному/местоименному прилагательному – реализовать значение **указания на определенный предмет**: именные прилагательные употреблялись при существительных, которые обозначали неизвестный или впервые упоминаемый предмет; новообразования же употреблялись при существительных, которые обозначали известный или уже упоминавшийся предмет. Значит, нечленные и членные формы образовывали оппозицию по признаку ‘определенности ~ неопределенности’, тем самым создавая предпосылки для формирования в древнерусском языке **категории определенности ~ неопределенности**. Ср. реализацию этой категории в германских языках в использовании определенных и неопределенных артиклей англ. *a / the*, нем. *der / die*. Так же в древнерусском языке начального периода: **ДОБРА СЕСТРА**, где признак приписывается сестре вообще или конкретной, но впервые упоминаемой сестре, **ДОБРАЯ СЕСТРА** – именно эта, а не какая-то другая.

Но категория ‘определенности ~ неопределенности’ оказалась в древнерусском языке неустойчивой, вследствие этого формы типа *добра сестра* и *добрая сестра* полностью совпали по своей грамматической семантике. Однако в языке формообразование всегда должно сопровождаться дифференциацией функций, в данном случае эта дифференциация коснулась функций синтаксических.

Изначально первичное – именное – прилагательное могло выполнять и функцию определения, и функцию сказуемого: **ЖАЛЬ БО ЕМУ МИЛА БРАТА ВСЕВОЛОДА** (Слово о полку Игореве, XII); **ЗАНЕ ЖЕ КНИГЫ ВЕТШАНЫ А УМЪ МОЛОДЪ НЕ ДОШЕЛЪ** (Приписка монаха Лаврентия к Лаврентьевской летописи, 1377); **ОТРОЦИ СВѢНЬЛЪЖИ ИЗОДЪЛИСА СУТЬ ѠРУЖЬЕМЪ И ПОРТЫ А МЫ НАЗИ** (Повесть временных лет, начало XII). Постепенно за именными прилагательными закрепилась функция сказуемого, а за местоименными – функция определения и претерпела изменение грамматическая семантика полных и кратких форм. В современном русском языке они противопоставлены по характеру выражаемого ими признака: *добрая сестра* – постоянный признак, *сестра добра* – непостоянный признак. Закрепление кратких форм в предикативной функции привело к тому, что они используются лишь в форме И. п., координируясь с подлежащим в роде и числе. Таким образом утрачивается склонение кратких прилагательных.

Изменение грамматической семантики полных и кратких форм привело к утрате кратких форм у относительных прилагательных, поскольку они называют стабильный признак предмета, например, *каменный дом*, в отличие от качественных прилагательных, называющих признак, который может содержаться в предметах в большей или меньшей степени, например, *крепкий кофе*. Таким образом сохраняются полная и краткая формы только у качественных прилагательных.

Исключения, реализующие атрибутивную функцию именного прилагательного, довольно редки: 1) фразеологизмы типа *сыр-бор разгорелся, на босу ногу, середь бела дня*; 2) элементы фольклорной поэтики типа *красна девица, красно солнышко, бел-горюч камень*; 3) в поэтической речи при обособлении, когда краткое прилагательное в форме И. п.а. выступает в полупредикативной функции, совмещая значения определяющего слова и предиката, например: *Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная, боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой* (Пушкин). Следует отличать от такого употребления усеченные формы прилагательных, которые как средство стилизации использовались в поэтической речи XVIII – начала XIX века, например: *Поля покрыла мра́чна ночь; Так си́льну он вносил десницу* (Ломоносов); *Не здесь ли ми́рны дни вели земные боги? Он пел разлуку, и печаль, и нечто, и тума́нну даль* (Пушкин). Формально подобные кратким (именным), они отличались от них местом ударения: усеченные формы сохраняют ударение полных (местоименных) прилагательных, краткие имеют ударение на флексии.

II

Лексико-грамматические разряды древнерусских прилагательных совпадают с современными: качественные, относительные и притяжательные, первоначально имевшие именную форму: **НАРЯДЪ КРАСЬНЪ, ТЕРЕМЪ ДЕРЕВЯНЪ, РОДЪ КНЯЖЬ**. Современные притяжательные прилагательные в большей степени, чем другие разряды, сохранили исконную именную форму: *отцов дом, сестрин подарок, синицыно крыло, «Иваново детство»*.

В древнерусском языке словообразование этого разряда прилагательных шло при помощи следующих суффиксов:

- -ОВЪ / -ЕВЪ (ОТЬЦЕВЪ, ОЛЬГОВО ХОРОБРОЕ ГНЕЗДО).

Эти прилагательные сохранили в современном русском языке исконную именную форму и синтаксическую функцию согласованного определения, в силу чего они, в отличие от именных форм качественных прилагательных, имеют флексии именного типа в выделенных падежах; в остальных закрепились флексии местоименного типа склонения:

И. отцов дом	отцова деревня
Р. отцова дома	отцовой деревни
Д. к отцову дому	отцовой деревне
В. отцов дом	отцову деревню
Т. отцовым домом	отцовой деревней
П. об отцовом доме	отцовой деревне.

- -ИНЪ (СЕСТРИНЪ, ДВОРЪ ГОРДЯТИНЪ)

Эти прилагательные в современном русском языке склоняются по местоименному типу, за исключением небольшой группы типа *мужнин, материн, курицын*, которые изменяются как прилагательные с суффиксом -ов / -ев. К исключениям относятся и географические и ботанические названия, устойчивые сочетания, например: *Ласточкино гнездо в Крыму, венерин башмачок, тришкин кафтан, Ильин день*.

Притяжательные прилагательные двух этих словообразовательных типов легли в основу многих русских фамилий (*Иванов, Кузьмин*), географических названий. Так, название города *Киев*, по летописной версии, восходит к имени старшего из братьев-основателей *Киу*: И СОТВОРИША ГРАДЪ ВО ИМЯ БРАТА СВОЕГО СТАРЪИШАГО И НАРЕКОША

ИМЯ ЕМУ КИЕВЪ (Повесть временных лет, начало XII); название города Львов к имени князя Льва Галицкий, который в XIII веке возвел городское укрепление.

• -j- (ПО ЗАМЫШЛЕНИЮ **БОЯНЮ** из БОЯНЪ + -j- → БОЯНЬ; ВЪ ОБРАЗЪ **МЕДВЪЖИ** из МЕДВЪДЬ + -j- → МЕДВЪЖЬ).

В современном русском языке эти формы сохранились лишь в названиях городов типа *Ярославль* (ЯРОСЛАВЪ + -j- → ЯРОСЛАВЛЬ ГОРОДЪ); остальные же были вытеснены полными формами и склоняются по местоименному типу, например *медвежий*.

ТЕМА 11

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО КАК ЧАСТИ РЕЧИ

1. Исходная система счетных слов древнерусского языка:

- а) частеречная принадлежность счетных слов и их сочетаемость,
- б) словообразовательные модели счетных конструкций.

2. История оформления числительного как части речи.

Литература:

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 303–312.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 266–277.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М., 1990. – С. 258–281.

I

В исторической славистике традиционно считается, что становление числительного как самостоятельной части речи осуществляется в старорусский период и в древнерусском языке такого разряда имен выделить нельзя: «Все, без исключения, древнерусские названия отвлеченных чисел функционируют и характеризуются грамматическими категориями прилагательных или существительных» [Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 267]¹.

Состав узловых счетных слов уже в начальный период был тот же, что в современном русском: от 1 до 10, 100, 1000.

По происхождению эти слова в основном индоевропейские:

один – ст.сл. ЮДИНЪ, прасл. *jedinъ, где *ed – усилительная частица (ср. *этот*) + *in ‘один’, как лат. *unus*, англ. *one*, нем. *ine* (исходная семантика проявляется в корневой морфеме в др.р. ИНОРОГЪ ‘единорог’, ИНЪГДА / ИНОГДА ‘однажды’ – старшее значение, отмеченное И. И. Срезневским; совр.устар. *инок* ‘монах, отшельник’; в современном суффике *-ин-* со значением единичности типа *горожанин, хозяин*);

два – лат. *duo, bis* (*duis* ‘дважды’), гот. *twai*, снскр. *dvāu, dūvāu*;

три – лит. *trīs*, лат. *tres*, гот. *preis*;

четыре – лит. *keturi*, лат. *quattuor*;

пять – гр. *πέντες*, лат. *quintus*, гот. *imfta*;

шесть – лит. *šeši*, лат. *sex, sextus*, гот. *saihs*;

семь – прасл. *sedmъ; лат. *septem*, снскр. *sapta*;

¹ Совершенно иную позицию в этом вопросе занимает О. Ф. Жолобов: «История славянских числительных заключается не в движении «от небытия к бытию» (т. е. в их весьма позднем появлении), а в особенностях их морфосинтаксической динамики. Уже в рамках традиционного частеречного учения с его триадой флексийных форм, синтаксической функции и лексического значения древнеславянские числительные должны быть выделены в самостоятельный класс слов» [Историческая грамматика древнерусского языка Т. 4 : Числительные / О. Ф. Жолобов. М.: Азбуковник, 2006. С. 10].

восемь – прасл. *osъ / *osъть (др.р. ОСЬМИНЪКА ‘хлебная мера’, срб. осам, словац. osem), лат. octo, снскр. asta. Еще в начале XIX века форма *осемь* была нормой: *Все украшало кабинет философа в осьмнадцать лет* (Пушкин). Современная норма закрепила народно-разговорную форму с начальным в-, возникшим во избежание «зияния гласных»;

девять – лит. devyni, лтш. devini, др.-прусс. newinst, лат. noven, снскр. nava ← и.е. *neun-, поэтому в прасл. должно было быть *neve-. Начальный *d вместо *n появился, как и в литовском и латышском, возможно, под влиянием слова *десять*. «Происхождение этого и.-е. слова не вполне ясно, но допустимо предположение, что оно находится в связи с и.-е. *neuos ‘новый’, если предположить, что в данном случае имеет место отражение счета четверками» [Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. Т. 1. С. 237];

десять – ст.сл. ДЕСАТЬ, прасл. *des(em)ъ, лит. desimtis, др.-прусс. dessimpts, лат. decem;

сто – др.р. СЪТО, лат. centum, снскр. satam, гот. hund;

тысяча – др.р. ТЫСЯЧА, ст.сл. ТЫСАШТА. В такой форме известно только для балто-славянских и германских языков типа лит. tūkstantis, гот. pūsundi.

В древнерусских текстах встречаются и наименования чисел больше тысячи: ТЪМА ‘10 тысяч’ (а также ‘несметное множество’, как НЕСЪ(Ъ)ВЪДА и КОЛОДА), ЛЕГИОНЪ ‘100 тысяч’, ЛЕГѢДРЪ ‘1 миллион’, ВРАНЪ / ВОРОНЪ ‘10 миллионов’ (а также ‘несметное множество’). Но их числовое значение или было неопределенным (ТЪМА, КОЛОДА, ВРАНЪ), или это заимствования, которые встречались лишь в переводных текстах. Поэтому их история для формирования числительного как части речи не имеет значения. К тому же некоторые из них вытеснены уже к XVI веку заимствованиями из итальянского *миллион*, *миллиард* (итал. mille ‘тысяча’).

Остальные числовые наименования образовывались, как и в современном русском, путем различных комбинаций указанных узловых счетных слов.

Счетными прилагательными были названия единиц **от 1 до 4**. Согласуясь с существительными, они следующим образом реализуют именные категории:

категория рода: м. ОДИНЪ – ж. ОДЪНА – ср. ОДЪНО, м. ДЪВА – ж., ср. ДЪВЪ, м. ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ – ж., ср. ТРИ, ЧЕТЫРИ;

категория числа: ОДИНЪ – только формы единственного числа, ДЪВА – только формы двойственного числа, ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ – только формы множественного числа;

категория падежа: ОДИНЪ, ДЪВА – флексии местоименного склонения, ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ – именного склонения (ТРИЕ как существительные *ї-основ, ЧЕТЫРЕ – как существительные с основой на согласный).

	ед. ч.			дв. ч.		мн. ч.	
	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср.=ж. р.	м. р.	ср.=ж. р.
И	одинъ одъна		одъно	дъва /оба	дъвъ /объ	три(ь)е /четыри	три /четыре
Р	оди(ь)ного		одъноѡ	дъвою / обою		трии	четыръ
Д	оди(ь)ному		одънои	дъвъма / объма		тръмь	четырьмь
В	одинъ	одъно	одъну	дъва /оба	дъвъ /объ	три	четыри
Т	оди(ь)нъмь одъною			дъвъма / объма		трими	четырьми
М	оди(ь)номь одънои			дъвою / обою		трхь	четырьхь

В двойственном числе форма Р.–М. **дъвою** рано вытесняется формой **дъву**: *дъву двору* (Ипатьевская летопись, начало XV), *по дъву же лѣту* (Лаврентьевская летопись,

1377). Появление [x] в форме **дѣвухъ**, отмечаемое в памятниках с XV века, связано с влиянием формы М. **трѣхъ, четырехъ**. Реликты исходных форм в современном русском языке сохранились в составе сложных слов *двоюродный, обоюдный, двубортный, двужильный, двуручный, двуокись, двууглекислый, двудольный*.

Форма Д.–Т. изменяется под влиянием Р.–М. **дѣвѣма** → **дѣвума**, смягчение [м] происходит под влиянием форм **трѣми, четырьми**.

Названия единиц **от 5 до 9** были **счетными существительными** и склонялись по типу *Ї-основ женского рода типа КОСТЬ. В словосочетании они управляли существительным, количество которого называли, причем, это управляемое существительное употреблялось в форме Р. п. мн. ч.:

- И.–В. **пять женъ, столъ, сель**
 Р.–Д.–М. **пяти женъ, столъ, сель**
 Т. **пятию женъ, столъ, сель**

Счетное существительное 10 склонялось по типу основ на согласный мужского рода типа КАМЕНЬ; **счетное существительное 100** – по типу *Ў-основ среднего рода типа СЕЛО:

	ед. ч.		дв. ч.		мн. ч.	
И.	десять	съто	десяти	сътъ	десяте	съта
Р.	десяте	съта	десяту	съту	десять	сътъ
Д.	десяти	съту	десятьма	сътома	десятьмь	сътомь
В.	десять	съто	десяти	сътъ	десяти	съта
Т.	десятьмь	стъмь	десятьма	сътома	десятьми	съты
М.	десяте	сътъ	десяту	съту	десятьхъ	сътъхъ

Очень рано, в дописьменную эпоху, ДЕСЯТЬ и все счетные слова больше 4 получают единую флексию Т. п. ед. ч. по типу существительных женского рода *Ї-основ: *десятию* → *десятью, пятию* → *пятью*.

Наименования десятков, сотен и тысяч образовывались в соответствии с морфологическими признаками соответствующих счетных имен.

Поскольку счетное прилагательное ДѢВА употреблялось только в двойственном числе, то указывающие на разряд числа счетные существительные ДЕСЯТЬ, СЪТО, ТЫСЯЧА также имели форму двойственного числа. Счетные прилагательные ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ употреблялись только в форме множественного числа, и ДЕСЯТЬ, СЪТО, ТЫСЯЧА в сочетании с ними имели форму множественного числа. При склонении проявляется согласование счетных прилагательных и существительных в п.е. Согласование в роде проявляется в словосочетаниях с ДѢВА / ДѢВѢ в И.–В. п., где флексия мужского рода противопоставлена единой флексии женского и среднего родов; в словосочетаниях с ТРИЕ / ТРИ, ЧЕТЫРИЕ / ЧЕТЫРИ только в И. п.

В словосочетаниях счетных существительных ДЕСЯТЬ, СЪТО, ТЫСЯЧА и ПЯТЬ...ДЕВЯТЬ существительные ПЯТЬ...ДЕВЯТЬ выступают в функции главных слов и требуют от управляемых слов формы Р. п. мн. ч., которая при склонении не изменяется.

	согласование			управление сущ. в Р. мн.
	в роде	в дв. числе	во мн. числе	
И	м. ж.=ср.	дѣва десяти дѣвѣ сътъ, тысячи	трие десяте три/четыри съта, тысячѣ	пять десять, сътъ, тысячѣ
Р		дѣвою десяту, съту, тысячю	трии десять, трии/четырь сътъ, тысячѣ	пяти десять, сътъ, тысячѣ
Д		двѣма десятима, сътома, тысячама	трѣмъ десятима, трѣмъ/ четыремъ сътома, тысячамъ	пяти десять, сътъ, тысячѣ
В	м. ж.=ср.	дѣва десяти дѣвѣ сътъ, тысячи	три десяти три/четыри съта, тысячѣ	пять десять, сътъ, тысячѣ
Т		двѣма десятима, сътома, тысячама	трѣми десятима, трѣми/четырьми сътома, тысячами	пятию десять, сътъ, тысячѣ
М		дѣвою десяту, съту, тысячю	трѣхъ десятихъ, трѣхъ/четырѣхъ сътъхъ, тысячахъ	пяти десять, сътъ, тысячѣ

Закономерная форма праславянского наименования 40 – *četyre desęte (ср. западноукр. чотыредесят / чотырдесят, серб. чотырдесят, словац. štyridsať) у восточных утрачивается (в древнерусской письменности XIII–XIV веков фиксируются композитные формы с варьированием в первой части ЧЕТЫРЕ<И,Ь> ДЕСЯТЕ<И,Ь>) и заменяется лексическим новообразованием СОРОКЪ. Традиционно его происхождение связывается «с древнерусской мерой отсчета беличьих и собожьих шкурок сороками. Употреблялось и производное **сорочькъ** – «сорок»... Отсюда счет сороками (сорочками) был перенесен и на деньги. Естественно думать, что **сорокъ, сорочькъ** в др.-рус. языке сначала представляло собою подобие тары вместимостью в четыре десятка шкурок небольшого пушного зверя. По-видимому, это **сорокъ, сорочькъ** – не более чем «мужской вариант» сущ. **сорочька, сорочица** (от *сорока) – «исподняя рубашка», известного с древнейшего времени. Значение единицы счета оно могло получить сначала в речи охотников» [Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1. С. 189].

О. Ф. Жолобов дополняет этимологизацию греческим влиянием: «Первоначально это слово являлось обозначением связок пушнины, которые широко использовались в товарно-денежном обороте Древней Руси в упаковках по 40 штук. Закрепление данного числительного в древнерусском языке поддерживалось взаимодействием с близкозвучными греческими лексемами *σαράκοντα* '40' и *σαράκοστη* 'сорокодневный пост' [Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 4 : Числительные / О. Ф. Жолобов. С. 327].

Неясным остается происхождение числительного **девянсто**. В. Ф. Ржига, а вслед за ним И. В. Ягич возводили его к выражению *nevě (*devę) do съта 'девять до сотни'. Г. А. Хабургаев, развивая мнение И. И. Срезневского о том, что это числительное – остаток древней системы счета, существовавшей до десятичной (ср.: **дѣвѣ девянсть мужь**, I Псковская летопись; **съ тремя девянсты**, IV Новгородская летопись), определяет эту систему как заимствуемую восточными славянами у дославянского населения, вероятнее всего финноязычного [Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 269]. По О. Ф. Жолобову, девятичного счисления как самостоятельной системы счета не существовало ни у славян, ни у их соседей, в отличие от девятичного счета (счета девятками), который, как и счет 'по девянста', имел ограниченный характер и не переходил рубежа '3 x 9' (отсюда реликт – *за тридевять земель, тридевятое царство*). Ученый определяет форму **девянсто** как результат фонетического преобразования исходного «*nevěn desęmtān '9x10', ключевыми моментами в котором было взаимодействие числительных *nevěn и *desęmtān, а также сближение с названием следующего разряда – *sęmtān '100'. Сохранение данного архаизма обусловлено особой ролью числительного '9' в ритуально-магическом счете» [Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 4 : Числительные / О. Ф. Жолобов. С. 177–184, 327].

Названия чисел **от 11 до 19** представляли собой словосочетания, в которых начальная форма счетных слов, обозначающих единицы, присоединялась к счетному существительному ДЕСЯТЬ в форме М. п. с предлогом НА: ОДИНЪ НА ДЕСЯТЕ, ДЪВА / ДЪВЪ НА ДЕСЯТЕ. Подобная структура отражает закрепление современной десятичной системы счисления, поскольку сочетания типа ОДИНЪ НА ДЕСЯТЕ буквально имело значение 'один сверх десяти', и полностью соответствует греко-византийской традиции буквенной передачи числового значения, например: ·АГ̄– 11, ·ВГ̄– 12, ·ЕГ̄– 15, но ·КАГ̄– 21.

Названия **разноразрядных чисел** образуются с помощью соединительных союзов **и, да**, реже – **ти**, например: ДЪВА ДЕСЯТИ И ПЯТЬ, СЕМЬ ДЕСЯТЬ ДА ТРИ, ДЕВАТЬ ДЕСАТЬ ТИ ДЕВАТЬ.

Названия чисел **половинного счета** образуются соединением существительного ПОЛЬ 'половина' с счетным прилагательным (по школьной грамматике, порядковым числительным) в именной форме типа ВТОРЪ, -А, -О; ПЯТЬ, -А, -О: ПОЛЬ ВЪТОРА 'один с половиной', ПОЛЬ ОСЬМА НА ДЕСЯТЕ 'семнадцать с половиной', ПОЛЬ ПЯТА ДЕСЯТЕ '45'. Реже используется местоименная форма прилагательного, например в Мстиславовой грамоте 1130 года: ПОЛЬ ТРЕТИЕ ДЕСАТЕ ГРИВЪНЪ '25'. По наблюдениям О. Ф. Жолобова, реликтами старинного половинного счета являются современные разговорные обозначения полчаса типа *полдевятого* '8 / 20 часов тридцать минут', *полвторого* '1 / 13 часов тридцать минут'.

Название половинного счета всегда употреблялось в сочетании с существительным, на количество которого указывало: это существительное управлялось словом ПОЛЬ и имело форму Р. ед. ч., а именная / местоименная форма счетного прилагательного согласовывалась с этим существительным, например, в берестяной грамоте XII века:

↓←←←←←

А У МОИСЕА ПОЛЬ ШЕСТЕ ГРИВЪНЕ КУНАМИ ВЪЗЪМИ.

→→→→→→→→↑

II

Оформление числительного как части речи завершается к XIV–XV векам и связывается учеными с утратой категории двойственного числа и родовой принадлежности узловых счетных слов (кроме *один, -а, -о* и *два, -е*).

Проследим эти изменения:

– утрата формы двойственного числа и совпадение форм единственного и множественного числа счетного слова ДЕСЯТЬ в составных числовых наименованиях 11–19, 20, 30: Ср. ОДИНЪ НА ДЕСЯТЕ (М. ед.), ДЪВА ДЕСЯТИ (И. дв.), ТРИЕ ДЕСЯТЕ (И. мн.);

– выравнивание этих форм (**десять**) и утрата восприятия этого слова как самостоятельного существительного;

– трансформация его в несклоняемый словообразовательный компонент – суффикс в результате редукции его фонетического состава: **десять** → **д(е)сять** → **дс'ат'** → (**ассимиляция**) **тс'ат'** → (**упрощение**) **цат'**;

– в силу утраты частеречной значимости компонента **цат'** происходит стяжение счетного словосочетания, первый компонент в котором прекращает восприниматься как счетное прилагательное: ОДИНЪ НА ДЕСЯТЕ → *одиннадцать*, ДЪВА ДЕСЯТИ → *двадцать*, ТРИЕ ДЕСЯТЕ → *тридцать*.

Новообразования склоняются по типу *ї-основ (а не основ на согласный, как др.р. ДЕСЯТЬ) и имеют парадигму, в которой различаются три формы:

И.–В.	пять	десять	одиннадцать	двадцать	семьдесят
Р.–Д.–М.	пяти	десяти	одиннадцати	двадцати	семидесяти
Т.	пятью	десятью	одиннадцатью	двадцатью	семьдесятю

Стяжение в счетных словосочетаниях **пять десять – восемь десять** и названий сотен **от 200 до 900** происходит позднее. Именно этим можно объяснить изменение – появление внутренней флексии – при склонении обеих частей образовавшегося сложного слова: *пятидесяти, шестьюдесятью, восьмистам*.

Изменение парадигм склонения счетных слов **40, 90** приводит к противопоставлению формы И.–В. и формы Р.–Д.–Т.–М.: *сорокъ – сорока, девяносто – девяноста*. По аналогии с ними такую же парадигму приобретает счетное существительное **100**: *сто – ста*.

Непосредственно с утратой двойственного числа связано формирование специфической сочетаемости современных числительных с существительными. Утрата значения конкретной множественности счетным словом ДЪВА приводит в формированию общего значения абстрактной множественности у числительных **2, 3, 4**.

Первоначально формы множественного числа существительного при слове ДЪВА / ДЪВЪ наблюдаются в косвенных п.ах. Однако закрепления такой сочетаемости в И.–В. п. (ДВА СТОЛЫ, как ТРИ / ЧЕТЫРЕ СТОЛЫ) не происходит. В мужском роде сохраняется исконная флексия двойственного числа -А, омонимичная форме Р. ед. ч. После утраты категории двойственности эта флексия естественно осмысливается как показатель формы Р. ед. ч. По аналогии и у существительных среднего и женского рода закрепляются флексии Р. ед. ч. (ДВА ОКНА, ДВЪ СТЕНЫ). Аналогией объясняется распространение этой флексии на сочетаемость существительных с числительными **три, четыре** (ТРИ СТОЛА, ОКНА, СТЕНЫ). Такая сочетаемость наблюдается не ранее XVI века.

Итак, в современном русском языке

- числительное *один* сохранило исходное согласование с существительным (*один стол, одно окно, одна стена*);
- числительные *два, три, четыре* в И.–В. управляют формой Р. ед. существительного, однако прилагательное в этих конструкциях может выступать в форме множественного числа, отражая осознаваемое значение множественности (*два, три, четыре деревянных стола, как пять деревянных столов*); в косвенных падежах числительные согласуются с существительными, обязательно имеющими форму множественного числа (Р. *двух, трех, четырех столов, окон, стен*; Д. *двум, трем, четверем столам, окнам, стенам*);
- числительные от *пяти* управляют формой Р. мн. ч. существительного.

ТЕМА 12 ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА

1. Категории и формы глагола в древнерусском языке.
2. Типы формообразующих глагольных основ (для самостоятельного изучения).
3. Временные формы древнерусского глагола и их эволюция:
 - а) формы настоящего времени;

б) формы будущего времени;

в) формы прошедшего времени.

4. Формы ирреальных (сослагательного и повелительного) наклонений и их история (для самостоятельного изучения).

5. Именные формы в древнерусской глагольной системе (инфинитив, супин).

6. Древнерусские причастные формы и их история.

Литература:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 251–305.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 278–357.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 313–362.

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. – М., 1982. – С. 190–198.

Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском – Казань, 2007. – С. 8–87.

I

Как самостоятельной части речи современному глаголу присущи категории вида, времени, наклонения, числа, лица и залога. Они присущи и исходной славянской глагольной системе, в том числе и древнерусской. Существенные различия древнерусской и современной систем наблюдаются в формах выражения этих категорий и их значимости.

До сих пор в науке не сформировано единой позиции о времени закрепления современной **категории вида** как парного противопоставления значения ограниченности~неограниченности пределом действия во времени.

Большинство ученых до 70-х годов XX века склонялись к мнению, впервые сформулированному Ю. С. Масловым: славянский глагольный вид возникает в поздний праславянский период, и, соответственно, в древнерусском языке начального периода противопоставления СВ~НСВ еще не было завершено, а лишь формировалось в рамках взаимодействия видо-временных отношений. Это противопоставление не совпадало с современным, поскольку было очень тесно связано с выражением способов глагольного действия, которые реализуют различные временные, количественно-временные и результативные модификации действия, выраженные с помощью словообразовательных формантов, например: начинательный *загряметь/гряметь*, однократный *толкнуть/толкать*, накопительный *настрелять/стрелять* и т.д.

Иной точки зрения придерживаются Г. А. Хабургаев и К. В. Горшкова: современное противопоставление СВ~НСВ сформировалось еще в конце праславянского периода, поэтому различия между древнерусской и современной видовыми системами касаются не меньшей или большей последовательностью в парном противопоставлении глаголов по виду, а в неодинаковой «ценности» вида в системе глагольных категорий: в современном русском языке видовое значение неотделимо от временного (глагол СВ *сделать* не имеет формы настоящего времени); в древнерусском языке вид и время функционируют самостоятельно и вид не влияет на образование глагольных форм (любая временная форма образуется и от глагола СВ, и от глагола НСВ).

Старейшим средством видообразования, по мнению большинства исследователей, является **префиксация**, и, как уже было сказано, образование вида последовательно

связывается с глагольным словообразованием, поскольку приставки чаще всего, кроме видового различия, приносят и различия лексические, характеризующие способ глагольного действия (ПИСАТИ – ДОПИСАТИ – ПОДЪПИСАТИ – ПРЪПИСАТИ). На ранних этапах развития глагольного вида существенную роль играло **корневое чередование гласных о//а, е//ё, ь//и, ъ//ы** (ПРИКОСНУТИ – ПРИКАСАТИ, ПОГРЕСТИ – ПОГРЪБАТИ, СЪЗЪДАТИ – СЪЗИДАТИ, НАСЪЛАТИ – НАСЫЛАТИ). Суффиксация как средство видообразования развивается в ходе отбора суффиксов имперфективации -j- /-ja- / -ва- / -ива- (образования НСВ ДАТИ-ДАЯТИ-ДАВАТИ-ДАВЫВАТИ) и перфективации -ну- (образования СВ ТОЛКАТИ-ТОЛКНУТИ).

Категория залога в древнерусском языке, как и в современном, проявляется в оппозиции действительного залога (представляет действие как исходящее от субъекта и реализуется в активных синтаксических конструкциях, где подлежащее – название действующего субъекта, а объект выражен формой В. п. типа *студенты сдают экзамены*) ~ страдательного залога (представляет действие как пассивный признак объекта и реализуется в пассивных конструкциях, где подлежащее – название объекта, на который направлено действие, а название действующего субъекта стоит в форме Т. п. типа *экзамены сдаются студентами*). Действительный залог характеризуется отсутствием показателя страдательности, то есть он оформлен негативно. Страдательный залог выражается 2 способами: 1) прибавлением к глагольной форме возвратной частицы СЯ, трансформировавшейся из формы В. п. возвратного местоимения СЕБЯ; 2) формой страдательного причастия.

Первый способ проявляется нерегулярно, так как залоговое значение страдательности у древнерусских возвратных глаголов проявляется, по подсчетам исследователей, лишь в 20 % от общей употребительности возвратных глаголов, то есть чаще всего эти глаголы используются не в контекстах страдательности. К тому же местоположение СЯ по отношению к глаголу вплоть до XVII века в книжно-литературной письменности свободно, что можно объяснить ориентацией на церковнославянскую традицию, например: БЪСИ БО КР^СТА **СА БОАЕТЬ** Г^СН^А · А ЧЛВКЪ ЗОЛЪ НИ КР^СТА **СА БОИТЬ** (Повесть временных лет, начало XII); ВСА ЗЕМЛ^А **ДА ПОКЛОНИТЬ** ТИ **СА** (Соч. Кирилла Туровского, вторая половина XII). В деловой письменности в страдательных конструкциях возвратные глаголы используются редко, поэтому большинство историков языка определяют категорию залога как слабо представленную в древнерусском языке.

Второй способ – формы страдательных причастий – регулярно выражает залоговые значения: ДА НИКТО ЖЕ ДЕРЗНЕТЬ РЕЩИ **АЕКО НЕНАВИДИМИ** Б^МЬ ЕСМЫ; **СЩ^ЕНА** БЫ^С ЦРКЫ СТЫ^АЕ БЦА · ЮЖЕ СОЗДА ВОЛОДИМЕРЪ **Г^ОЦЬ АЕРОСЛАВЛЬ** · МИТРОПОЛИТОМЪ **ОЕГ^ОПОМТОМЪ** (Повесть временных лет, начало XII). В этих пассивных конструкциях возможна замена причастия невозвратным глаголом: *митрополит освятил церковь; пусть никто не дерзнет сказать, что Бог ненавидит нас.*

Система временных форм древнерусского глагола, существенно отличаясь от современной, включала 1 парадигму форм настоящего / будущего простого времени; 4 парадигмы прошедшего времени (2 синтетических – аорист и имперфект, 2 аналитических – перфект и плюсквамперфект); 2 парадигмы форм будущего времени (преждебудущее БУДУ ПИСАЛЪ и будущее абсолютное БУДУ ПИСАТИ).

В отличие от современного русского языка:

– каждая из парадигм употреблялась строго закономерно для обозначения определенного отношения действия к моменту речи, грамматическая омонимия форм не наблюдалась (ср. в современном русском языке: *А он возьми да и скажи.* – императив в значении претерита; *Завтра иду в гости.* – настоящее время в значении будущего; *Я пошел домой, а вы оставайтесь.* – прошедшее время в значении будущего; *В 1858 Буслаев создает первую историческую грамматику русского языка.* – настоящее время в значении прошедшего);
– все временные формы выступали в 1, 2, 3-м лице ед., дв. и мн. ч., кроме того, перфект, плюсквамперфект и преждебудущее время различались по родам (ср. в современном русском языке *Я внимательно изучу* (др.р. БУДУ ИЗУЧИЛЪ, -А, -О) *и буду знать* (абсолютное буд.) *историю категории времени*).

II

Как и в современном русском языке, древнерусские временные формы образовывались от основ настоящего времени (формы спряжения в настоящем времени, причастия настоящего времени, повелительное наклонение) и от основ прошедшего времени (формы спряжения в прошедшем времени, причастия прошедшего времени, супин, инфинитив).

Выделяется пять типов **основ инфинитива (прошедшего времени)**.

I тип – основы оканчиваются твердым корневым согласным, который еще в праславянскую эпоху мог претерпеть фонетические изменения во взаимодействии с суффиксом, начинающимся с согласного, например: др.р. ВЕСТИ ← прасл. *ved-ti → прич. ВЕД-ЪШИ, ВЕД-Л-Ъ;
др.р. МОЧИ ← прасл. *mog-ti → МОГ-ЪШИ, МОГ-Л-Ъ.

II тип – основы оканчиваются корневым гласным, обычно дифтонгом по происхождению: БИ-ТИ, ДУ-ТИ, МЫ-ТИ, ПЪ-ТИ (прасл. *poi-ti).

III тип – основы с суффиксом -НУ- (ГАС-НУ-ТИ, УСЪ-НУ-ТИ, МИ-НУ-ТИ, ДУ-НУ-ТИ) делятся на два подтипа. В первом основы с суффиксом, присоединявшимся к корневой морфеме на согласный, первоначально образовывали формы без -НУ-: *sъp-nq-ti (Ср. различия корня в совр. *сп-ать, сон, ус-ну-вший - усоп-ший*), *vęd-nq-ti → совр. *вял / разг. вянул*, совр. *гас / разг. гаснул*. Второй подтип: во всех формах последовательно сохраняется суффикс -НУ-: ДУ-НУ-ЛЪ, ДУ-НУ-ВЪШИ.

IV тип – основы, оканчивающиеся суффиксальным гласным -ѣ-, который мог входить в состав более сложных суффиксов, типа ВИС-ѣ-ТИ, КРИЧ-А-ТИ, БЫ-ВА-ТИ.

V тип – основы, оканчивающиеся суффиксальным гласным -И- типа ПРОС-И-ТИ, ХОД-И-ТИ.

В зависимости от того, присоединяются ли флексии настоящего времени непосредственно к корню (без тематического гласного) или после тематического гласного, в древнерусском языке, как и в старославянском, различаются глаголы нетематического и тематического спряжения.

В нетематическое, или атематическое спряжение входят глаголы БЫТИ, ДАТИ, ИМѢТИ, ЪСТИ, ВѢДѢТИ 'знать', у которых при образовании форм настоящего времени флексии присоединялись непосредственно к корню.

Другой класс – все остальные глаголы, у которых к основе присоединяется тематический гласный -И- или -О-/-Е- (отражение праиндоевропейского качественного чередования), а затем – флексия. Эти гласные могли осложняться, в зависимости от типа

глагольной основы, предшествующими звуками *n или *j, например в форме 1-го л. ед. ч. прасл. *hval-i-om / *nes-o-om / *zna-jo-om / *sta-no-om.

Фонетические процессы праславянской эпохи привели к деэтимологизации исходных отношений темы и флексии, и в древнерусский период тема уже воспринимается как составная часть флексии: ст.сл. ХВАЛ'Ѣ, др.р. ХВАЛЮ, НЕСУ, ЗНАЮ, СТАНУ. Таким образом, понятие тема в древнерусской глагольной системе имеет характер традиции, не отражая реальных отношений в строении форм настоящего времени.

Основы настоящего времени также представлены пятью типами.

I тип – основы, у которых корневая морфема оканчивается твердым согласным, имеют тематический гласный -О/-Е-, например: НЕС-Е-МЪ, НЕС-У-ТЬ.

II тип – основы с суффиксом -н- имеют тематический гласный -О/-Е-, например: ГАС-Н-Е-МЪ, ГАС-Н-У-ТЬ.

III тип – основы с суффиксом -j- имеют тематический гласный -О/-Е-, например: ЗНА-[j-Е]-МЪ, ЗНА-[j-У]-ТЬ; ПИШ-Е-МЪ (*pis-j-), ПИШ-У-ТЬ.

IV тип – основы с темой -И-, например: ХВАЛ-И-МЪ, ХВАЛ-ЯТЬ (*chval-i-ntĭ).

V тип – нетематическое спряжение. Оно сохранило наиболее древний способ глагольного формообразования, поскольку непосредственное присоединение окончаний к корню, содержащему чередование гласных О/Е, являлось господствующим типом среди корневых образований. По мнению А. Мейе, «во всех языках, за исключением древних индоиранских языков, нетематические основы настоящего времени с самого начала исторического периода имеют тенденцию к исчезновению»: некоторые корни нетематического спряжения «вышли из употребления или не имеют уже настоящего времени», другие были замещены иными формами (например, исконно ГЪНАТИ имел форму нетематического спряжения ЖЕНЪ, но она вытесняется тематической основой с суффиксом -j-) [Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 164–165].

III

Формы настоящего времени

НЕТЕМАТИЧЕСКОЕ СПРЯЖЕНИЕ

число	лицо	БЫТИ	ДАТИ прасл.*dad-ti	ЃСТИ прасл.*jĕd-ti	ВЃДЃТИ	ИМЃТИ
ед.	1-е	е-с-мь	да-мь	ѣ-мь	вѣ-мь	има-мь
	2-е	е-с-и	да-си	ѣ-си	вѣ-си	има-ши
	3-е	е-с-ть	да-сть	ѣ-сть	вѣ-сть	има-ть
дв.	1-е	е-с-вѣ	да-вѣ	ѣ-вѣ	вѣ-вѣ	има-вѣ
	2–3-е	е-с-та	да-ста	ѣ-ста	вѣ-ста	има-ста
мн.	1-е	е-с-мъ	да-мъ	ѣ-мъ	вѣ-мъ	има-мъ
	2-е	е-с-те	да-сте	ѣ-сте	вѣ-сте	има-те
	3-е	с-уть	дад-ять	ѣд-ять	вѣд-ять	им-уть

Комментарий к парадигме

Ранние процессы.

– В древнерусских памятниках письменности последовательно нетематическое спряжение отражали глаголы БЫТИ, ДАТИ, ЪСТИ; у глаголов ВЪДЪТИ, ИМЪТИ обнаруживаются лишь отдельные нетематические формы: ВЪДЪТИ был заменен однокоренным глаголом 3-го типа ВЪДАТИ; к этому же типу уже с XI века тяготеет глагол ИМЪТИ, что отражается, например, в Изборнике Святослава 1073 года – ИМЪЮ.

– Презенсные формы глагола БЫТИ образовывались от супплетивной основы *jes-*, что восходит к праиндоевропейской эпохе (скр. *asmi*, гр. *εἶμι*, гот. *im*). Конечный согласный корня еще в дописьменную эпоху отошел к флексии. Уже в праиндоевропейскую эпоху форма 3-го л. мн. ч. СУТЬ имеет нулевой вокализм корня (скр. *santi*, гот. *sind*, лат. *sunt*).

– В формах 1–2-го л. ед. ч., 1-го л. дв. ч., 1-го л. мн. ч. ДАТИ, ЪСТИ, ВЪДЪТИ в праславянскую эпоху происходит упрощение групп согласных (например, прасл. **dadmъ* → **damъ*), в формах 3-го л. ед. ч., 2-го л. дв.–мн. ч. – диссимиляция (например, прасл. **dadъ* → **dastъ*, прасл. **vĕd-vĕ* → **vĕ-vĕ*).

– Флексия 2-го л. ед. ч. глагола ИМА-ШИ совпадала с тематическим спряжением. Происхождение согласного **š'* связано с глаголами 4 типа с темой -И-, в которых исконный **s* после **i* перешел в **ch*, давший вследствие первой палатализации **š'*. По аналогии с глаголами этого класса в тематическом спряжении распространилось это окончание. Сам глагол во всех формах, кроме 1-го л. ед. ч., отражает тематическое спряжение.

Отличия от старославянской парадигмы:

– В формах 3-го л. ед.–мн. ч. др.р. ЮСТЬ, СЖТЬ вместо ст.сл. ЮСТЬ, СЖТЬ.

– В древнерусском языке флексии 2–3-м л. дв. ч. всех глаголов совпадают, а в сарославянском дифференцируются, например, БЫТИ во 2-м л. ЮСТА, в 3-м л. ЮСТЕ.

– Начало восточнославянского глагола ЪСТИ и всех его форм в старославянском языке изменяется в [ja] АЕСТИ, АЕМЬ и т.д. как результат изменения прасл. **ĕ* в позиции после протетического **j* в **а*, как и после других мягких согласных, например, прасл. **krikĕti* → **krič'ati*. Ср. начало слов *еда* и *яства*.

Реликты в современном русском языке.

– Из исходных парадигм нетематического спряжения ЪСТИ, ДАТИ в современном русском языке закрепились формы 1-го л. ед. ч. **ем, дам** (только будущее время) / 3-го л. ед. ч. **ест, даст** / 3-го л. мн. ч. **едят**. Формы 2-го л. ед.–мн. ч. **ешь, дашь, едите, датите** возникли под влиянием форм повелительного наклонения (др.р. ЕЖЬ, ДАЖЬ, ЕДИТЕ, ДАДИТЕ). Формы 1-го л. ед.–мн. ч. Ъ-МЬ, Ъ-МЪ совпали после падения редуцированных; их дифференциация происходит под влиянием формы 1-го л. мн. ч. императива ЪДИМЪ.

– Из парадигмы глагола БЫТИ форма 3-го л. ед. ч. **есть** реализуется как однозначный глагол в конструкциях типа *В библиотеке есть эти книги*. Формы 3-го л. ед.–мн. ч. **есть, суть** в контекстах научного стиля выступают в функции глагола-связки настоящего времени: *Глагол есть часть речи. Время и пространство суть грамматические категории. Не суть важно* (без дифференциации категории числа). Но чаще **суть** выступает как существительное в конструкциях типа *суть высказывания, суть вопроса*.

В языке фольклора, а также как средство стилизации отражается форма 2-го л. ед. ч. в конструкции *Ой, ты гой еси, добрый молодец* (ГОИТИ 'жить в мире, умиротвориться').

– Формы глаголов ВѢДѢТИ, ИМѢТИ в устойчивых сочетаниях и пословицах: *бог весть; и глух и нем – греха не вем; ем, а дела не вем; мертвые сраму не имут; невесть ‘неизвестно’* в сочетании с относительными сестоимениями и наречиями *кто, что, какой, чей, как, куда, откуда* и т.п.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СПРЯЖЕНИЕ

число	лицо	I тип НЕС-ТИ	II тип СТА-ТИ	III тип ЗНА-ТИ	IV тип ХОД-И-ТИ
ед.	1-е	нес-у	ста-н-у	зна[j]-у	хож-ю
	2-е	нес-еши/ь	ста-н-еши/ь	зна[j]-еши/ь	Ход-иши/ь
	3-е	нес-еть	ста-н-еть	зна[j]-еть	ход-ить
дв.	1-е	нес-евѣ	ста-н-евѣ	зна[j]-евѣ	ход-ивѣ
	2–3-е	нес-ета	ста-н-ета	зна[j]-ета	ход-ита
мн.	1-е	нес-емъ	ста-н-емъ	зна[j]-емъ	ход-имъ
	2-е	нес-ете	ста-н-ете	зна[j]-ете	ход-ите
	3-е	нес-уть	ста-н-уть	зна[j]-уть	ход-ять

Комментарий к парадигме

– По-разному реконструируется учеными первоначальное качество древнерусской флексии **2-го л. ед. ч.** По мнению авторов академической «Исторической грамматики русского языка», исконной в тематическом спряжении является -ШИ, последующее сокращение которой в -ШЬ наблюдается в памятниках письменности с XII века [Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. С. 56–57]. В соответствии с иным мнением (например, П. Я. Черных, К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев), -ШИ вряд ли свойственно живой речи, скорее всего это церковнославянизм, широко распространенный в книжно-славянской письменности.

– Неоднозначна трактовка истории флексии **3-го л. ед.–мн. ч.** (др.р. -ТЬ / ст.сл. -ТЬ). По фонетической гипотезе А. А. Шахматова, отвердение происходит после падения редуцированных. Морфологической гипотезы придерживаются Ф. Ф. Фортунатов, С. П. Обнорский, П. С. Кузнецов: опираясь на отсутствие во многих русских диалектах в этих формах конечного [т], они предполагают его утрату еще в праславянский период; позднее к формам присоединяется древнее указательное местоимение *тъ.

Как уточняют К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев, возможно, без *тъ форма выражала значение неопределенности, например в Приписке к Остромирову Евангелию **ДА ИЖЕ ГОРАЗНѢ СЕГО НАПИШЕ ‘кто-то напишет’.** Поскольку категория определенности~неопределенности не закрепилась в языке, -ТЬ стал показателем 3-го лица.

П. Я. Черных видит причину отвердения конечного звука омонимией с формой инфинитива (ГОВОРИТЬ), однако необходимо указать, что в период существования флексии 3-го л. ед. ч. -ТЬ инфинитив имел суффикс -ТИ.

Совершенно другую позицию занимает Н. Д. Русинов, определяющий экстралингвистические причины отвердения флексии. Это отвердение происходит в северновеликорусском наречии, территория локализации которого граничит с финно-угорскими языками мери, муромы, мари, где глаголы 3-го л. оканчиваются твердым [т]. Южновеликорусские наречия, под влиянием пограничных с ними мордовских языков, где в

этих формах мягкий [т'], получают этот вариант. Таким образом, по Н. Д. Русинову, причиной процесса становится влияние финно-угорского субстрата.

– В 1-м л. мн. ч. наиболее частотен вариант флексии -МЪ, однако в памятниках письменности отмечаются, хотя и немногочисленные, варианты -МО/-МЫ/-МЕ. Не допуская возможность превращения Ъ в слабой позиции в гласные полного образования и учитывая функционирование в других славянских языках как нормативных вариантов сербск. -мо, чешск. -ме, польск. -мы, историки языка считают вероятным существование в праславянском языке всех этих вариантов. Позднее они дифференцировались по диалектам, легшим в основу южнославянских, западнославянских и восточнославянских языков.

– Эволюция флексий 3-го ед. и 1-го мн. ч. – результат третьей лабиализации: в форме 2-го л. ед. ч. после отвердения [ш], в форме 2-го л. мн. ч. – по аналогии.

Формы будущего времени

Для выражения значения действия, которое произойдет в будущем, использовались:

1) синтетические конструкции, совпадающие с формами настоящего времени, например: ИДИТЕ СЪ ДАНЬЮ ДОМОВИ, А Я **ВОЗЪВРАЩЮСЯ ПОХОЖЮ** И ЕЩЕ (Повесть временных лет, начало XII);

2) аналитические конструкции со вспомогательными глаголами, определяемые как сложное будущее абсолютное и сложное будущее относительное.

Сложное будущее абсолютное (по терминологии традиционных европейских грамматик, **будущее I**) представляло собой сочетание инфинитив и вспомогательного глагола в форме настоящего / будущего простого ХОЧЮ, НАЧЬНУ/ПОЧЬНУ, ИМАМЬ, БУДУ, причем форма с БУДУ в древнерусских текстах наименее употребительна.

По семантике форма сложного будущего абсолютного отличается от простого будущего менее тесной связью с моментом речи и наличием модальных оттенков, передаваемых вспомогательным глаголом: ХОЧУ – оттенок желательности, ИМАМЬ – обладания, НАЧЬНУ – начинательности, например: АЗЪ ЧАДЪ РЕКОУ ВАМА ЧЛОВЪЧА ЖИТИЯ **ОТИТИ ХОШТЮ** (Изборник Святослава, 1076); КАКО АЗЪ (князь Святославъ Игоревичь. – В. К.) **ХОЧЮ** ИНЪ ЗАКОНЪ ПРИЯТИ ЕДИНЪ, А ДРУЖИНА СЕМУ **СМЪЯТИСЯ НАЧНУТЬ**; АЩЕ КТО НЕ ПРИСТУПИТЬ, С УТРА **ПРЕДАТИСЯ ИМАМЬ** (оттенок 'неизбежно произойдет') ПЕЧЪНЕГОМЪ (Повесть временных лет, начало XII); АДЕ **БУДЕТЬ** РУСИНУ ТОВАРЪ **ИМАТИ** (оттенок 'случится, придется') НА НЕМЧИНИ ... А РУБЕЖА НЕ ДЪЯТИ (Смоленская грамота, 1229).

Формы **относительного будущего времени (будущее сложное II)** имеют значение предшествования будущему, поэтому для его обозначения используются термины «предбудущее» / «преждебудущее» время. Это значение проявляется и в формообразовании: к действительному причастию прошедшего времени на -л- основного глагола, которое изменяется по родам и числам, присоединяется форма настоящего времени глагола БЫТИ.

лицо	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1-е	буду (на)писаль,-а,- о	будевъ (на)писала,-ѣ,- ѣ	будемъ (на)писали,-ы,- а
2-е	будеши (на)писаль,- а,-о	будета (на)писала,-ѣ,- ѣ	будете (на)писали,-ы,- а
3-е	будеть (на)писаль,- а,-о		будуть (на)писали,-ы,-а

Историки языка отмечают в семантике форм преждебудущего времени модальный оттенок 'случится, обнаружится в будущем', например в Приписке монаха Лаврентия к летописи 1337 года ОЖЕ СЯ ГДѢ БУДУ ОПИСАЛЪ ИЛИ ПЕРЕПИСАЛЪ ИЛИ ДОПИСАЛЪ, ЧТИТЕ ИСПРАВЛИВАЯ говорится о возможности обнаружения в будущем того, что уже сделано им, то есть 'если в будущем читатель обнаружит, что я допустил ошибку...'

Эти формы редки в повествовательных древнерусских текстах, поскольку для них нехарактерно преждебудущее значение; они характерны для формулировок правовых норм, то есть для деловых текстов.

Эволюция форм будущего времени

В истории языка происходит временная дифференциация форм, образованных от основ разного вида: древнерусские формы ПИШУ, НАПИШУ были противопоставлены по виду, но обе они по категории времени и форма настоящего, и форма будущего простого. В ходе языкового развития они начинают противопоставляться и как временные, и как видовые, и уже в Грамматике Лаврентия Зизания (1596) формы **спасаю, являю** даются как формы настоящего времени, **спасу, явлю** – как формы будущего.

Таким образом, за формами несовершенного вида закрепляется значение настоящего времени, за формами совершенного – будущего. В результате дифференциации возникает потребность в образовании форм будущего времени от глаголов несовершенного вида, то есть потребность в аналитической конструкции, которая не будет иметь модальных оттенков. В течение XV–XVII веков в этой функции закрепляется конструкция БУДУ + инфинитив, чему способствовали синтаксические функции глагола БУДУ: 1) форма БУДУ могла выступать в качестве простого глагольного сказуемого в конструкциях типа КТО БЫЛЪ ТУ, ТО **БУДЕТЕ ПОСЛУХЪ** (Смоленская грамота, 1229);

2) форма БУДУ могла выступать в качестве глагола-связки в составном именном сказуемом со значением абсолютного будущего времени без модальных оттенков в конструкциях типа ПО БОЗѢ ТЫ ИМѢ **БУДЕШЬ ПЕЧАЛНИКЪ** (Московская грамота, 1328).

Формы прошедшего времени

Для выражения значения действия, которое произошло в прошлом, использовались четыре формы претерита (лат. praeteritum 'прошедшее время'): 2 синтетические – аорист, имперфект; 2 аналитические – перфект, плюсквамперфект. Таким образом, претеритальная система в целом совпадает со старославянской, что, однако, характерно только для текстов книжно-славянской письменности; тексты делового и бытового характера практически не содержат форм имперфекта, редко используют аорист.

Аорист (гр. ἀόριστος 'неопределенный, неограниченный') – наиболее употребительная форма книжно-славянских повествовательных текстов, которая

обозначает действие, целиком отнесенное в прошлое и представленное как единый, нерасчлененный акт. В соответствии со значением реализуется при описании событий, последовательно сменяющих друг друга в прошлом, именно поэтому очень частотен в летописях.

	НЕС-ТИ	КУПИ-ТИ	РЕЧИ		БЫТИ	
			тематич.	нетематич.	БЫ-	БЪ-
ед. ч. 1-е л.	нес-о-хъ	купи-хъ	рек-о-хъ	рѣ-хъ	бы-хъ	бѣ-хъ
2–3-е л.	нес-е	купи	реч-е	реч-е	бы(сть)	бѣ
дв.ч. 1-е л.	нес-о-ховѣ	купиховѣ	рекоховѣ	рѣховѣ	быховѣ	бѣховѣ
2–3-е л.	нес-о-ста	куписта	рекоста	рѣста	быста	бѣста
мн.ч. 1-е л.	нес-о-хомѣ	купихомѣ	рекохомѣ	рѣхомѣ	быхомѣ	бѣхомѣ
2-е л.	нес-о-сте	куписте	рекосте	рѣсте	бысте	бѣсте
3-е л.	нес-о-ша	купиша	рекоша	рѣша	быша	бѣша

Комментарий к парадигме

– Если в старославянских текстах фиксируются формы простого (асигматического), древнего (нетематического) сигматического и нового (тематического) сигматического аориста, то для древнерусского языка характерны формы сигматического аориста.

Простой аорист образовывался от основ на согласный НЕС- (НЕСТИ), ВЕД- (ВЕСТИ ← *ved-ti), ПАД- (ПАСТИ ← *pad-ti), МОГ- (МОШТИ ← *mog-ti), РЕК- (РЕШТИ ← *rek-ti), ДВИГ- (ДВИГНЪТИ) и т. п. присоединением к ним тематических гласных *o* (1-е л. всех чисел и 3-е л. мн. ч.) и *e* (в остальных формах) и соответствующих окончаний, например: ед. ч. 1-е л. МОГЪ, 2–3-е л. МОЖЕ; дв. ч. 1-е л. МОГОВѢ, 2-е л. МОЖЕТА, 3-е л. МОЖЕТЕ; мн. ч. 1-е л. МОГОМЪ, 2-е л. МОЖЕТЕ, 3-е л. МОГЪ. Он архаичен уже для старославянских памятников, где фиксируются лишь формы 2–3-е л. ед. ч.

В образовании сигматического аориста участвует исконный суффикс аориста *s (греч. Σ ‘сигма’), который на славянской почве после индоевропейских *i, *u, *r, *k мог переходить в *ch, в результате палатализации дающего *š; еще в праславянский период суффикс сливается с флексией.

Архаично образование нетематического сигматического аориста от основ на согласный, например: 1-е л. ед. ч. РѢХЪ (РЕШТИ), ВѢСЪ (ВЕСТИ). В отличие от него тематический сигматический аорист образуется путем присоединения суффикса *s непосредственно к основе инфинитива на согласный, а после тематического гласного *o/e*. При образовании аориста от основ инфинитива на гласный (II–V типы) суффикс *s присоединяется непосредственно к основе без тематического гласного. Отметим, во 2–3-м л. ед. ч. в древнерусской парадигме, как и в старославянской, закрепляется форма простого (асигматического) аориста.

Исключением является глагол РЕЧИ, который используется в древнерусской письменности и в форме тематического, и в форме нетематического сигматического аориста. Глагол БЫТИ образует формы аориста от основы инфинитива БЫ- и от основы БЪ- (предполагается, что изначально она имела значение имперфекта).

– Как и в старославянском языке, древнерусские формы аориста от основ II типа могут сопровождаться в 3-м л. ед. ч. вторичным окончанием -ТЬ: БИТЬ (вм. БИ), ПИТЬ (вм. ПИ), НАЧАТЬ (вм. НАЧА); в нетематических глаголах -СТЬ (БЫСТЬ, ДАСТЬ).

– Аорист утрачивается в живой древнерусской речи в XIII–XIV веках, что отражается в ошибках книжников типа И НЕ ПОКОРИШАСЯ ВАСИЛКО (3-е л. мн. ч. вместо требуемого подлежащим ед. ч. ПОКОРИСЯ).

Реликтами его форм в современном русском языке являются

- связка сослагательного наклонения *бы* (исторически 2–3-е л. ед. ч. БЫТИ);
- междометие *чу!* ‘требование тишины, чтобы что-то услышать’ (исторически 2-е л. ед. ч. ЧУТИ ‘слышать’; ср. совр. *чуешь* ‘слышишь’);
- по А. А. Шахматову, употребление единственного числа повелительного наклонения (чаще всего в сочетании с императивом *возьми*) для выражения внезапного, неожиданного действия в конструкциях типа *Ему бы промолчать, а он возьми и скажи*;
- по А. А. Шахматову, к простому аористу восходят формы глагольных междометий *бряк, звяк, глядь, топ, хватъ* и т. п. в контекстах типа *Тихохонько Медведя толк ногой* (И. А. Крылов);
- глагольные формы во фразеологизмах *погибоша аки обры, одним махом семерых убивахом*.

Имперфект (лат. *imperfectum* ‘несовершенное’) передает значение действия, совершенного в прошлом как процесс, поэтому главное отличие в его использовании от аориста таково: аорист используется, когда надо сообщить, что действие/событие произошло; имперфект – когда надо сообщить, что оно произошло именно так.

	I тип основ НЕСТИ	II-IV типы основ ПИСАТИ, ВИДѢТИ		V тип основ ХОДИТИ	БЫТИ
ед. ч. 1-е л.	несяхъ	писахъ	видяхъ	хожахъ	бяхъ
2–3-е л.	несяше(ть)	писаше(ть)	видяше(ть)	хожаше(ть)	бяше(ть)
дв. ч. 1-е л.	несяховѣ	писаховѣ	видяховѣ	хожаховѣ	бяховѣ
2–3-е л.	несяста	писаста	видяста	хожаста	бяста
мн. ч. 1-е л.	несяхомъ	писахомъ	видяхомъ	хожахомъ	бяхомъ
2-е л.	несясте	писасте	видясте	хожасте	бясте
3-е л.	несяху(ть)	писаху(ть)	видяху(ть)	хожаху(ть)	бяху(ть)

Комментарий к парадигме

– В соответствии с претеритальной семантикой имперфект чаще образуется от основ несовершенного вида. Возможны, но редки формы от основ совершенного вида, например в Новгородской летописи XIII-XIV веков КАДЬ РЖИ КОУПЛАХОУТЬ ПО ·І· ГРВНЪ. Специфика семантики таких форм – в сохранении основного значения имперфект, указания на длительное состояние в прошлом, но в сочетании с видовым значением приобретает специфическое значение прошлого состояния как серии повторявшихся действий, каждое из которых ограничено во времени и доведено до конца (от основ совершенного вида): в приведенном контексте ‘неоднократно в течение описываемого времени’.

– В старославянском языке имперфект образовывался от основ инфинитива на согласный с помощью суффикса *ēach, на *i – с помощью суффикса *aach, на *ě и *a – с помощью суффикса *ach, к которым присоединялись тематические гласные *o* (1-е л. всех

чисел и 3-е л. мн. ч.) и *e* (в остальных формах) и личные окончания, например, от основы НЕС-ТИ 1-е л. ед. ч. *nes - ěach - o - m → *nes - ěach - om → *nes - ěach - ъ → ст.сл. НЕСЪАХЪ. Соответственно от других типов основ – ПИСААХЪ, ВИДЪАХЪ, ХОЖДААХЪ. Нестяженные формы характерны для всей парадигмы старославянского имперфекта. В древнерусском языке используются стяженные формы: -ѡхъ / -аахъ → -'ахъ (НЕСЪАХЪ → НЕСАХЪ → НЕСЯХЪ, ПИСААХЪ → ПИСАХЪ).

В древнерусском языке во 2-м л. мн. ч. и 2–3-м л. дв. ч. ст.сл. -ШЕТЕ (НЕСЪАШЕТЕ) заменялся на -СТЕ (НЕСЯСТЕ); к форме 3-го л. ед. и мн. ч. присоединялась вторичная флексия -ТЬ.

– Глаголы с основой инфинитива II и III типов, как и в старославянском, образуют формы имперфекта от основ настоящего времени: ПОЯХЪ ← ПО[j-у]-ТЬ (не от ПЪ-ТИ), МЪРЯХЪ ← МЪР-ОуТЬ (не от МРЪ-ТИ), ЖЪНЯХЪ ← ЖЪН-ОуТЬ (не от ЖЯ-ТИ), ДВИГНЯХЪ ← ДВИГН-ОуТЬ (не от ДВИГНОу-ТИ).

– Имперфект утрачивается в живой восточнославянской речи ранее других исходных претеритальных форм, что отражается в ошибках книжников типа ВОЛОДИМЕРЦИ НЕ ХОТЯШЕ (3-е л. ед. ч. вместо требуемого подлежащим мн. ч. НЕ ХОТЯХУ); ТУ ГРАМОТУ ПОСАДНИКЪ ПОДРАШЕ (использование формы имперфекта вместо аориста ПОДРА для передачи однократного действия). П. С. Кузнецов и В. И. Борковский указывают, что его форм нет даже в самых ранних грамотах. В современном русском языке не сохранилось реликтов имперфекта.

Плюсквамперфект (лат. plusquamperfectum ‘более, чем совершенный’) указывает на прошедшее действие, предшествовавшее другому прошедшему, чаще всего выраженному аористом, то есть предпрошедшее, или преждепрошедшее. Это значение выразится и в его формообразовании прибавлением к основному глаголу в форме действительного причастия прошедшего времени на -Л- глагола-связки БЫТИ в форме имперфекта или имперфективного аориста.

ед. ч.	1-е л.	бяхъ / бѣхъ	неслъ, -а, -о
	2-е л.	баше / бѣ	– «–
	3-е л.	баше(ть) / бѣ	– «–
дв. ч.	1-е л.	бяховѣ / бѣховѣ	несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	башта / бѣшта	– «–
мн. ч.	1-е л.	бяхомѣ / бѣхомѣ	несли, -ы, -а
	2-е л.	баште / бѣште	– «–
	3-е л.	бяху(ть)	– «–

Формы предпрошедшего времени используются достаточно редко, когда в контексте требуется специальное выделение предшествования одного прошедшего действия другому. Так, в летописном рассказе о князе Ярославe И ПОЛОЖЕНЪ БЫСТЬ В СТѢИ СОФЬИ · ЮЖЕ **БѢ САМЪ СОЗДАЛЪ** (Повесть временных лет, начало XII) используется такая форма, ибо в противном случае последовательность действий теряет смысл – умер, а потом создал храм. Этот претерит отмечается в повествовательных текстах, где он обычен в придаточных конструкциях и соотесен с формами аориста.

В текстах деловой письменности такие формы плюсквамперфекта единичны, поскольку в живой восточнославянской речи рано утрачены формы имперфекта. С XIII века

исследователи отмечают формы другого образования, так называемый русский плюсквамперфект, который образовывался прибавлением к основному глаголу в форме действительного причастия прошедшего времени на -Л- глагола-связки БЫТИ в форме перфекта. Эта форма употреблялась вплоть до XVII века, чаще без вспомогательного глагола перфекта *есмь*: А КОТОРЫѢ ДЕРЕВНИ **ОТОИМАЛЪ БЫЛЪ** КНЯЗЬ ВОЛОДИМЕРЪ ... А ТѢ ДЕРЕВНИ ПОТЯНУТЬ (Духовная грамота князя Димитрия Донского, 1389), КАЗАКИ **БЫЛИ** НА СЛУЖБУ **ПОШЛИ**, А НЫНЕ ВОРОТИЛИСЯ (Московские разрядные книги, 1615).

ед. ч.	1-е л.	есмь былъ, -а, -о неслъ, -а, -о
	2-е л.	еси – «–
	3-е л.	есть – «–
дв. ч.	1-е л.	есвѣ была, -ѣ, -ѣ несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	еста – «–
мн. ч.	1-е л.	есмъ были, -ы, -а несли, -ы, -а
	2-е л.	есте – «–
	3-е л.	суть – «–

В современном русском языке сохранились реликты русского плюсквамперфекта. К ним относятся:

– конструкция типа *пошел было, но вернулся* со значением прошедшего прерванного действия, а частица *было* представляет результат трансформации исконного глагола-связки 3-го л. ед. ч. ЕСТЬ БЫЛЪ;

– сочетания *жил-был, жили-были*, отмечаемые в начале сказок и рассказов и указывающие на события, имевшие место в далеком прошлом. По П. С. Кузнецову, данный реликт указывает на возможность использования форм древнерусского давнопрошедшего в независимом предложении.

Перфект (лат. perfectum ‘совершенное’) обозначал состояние, наблюдающееся в момент речи и являющееся результатом совершенного в прошлом действия. Значение проявляется и в формообразовании: к основному глаголу в форме действительного причастия прошедшего времени на -Л- прибавляется глагол-связки БЫТИ в форме настоящего времени.

ед. ч.	1-е л.	есмь неслъ, -а, -о
	2-е л.	еси – «–
	3-е л.	есть – «–
дв. ч.	1-е л.	есвѣ несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	еста – «–
мн.ч.	1 л.	есмъ несли, -ы, -а
	2-е л.	есте – «–
	3-е л.	суть – «–

Образование идет как от основ совершенного вида, так и от основ несовершенного вида, сохраняя при этом семантику результативности. Ср.: ВЕЛЪЛЪ ЮСМЪ БИТИ ВЪ НЮ НА ѠБЪДѢ (Мстиславова грамота, 1130); ОТРОЦИ СВѢНЬЛЪЖИ ИЗОДѢЛИ СЯ СУТЬ ОРУЖЬЕМЪ И ПОРТЫ, А МЫ НАЗИ (Повесть временных лет, начало XII).

В старейших текстах книжно-литературного характера перфект чаще всего встречается в прямой речи, что обусловлено его грамматическим значением: указание на современное для момента речи состояние характерно для диалога, а не для повествования. То, что это наиболее частотная форма в деловой и бытовой письменности, соответствует его древнему значению, поскольку документ или частное письмо – это своего рода диалог автора и адресата, ориентированный на момент речи, то есть на время составления, написания документа, письма, например в Мстиславовой грамоте СЕ АЗЪ МЪСТИСЛАВЪ ... ПОВЪЛЕЛЪ ЮСМЪ СНОУ СВОЕМОУ ВСЕВОЛОДОУ ГѢТДАТИ БУИЦЪ СТОМОУ ГЕГѢРГИЕВИ фиксируется в настоящем (момент речи) факт передачи села монастырю, который осуществлен в прошлом по повелению князя Мстислава и сохраняет свою силу.

Очень часто в деловой и бытовой письменности связка, особенно в 3-м л., опускается, поскольку грамматическая информация о категориях лица и числа, которую несет связка, при выраженном подлежащем становится избыточной: ГЛѢБЪ КНЯЗЬ МЪРИЛЬ МОРЕ ПО ЛЕДОУ (Тьмутороканская надпись, 1068) вм. МЪРИЛЬ ЕСТЬ. В деловых текстах регулярно отсутствие связки при выраженном подлежащем и в формах 1–2-го л., например: А АЕЗЪ ДАЛЬ РОУКОЮ СВОЮЮ · И ОСЕНЬНЮЮ ПОЛЮДИЮ (Мстиславова грамота). Как следствие, бессвязочная форма перфекта не содержит информации о связи прошедшего действия с настоящим, то есть, утрачивает специфику грамматической семантики и становится универсальным средством выражения прошедшего действия.

Необходимо учитывать, что функционирование системы прошедшего времени в древнерусском языке различно по типам письменности. В книжно-славянской письменности это четырехчленная система со строго дифференцированными по семантике формами. В деловой письменности, что отражает и живую восточнославянскую речь, перфект приобретает функцию универсальной формы прошедшего времени.

IV

Ирреальные наклонения в древнерусском языке, как и в современном, были представлены повелительным и сослагательным наклонениями.

Повелительное наклонение имеет значение побуждения к действию (принятию состояния), поэтому модально связано с планом будущего. По происхождению оно является праславянским и восходит к формам праиндоевропейского желательного наклонения.

Повелительное наклонение и тематических, и нетематических глаголов было представлено формами 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. дв. и мн. ч., образуемыми от основ настоящего времени.

	НЕС- (НЕСТИ)	МОГ- (МОЧИ)	ПИШ- (ПИСАТИ)	БЫТИ от осн.буд.вр.	ДАД- (ДАТИ)
ед. ч. 2–3-е л.	нес-и	моз-и	пиш-и	буд-и	дажь
дв. ч. 1-е л.	нес-ѣ-вѣ	моз-ѣ-вѣ	пиш-и-вѣ	буд-ѣ-вѣ	дад-и-вѣ
2-е л.	нес-ѣ-та	моз-ѣ-та	пиш-и-та	буд-ѣ-та	дад-и-та
мн. ч. 1-е л.	нес-ѣ-мъ	моз-ѣ-мъ	пиш-и-мъ	буд-ѣ-мъ	дад-и-мъ
2-е л.	нес-ѣ-те	моз-ѣ-те	пиш-и-те	буд-ѣ-те	дад-и-те

Комментарий к парадигме

– От основ I–II типов образование шло посредством суффикса -ѣ-, от основ III–V типов – -И-. 1-е л. ед. ч. имело общую для всех типов форму на -И дифтонгического происхождения (как следствие, результаты второй палатализации задненебных типа МОЗИ, ТЬЦИ, БЕРЕЗИ). Связь с планом будущего проявляется в образовании повелительного наклонения глагола БЫТИ от основы будущего времени. Нетематические глаголы с основой на *d и ВИДѢТИ в ед. ч. имели специфическую форму (*d + *j) ДАЖЬ, ЪЖЬ, ВИЖЬ. В текстах, ориентированных на церковнославянскую норму, аналогично образование ВѢЖДЬ от ВѢДѢТИ, в нецерковнославянских – (ПО)ВѢДАИ.

– Традиционно считается, что в единственном числе функционируют формы 2-го и 3-го л. По мнению Г. А. Хабургаева, форма 3-го л. передает только «побуждение» к действию Божественной силы в контекстах типа БГЪ БОУДИ ЗА ТѢМЪ (Мстиславова грамота, 1130), ДАИ ЕМОУ ГДЪ БГЪ БЛНІЕ СТЫХЪ ЕВАНГЛИСТЪ (Приписка к Остромирову Евангелию, 1056–1057), где формы БГЪ и ГДЪ БГЪ – подлежащее, а не обращение (3. п. ГОСПОДИ БОЖЕ). Реальное побуждение к действию третьего лица в книжно-славянских памятниках передается старославянской по происхождению ДА-конструкцией типа ДАЖЕ КТО ЗАПЪРТІТЬ ИЛИ ТОУ ДАНЬ И СЕ БЛЮДО · ДА СОУДИТЬ ЮМОУ БЪ ВЪ ДНЬ ПРИШЬСТВИЕ СВОЮГО (Мстиславова грамота, 1130). В деловых текстах XI–XIII веков в такой функции отмечаются инфинитивные конструкции типа АЖЕ КТО ОУБИЕШЬ КНАЖА МОУЖА ... ТО ВИРЬВНОУЮ ПЛАТИТИ · ВЪ ЧЬЮИ ВЪРВИ ГОЛОВА ЛЕЖИТЬ (Русская Правда, 1282), а также личные предложения с формой 3-го л. настоящего / будущего времени без частицы ДА (распространено в договорных и духовных грамот, где имеет характер предбуждения) и или с ее вариантом ПУСТЬ типа И ѠНЪ ПУСТЬ ЕДЕТЬ КО ПСКОВУ МЫ ЕМУ СУДЪ ДАДИМЪ (Псковская грамота, 1463–1465).

– **Исторические изменения** в форме единственного числа связаны с редукцией -и в безударном положении *знай, дай, режь, встань*. Исключение представляют формы со скоплением согласных в конце основы типа *исполни, крикни* и образования с приставкой *вы-* типа *вынеси, вылови*.

Во 2-м л. мн. ч. в качестве показателя множественности используется флексия -те, которая присоединяется к форме ед. ч. *неси-те, знай-те, режь-те*.

Во 2-м л. ед. и 1-м и 2-м л. мн. ч. нетематического спряжения формы ЪЖЬ, ДАЖЬ, ЪДИМЪ, ДАДИМЪ, ЪДИТЕ, ДАДИТЕ получают новое грамматическое значение настоящего / будущего времени. Современная форма *ешь*, используемая в функции побуждения, восходит к др.р. ЪЖЬ. Под ее влиянием возникла новая форма 2-го л. мн. ч. *ешьте*.

Реликтами формы ВИЖЬ являются просторечныи *вишь* и *ишь*, употребляемые как водные слова и в сочетаниях *вишь/ишь ты, вишь/ишь как, вишь/ишь сколько* и т.п.

Сослагательное наклонение в древнерусском языке образовывалось прибавлением к основному глаголу в форме действительного причастия прошедшего времени на -Л- глагола-связки БЫТИ в форме аориста.

ед. ч.	1-е л.	быхъ неслъ, -а, -о
	2-е л.	бы – «–
	3-е л.	бы – «–
дв. ч.	1-е л.	быховъ несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	быста – «–
мн. ч.	1-е л.	быхомъ несли, -ы, -а
	2-е л.	бысте – «–
	3-е л.	быша – «–

Утрата форм аориста в живой восточнославянской речи и колебания в согласовании форм аориста в лице и числе с именем-подлежащим привели к закреплению формы 2–3-е л. ед. ч. *бы* в качестве неизменяемой формообразующей частицы сослагательного наклонения.

V

По происхождению именными формами глагола в древнерусском языке являются инфинитив и сурин, а также причастие.

С точки зрения формообразования, в древнерусском **инфинитиве** выделяется инфинитивная основа и суффикс -ТИ: НЕС-ТИ, ПѢ-ТИ, ПИ-ТИ, ДВИГНОУ-ТИ, ДА-ТИ. Если основа инфинитива оканчивалась на согласные *d, *t, *g, *k, то в сочетании с прасл. *ti происходило преобразование возникших сочетаний согласных в соответствии с принципом восходящей звучности и законом слогового сингармонизма: прасл. *vedti → прасл. *vesti → др.р. ВЕСТИ, прасл. *pletti → прасл. *plesti → др.р. ПЛЕСТИ, прасл. *pekti → востсл. *peč'i → др.р. ПЕЧИ; прасл. *mogti → востсл. *moč'i → др.р. МОЧИ. Исторического комментария требуют современные формы *грести*, *клясть*: прасл. *grebti, *klynti в соответствии с принципом восходящей звучности преобразуется в ГРѢТИ, КЛАТИ, которые изменяются позднее по аналогии с формами НЕСТИ, ВЕСТИ.

Инфинитив представляет собой праславянское новообразование (в других индоевропейских языках формы инфинитива иные). Это имя, образованное от глагольной основы (теперь она называется инфинитивной) с помощью суффикса *t, имевшего значение процесса, с прибавлением к нему окончания *ei. Оно изменяется по типу существительных с основой на *ī типа КОСТЬ. Еще в дописьменную эпоху оно утрачивает изменение и закрепляется в этой единственной форме, восходящей, по мнению большинства ученых, к Д. п. ед. ч.

Утратив формоизменение, инфинитив перестает быть именем и переходит в глагольную систему. Однако генетическая связь с существительным проявляется и в семантике инфинитива (исходная форма глагольной парадигмы, называющая процесс, обозначаемый глаголом), и в его синтаксических функциях (подлежащее, второстепенные члены предложения; сказуемое – только в сочетании со спрягаемой формой). Невыраженность в этой форме некоторых собственно глагольных категорий (в русском языке это лицо, число, времена и наклонение) отразилась в терминологии: гр. αλοφάτικος = лат. finitivus 'изъявительное наклонение' в отличие от гр. αλαρεμφατος = лат. infinitives 'неполное, неясное наклонение' (в грамматиках XIX века для обозначения этой формы используется термин *неопределенное наклонение*).

Именным происхождением инфинитива объясняется и омонимичность некоторых инфинитивов с именами существительными 3-го склонения: (*московская*) *знать* – *знать* (*язык*), (*натопленная*) *печь* – *печь* (*пирого*), (*звериная*) *пасть* – *пасть* (*в битве*),

(особенная) *стать* – *стать* (умным), *течь* (в корабле) – *течь* (свободно), (бездонная) *пропасть* – *пропасть* (без вести). Отметим, что и в других индоевропейских языках инфинитивы представляют собой генетически глагольные имена, но оформленные иначе, например, нем. *leben* ‘жить’, *das Leben* ‘жизнь’.

В истории русского языка форма суффикса -ТИ/-ЧИ трансформируется в -ТЬ в безударном положении, под ударением сохраняется исконная форма, которая наблюдается и в приставочных образованиях от этих форм: *читать, пить – вести, грести, нести, ползти, вы’вести*. Однако в северновеликорусских говорах и в безударном положении достаточно последовательно сохраняются формы с -*ти*.

В памятниках письменности единичные формы на -ТЬ отмечаются уже в XI веке, но даже в деловой письменности великорусского периода формы на -ТИ количественно преобладают.

С точки зрения формообразования, в древнерусском **супине** (достигательное наклонение, инфинитив цели от лат. *supinum* ‘обращенное вверх’) выделяется инфинитивная основа и суффикс -ТЬ: НЕС-ТЬ, ПЪ-ТЬ, ПИ-ТЬ, ДВИГНОУ-ТЬ, ДА-ТЬ. Основа инфинитива на задненебный должна была сохранить качество конечного согласного (*gть, *kть), но по аналогии с инфинитивом в ней закрепляется шипящий: ПЕЧЬ, МОЧЬ.

Супин, в отличие от инфинитива, унаследован из индоевропейского языка-основы. Он представляет собой имя, образованное от глагольной основы при помощи суффикса *t и флексии *ŷm. Таков супин в латинском и балтийских языках, санскрите, например в лат. *dat-um* ‘чтобы дать’). По происхождению это форма В. п. ед. ч. существительного с основой на *ŷ типа СЫНЪ, которая реализовывала значение В. цели. Именно этим обусловлено его использование при глаголах движения.

Еще в дописьменную эпоху это имя утрачивает формы склонения и застывшая форма В. п.а переходит в глагольную систему. В древнерусском языке супин также употребляется при глаголах движения для указания на цель движения, при этом супин управляет, как и существительные, Р. п. (глагольная способность управлять В.п. без предлога им утрачена): ИДЕ **УЧИТЬ** БОЛГАРЬСКАГО ЯЗЫКА; ПОСЛА ЯРОПОЛКЪ **ИСКАТЬ** БРАТА; ИДОХЪ МИРА **ТВЕРДИТЬ** (Повесть временных лет, начало XII).

В славянских языках (за исключением словенского) форма супина вытесняется инфинитивом. В древнерусском языке это наблюдается уже с XI века: ПОСЪЛА **ПРИЗЪВАТИ** (Остромирово Евангелие, 1056–1057), ЮХАЛИ НА ГОЧКЫИ БЕРЬГО ... **ТВЕРДИТИ** МИРЪ (Смоленская грамота, 1229). Но и в XIV веке отмечается правильное, хотя и крайне редкое, употребление супина типа ПОЛЕСТИ **МЫТЬСА** (Псковский Шестоднев, 1374).

В русском языке реликтами его можно считать выражения типа *иду пахат* в северных диалектах и устойчивые обороты типа *пошел Тит молотит*.

VI

Собственно именными глагольными формами и по происхождению, и по употреблению являются **причастия**, которые, с одной стороны, склоняются, с другой стороны, выражают время и залог.

В русском языке термин известен с древнерусской эпохи. В сочинении Иоанна экзарха Болгарского «О осмих частех слова» указывается на связь причастия с именем и глаголом: ПРИЧАСТІЕ ЖЕ ЕСТЬ ГЛАГОЛЬ, ИМЪАИ НЪКАА ПОСЛЪДУЮЩА РЪЧИ И НЪКАА ПОСЛЪДУЮЩА ИМЕНЮ; СЕГО РАДИ И ГЛАГОЛЕТСЯ ПРИЧАСТІЕ, ЗАНЕ ПРИЧАСТВУЕТЪ И ИМЕНЮ И РЪЧИ.

В древнерусском языке, как и в других индоевропейских, отличие причастия от прилагательного состоит в том, что прилагательное обозначает признак предмета, а причастие – признак предмета лишь в пределах процесса, выраженного соответствующим глаголом (ср.: *бережливый человек* ~ *берегущий / берегший что-то человек*).

Древнерусские причастия дифференцируются по времени – настоящего и прошедшего времени, по залогу – действительные и страдательные. Как и прилагательные, они имели краткую и полную формы.

Только генетически определяется как действительное причастие прошедшего времени **форма, образуемая от основы инфинитива с помощью суффикса -л-**, которая уже в праславянский период утратила парадигму склонения и закрепилась как именная форма в предикативной функции (первоначально в составе синтетических глагольных форм времени и наклонения): НЕС-Л-Ъ, -А, -О.

В истории языка именные формы этого несклоняемого причастия становятся единственной формой прошедшего времени глагола, местоименные формы, напротив, перешли в отглагольные прилагательные, например *усталый, лежалый, смелый, вялый*.

Действительные причастия настоящего времени образовывались от основ настоящего времени при помощи суффикса *nt, к которому присоединялось п.ное окончание:

И. п. ед. ч. м. и ср. р. *nes-o-nt-s → *nesuns → ст.сл. НЕСЫ, др.р. НЕСА;

*veid-i-nt-s → *vidins → ст.сл. ВИДА, др.р. ВИДЯ.

Вследствие переразложения основ в начальной форме причастий мужского и среднего рода, образованных от глагольных основ I–III типов, возникает суффикс -Ы, от основ IV–V типов – суффикс -А. Уже к XIII веку, судя по памятникам письменности, они вытесняются восточнославянскими вариантами -А, -Я.

Указанное формообразование характерно только для начальных форм мужского и среднего рода; во всех остальных формах парадигмы отражаются суффиксы -УЧ-/-ЮЧ-/-АЧ-/-ЯЧ-, например: НЕС-УЧ-И, ЗНА-ЮЧ-И, СЛЫШ-АЧ-И, ВИС-ЯЧ-И (ж. р.) из *nes-o-nt-j- → ст.сл. НЕС-ЖШТ-, др.р. НЕСУЧ-.

Действительные причастия прошедшего времени образовывались с помощью суффикса -ЪШ- (от основ инфинитива I–III типов) и суффикса -ВЪШ- (от основ инфинитива IV–V типов): НЕС-ЪШ-И, НО ВИДЪ-ВЪ-ШИ (ж. р.).

В И. п. ед. ч. мужского и среднего рода формы причастий таковы: НЕС-Ъ, ЗНА-В-Ъ.

Показательно, что в причастных формах этого времени восстанавливаются согласные, трансформировавшиеся вследствие действия фонетических процессов в праславянский период: *plet-ti → *ples-ti → ПЛЕТЪ, ПЛЕТЪШИ.

Именные действительные причастия настоящего и прошедшего времени склоняются как именные прилагательные, исключение составляют формы И. п. ед. ч. мужского и женского рода, флексии которых отличаются от соответствующих форм именного склонения. К тому же, формы косвенных падежей причастий именного склонения встречаются редко, а в двойственном и множественном числе практически не встречаются. Поэтому в учебниках по исторической грамматике в таблицах склонения они обычно

приводятся в соответствии с системой флексий именного склонения, а не как реальные факты древнерусских памятников письменности.

	м.р.	ср.р.	ж.р.
ед. д. И. Р. Д. В. Т. М.	неса несъ видя видѣвъ несуча несъша видяча видѣвъша несучу несъшу видячу видѣвъшу несучь несъшь несуче несъше видячъ видѣвъшь видяче видѣвъше несучу несъшу видячу видѣвъшу несучи несъши видячи видѣвъши	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшь несучи несъши видячи видѣвъши несучу несъшу видячу видѣвъшу несучею несъшею видячею видѣвъшею несучи несъши видячи видѣвъши	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшь несучи несъши видячи видѣвъши несучу несъшу видячу видѣвъшу несучею несъшею видячею видѣвъшею несучи несъши видячи видѣвъши
дв. ч. И.–В. Р.–М. Д.–Т.	несуча несъша несучи несъши видячи видѣвъши видяча видѣвъша несучу несъшу видячу видѣвъшу несучема несъшема несучама несъшема видячема видѣвъшема видячама видѣвъшема	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшь несучи несъши видячи видѣвъши несучу несъшу видячу видѣвъшу несучею несъшею видячею видѣвъшею несучи несъши видячи видѣвъши	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшь несучи несъши видячи видѣвъши несучу несъшу видячу видѣвъшу несучею несъшею видячею видѣвъшею несучи несъши видячи видѣвъши
мн. ч. И. Р. Д. В. Т. М.	несуче несъше несуча несъша видяче видѣвъше видяча видѣвъша несучь несъшь видячъ видѣвъшь несучемъ несъшемъ видячемъ видѣвъшемъ несучѣ несъшѣ несуча несъша видячѣ видѣвъшѣ видяча видѣвъша несучи несъши видячи видѣвъши несучихъ несъшихъ видячихъ видѣвъшихъ	несучѣ несъшѣ видячѣ видѣвъшѣ несучь несъшь видячъ видѣвъшь несучамъ несъшамъ видячамъ видѣвъшамъ несучѣ несъшѣ видячѣ видѣвъшѣ несучами несъшами видячами видѣвъшами несучахъ несъшахъ видячахъ видѣвъшахъ	несучѣ несъшѣ видячѣ видѣвъшѣ несучь несъшь видячъ видѣвъшь несучамъ несъшамъ видячамъ видѣвъшамъ несучѣ несъшѣ видячѣ видѣвъшѣ несучами несъшами видячами видѣвъшами несучахъ несъшахъ видячахъ видѣвъшахъ

Местоименные формы древнерусских причастий образовывались и склонялись аналогично соответствующим местоименным прилагательным: И. ед. НЕСА-И, НЕСУЧЕ-Ю, НЕСУЧИ-Æ; Р. НЕСУЧЕГО (м. и ср.), НЕСУЧѢЪ (ж. р.).

Эволюция причастий действительного залога

– Именные формы настоящего времени типа НЕСА, ВЕДА в древнерусском языке вытеснялись формами НЕСЯ, ВЕДЯ. Реликтом причастий на -А в русском языке являются существительные типа *пройда, рева*.

– Именные формы настоящего времени И. п. ед. ч. мужского и среднего рода на -я, а также женского рода на -учи / -ачи / -ячи и формы прошедшего времени, примыкая к глаголу, утратили словоизменение и трансформировались в неизменяемые формы деепричастий несовершенного вида типа *неся, видя, идучи, сидючи, несши, увидев*.

Генетической связью современного деепричастия с причастными формами объясняется недопустимость использования независимого деепричастного оборота типа *Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа*. Как историческое причастие, деепричастие *подъезжая* должно быть связано и с именем, обозначающим действующее лицо (*с меня – я*), и с глаголом, обозначающим производимое им действие (*слетела*).

– Многие древнерусские местоименные причастия в современном русском языке сохранились как отглагольные прилагательные типа *летучий, горячий, колючий, могучий, ползучий, ходячий, стоячий*. В качестве причастий от соответствующего глагола выступают старославянские по происхождению формы *летающий, горящий, колющий, могущий, ползущий, ходящий, стоящий*.

Страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени с помощью суффикса -М-, присоединявшегося после тематического гласного -О- (основы I–II типов), -Е- (основы III типа), -И- (основы IV типа): НЕС-О-М-, ЗНАј-Е-М-, ВИД-И-М-. По мнению большинства исследователей, эти формы были свойственны системе книжно-литературного языка, ориентированного на старославянские нормы.

Страдательные причастия прошедшего времени образовывались от основы инфинитива с помощью суффиксов -Т- (основы II–III типов) и -н-, присоединявшегося после тематического гласного -Е- (основы I, V типов): БИ-Т-, НОШ-Е-Н-, КУПЛ-Е-Н-.

Именные формы склонялись аналогично именным прилагательным; образуемые местоименные формы причастий изменяются аналогично местоименным прилагательным.

Страдательные причастия, в отличие от действительных, изменились значительно меньше. Полные страдательные причастия настоящего времени в современном русском языке по происхождению – старославянские, для собственно восточнославянских форм характерен переход в отглагольные прилагательные, например *любимый (город), весомый (вклад)*.

материалы по
изучению вопросов,
выносимых на
Самостоятельную
работу студентов

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 1

I. ОБЗОР ОСНОВНОЙ УЧЕБНОЙ, УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО КУРСУ И ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

1. Изучите материал по источникам: Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 30–36; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 29–39.
2. Составьте конспект программы изучения истории русского языка, разработанной И. И. Срезневским (дополните материал вводной лекции): Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. С. 79–81.
3. Изучите состав и структуру следующих источников, проанализировав указанные разделы («Введение», «Содержание»/ «Оглавление», для словарей – одну словарную статью): Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. С. 11–16, 620–623; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 358–359; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 397–399; Черных П. Я. Историческая

грамматика русского языка. С. 307–312; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. С. 28–40, 367–368; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка; Словарь русского языка XI–XVII вв.; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка.

II. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Прочитайте материал учебника: Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 13–27.

Необходимо знать следующие источники: данные памятников письменности, факты современного русского литературного языка, факты русских диалектов, данные родственных индоевропейских языков; вспомогательные источники: данные ономастики, заимствованные слова в русском языке из других языков и из русского языка в других языках, данные истории, археологии. Классификация памятников письменности (деловая и книжно-литературная письменность, время написания основных памятников).

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 3

ЛАБИАЛИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО Е-, УТРАТА НАЧАЛЬНОГО j- ПЕРЕД У, ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО j- ПЕРЕД А

Составьте конспект «Закономерные звуковые соответствия в оформлении начала слова в старославянском и древнерусском языках» по кн: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. С. 53–54; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С.22–134; Селищев А. М. Старославянский язык. С.94–297. Приведите примеры.

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 4

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

Составьте конспект по кн.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. С. 87–90. Дополните его по кн: Селищев А. М. Старославянский язык. С. 210–218.

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 6

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

Дайте определения терминов *закон аналогии*, *закон дифференциации*, *закон абстрагирования* по кн.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., М., 1969. С. 115, 45–46, 139; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 68–69.

Составьте краткий конспект по изучаемому вопросу по кн: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 128–142, 278–288, 301–313.

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 7

КАТЕГОРИЯ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ. ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ ~ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

Составьте конспект по кн: Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 37–42; Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. С. 10–49.

Сопоставьте признаки древнерусского и современного лексико-грамматического разряда собирательных существительных (Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 43–46; Русская грамматика. Т.1. § 1126, 1150).

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 8

РАЗРЯДЫ ДРЕВНЕРУССКИХ НЕЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Изучите теорию вопросов: семантика и формообразование указательных, притяжательных и вопросительных местоимений, составьте конспект по кн: Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 221–225; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 285–289.

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 9

ИСТОРИЯ ФОРМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Изучите теорию вопросов: образование и грамматические свойства древнерусских форм степеней сравнения, их эволюция, составьте конспект по кн.: Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 207–215; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 300–302.

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 11

I. КЛАССЫ ФОРМООБРАЗУЮЩИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Составьте конспект по этому вопросу по кн.: Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 283–286; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 314–315.

II. СИСТЕМА ФОРМ ИРРЕАЛЬНЫХ НАКЛОНЕНИЙ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Составьте конспект по этому вопросу по кн.: Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 312–317; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 350–355.

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ 12

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ОТЛИЧИЕ ОТ СОВРЕМЕННОГО

Изучите теорию вопросов: структура словосочетаний, конструкция «дательный самостоятельный, способы выражения подлежащего и сочетаемости подлежащего и сказуемого, конструкция «цепного нанизывания» как база формирования сложносочиненного и сложноподчиненного предложений, составьте конспект по кн.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. С. 313–504; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 368–393; Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. С. 22–53, 98–119.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ
подготовки
к лабораторным
занятиям

ТЕМА 1. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

1. Используя «Лингвистический энциклопедический словарь» (М., 1990), дайте определения следующих терминов: сравнительно-историческое языкознание, генеалогическая классификация языков, языковое родство, этимология, закономерные звуковые соответствия, праязык, праформа, архетип, сема, прасема.
 2. Используя этимологические словари (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка), выявите праформу и прасему корневой морфемы на разных уровнях языкового родства (восточнославянское родство, общеславянское родство, индоевропейское родство): время, здоровье.
 3. Найдите закономерные звуковые соответствия для слова «жена» в разных индоевропейских языках и восстановите его праформу и прасему.
 4. Проведите морфемный анализ слов с точки зрения синхронии и диахронии: колесо, огород, подоконник.
- Прокомментируйте процессы опрощения, переразложения и усложнения в морфемной структуре современных слова.

ТЕМА 2. ДРЕВНЕРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

I

1. Определите по «Лингвистическому энциклопедическому словарю» значения терминов: древнерусский язык, старославянский язык, церковнославянский язык.
 2. Подготовьте реферат на тему «Возникновение древнерусской письменности», используя кн.: Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. Изд. 2-е. М., 1988; Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984; Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры. М., 1994; История древнерусской литературы XI–XVII веков / под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980; Еремин И. П. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX–XII вв. // Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. С. 214–222.
- Обязательные для использования в реферате понятия: две концепции возникновения

древнерусской письменности (возникновение до принятия христианства и с принятием христианства), Византийское государство, христианство как государственная религия, принимаемая в славянских странах; деятельность Константина и Мефодия (причины Моравской миссии, дискуссия о первичности глаголицы или кириллицы, литература, переведенная братьями, деятельность учеников в разных славянских странах), болгарская литература как посредница в трансплантации византийской литературы на древнерусскую почву.

Объем работы не более 1,5 тетрадной страницы.

3. Повторите кириллический алфавит.

Используя материал § 30–33 учебника Г. А. Хабургаева «Старославянский язык» (С. 42–44), определите понятия: диакритика, лигатура, титло (простое и буквенное).

4. Приготовьте сообщение об Остромировом Евангелии как памятнике письменности по кн.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 17; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.1. С. 68–81.

Прочитайте Приписку (Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. С. 19–21; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 15–16), раскройте титла, затранскрибируйте и переведите на русский язык. По «Словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского составьте словарь Приписки.

II

5. Прочитайте текст первого листа Остромирова Евангелия (Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. С. 13; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 15), разделите его на слова, раскройте титла, прочитайте, затранскрибируйте, переведите на русский язык, используя словари древнерусского языка.

6. Приготовьте сообщение о Русской Правде как памятнике древнерусской письменности по кн.: Ключевский В. О. Русская Правда // Соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 84–99; Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 120–125; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. С. 290–295.

Прочитайте текст первого листа Русской Правды (Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. С. 65; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 68), разделите его на слова, раскройте титла, прочитайте, затранскрибируйте, переведите на русский язык, используя словари древнерусского языка.

ТЕМА 3. ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА

I

1. Выучите артикуляционные характеристики древнерусских гласных и согласных и выполните следующие задания:

– определите, как проявляется закон слогового сингармонизма в словах: ОКОНЬЧАХЪ, СЖЩОУ;

– докажите, что в следующих словах действует закон открытого слога: ПРАВЛѦАШЕ, ОСТРОМИРОУ, ИЗАСЛАВЪ;

– почему написание древнерусских слов не совпадает с современным: ЛИЦЕ, ОТЬЦЬ, КЫЇСВЪ.

2. Определите позиции редуцированных в словах: ПРЪДРЪЖАЩОУ, СЪДРЪЖАЩЕ, ИСПРАВЛЬШЕ, ПОЧИТАИТЕ, ЗАЗЪРЪТИ, КЛЬНЪТЕ.

II

3. Запишите по-древнерусски: рожь, послать, низкий, мышей, овца, небо.

4. Приготовьте сообщение о грамотах как жанре древнерусской письменности по кн: Ключевский В. О. Источники русской истории // Соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 16–22.

Прочитайте, переведите, используя словари древнерусского языка, грамоту великого князя Мстислава и его сына Всеволода 1130 года (Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. С. 40; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 39). Определите позиции редуцированных гласных.

III.

5. Составьте конспект «Закономерные звуковые соответствия в оформлении начала слова в старославянском и древнерусском языках» по кн: Хабургаев Г.А. Старославянский язык. С. 53–54; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 122–134; Селищев А.М. Старославянский язык. С. 294–297. Приведите примеры.

Найдите старославянизмы и восточнославянизмы в Мстиславовой грамоте.

6. Дополните таблицу, приведя причины, по которым следующие фонетические признаки указывают на неславянское происхождение слова:

фонетические признаки неславянского происхождения слова		причина
зияние гласных	ситуация, театр, пауза	
сочетание гл. + нос. согл. м, н перед согл. внутри морфемы	анонс, патент, компания	
сочетание гл. + сонорн. согл. р, л перед согл. внутри морфемы	торт, консервы, оркестр	
удвоенный согл. внутри морфемы	аккорд, барракуда, иллюминация	
гл. передн. ряда и историч. йотированные (я, ю) после г, к, х	гектар, кит, хитон; гюрза, гяур, кюре	
историч. йотированные (я не из ę; ю) после историч. полумягких	пюпитр, дюшес, изюм	
согл. ф перед гласным	Федор, графика	
гласные а-, э- в начале слова (если нет закономерных звук. соответствий а-/я-)	астра, эхо, этика искл. – собственно русские ах, ахать, аканье, эй, эх, этот	

ТЕМА 4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ. ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ ГЛАСНЫХ

I

1. Дайте определение понятий: дифтонг, дифтонгическое сочетание, структура дифтонга и дифтонгического сочетания, слоговой и неслоговой элементы, долгота и краткость праиндоевропейских гласных, количественные чередования гласных, качественные чередования гласных.

2. По материалам, указанным в соответствующей лекции, составьте таблицу

«Происхождение русских гласных» по образцу:

и.е.	прасл.	др.р.	совр.
*ā, *ō	*a	а	а

Выучите ее содержание.

II

3. Как преобразуются на славянской почве:

нем. Gans, лат. angŭlŭs, лат. mentā, лат. sēmen?

4. вспомните, в каких корнях современного русского языка наблюдаются чередования гласных (см. кн.: Розенталь Д. Э. Сборник упражнений по русскому языку для подготовительных отделений вузов. М., 1982. § 3).

Дайте историческое объяснение чередований: натирать–натереть–натру, гореть–загар, замыкать–замок–замкну, плот–плету, принимать–принять.

5. Приготовьте сообщение о Синайском патерике по кн.: История древнерусской литературы X–XVII веков. С. 45–46; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.1. Л., 1987. С. 316–321.

Прочитайте и переведите отрывок из патерика (Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 36–37, строки 1–55).

Укажите слова, в которых наблюдаются различные по происхождению чередования гласных.

III

6. Каково преобразование праформ в южнославянском и древнерусском языках: прасл. *vorna, прасл. *dervo, прасл. *melko, прасл. *moltъ, прасл. *orbъ, прасл. *ortajъ, прасл. *olkъть.

7. Докажите, что приводимые слова однокоренные по происхождению: внимательный–внятный, завиток–веялка, надутый–надменный, сон–спать, веду–повод, седло–сад (вишневый), дыхание–воздух–вздых.

Используйте кн.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. С. 75–78; Глинкина Л. А., Чередниченко А. П. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка. С. 39–40. Табл. 4, 5, 6.

ТЕМА 5. ПЕРЕХОДНОЕ СМЯГЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

I

1. Дайте определение терминов: палатализация, смягчение согласных, переходное смягчение согласных. Какова связь закона слогового сингармонизма и смягчения согласных в праславянскую и древнерусскую эпохи?

Укажите хронологию, условия, результаты и последовательность осуществления трех видов переходного смягчения заднеязычных. Назовите сходства и различия между ними.

Составьте таблицу «Результаты йотовой палатализации согласных в различных праславянских диалектах».

2. Объясните современные чередования согласных: изрекать–речь–прорицатель, дорогой–дражайший, береговой–прибрежный, вращать–ворочать–поворот.

3. Докажите происхождение из единого источника слов: р. чадо – нем. Kinder, р. Цезарь – нем. Kaiser.

II

4. Приведите результаты каждого процесса из текстов Приписки к Остромирову Евангелию и Мстиславовой грамоты.

5. Докажите, что данные слова однокоренные: коса—чесать, кусок—часть.

ТЕМА 6. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНИЗМЫ И СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ

I

1. Составьте таблицу «Закономерные звуковые соответствия в древнерусском и старославянском языках», опираясь на различия преобразований в диалектах, легших в основу старославянского и древнерусского языков, и в более поздние эпохи русского языка: дифтонгические сочетания гласных полного образования с плавными между согласными и в начале слова перед согласным, дифтонгические сочетания редуцированных с плавными, преобразования начала слова, первая палатализация, йотовая палатализация, судьба напряженных И и Ы, третья лабиализация. Используйте материалы кн.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. С. 96–103, 51–54, 82–84; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 126–136, 117–119, 167–168, 184–190.

2. Укажите результаты преобразования праформ в древнерусском и старославянском языках: прасл. *volsъ, *dorga, *serda, *pelnъ, *olkъть, *orvno, *legti, *pekti, *otъvetjati, *vidjъ, *nudjno bergti zdorvije.

3. Приготовьте сообщение о значении, содержании, языке берестяных грамот по одному из указанных источников: Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004; Зализняк А. А. Значение новгородских берестяных грамот для истории русских и других славянских языков // Вестн. АН СССР. 1988. № 8. С. 92–100; Зализняк А. А. Наблюдение над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. 1984. Вып. 5. С. 36–153.

Прочитайте и переведите берестяные грамоты № 109, 43, 424 (Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. С. 422, 433–434, 424; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 29, 33).

4. Укажите в текстах Приписки дьякона Григория к Остромирову Евангелию, Мстиславовой грамоты, берестяных грамот древнерусизмы и старославянизмы. Объясните преобладание тех или иных форм в тексте.

II.

5. Укажите в приведенных предложениях восточнославянские фонетические черты: Осенью дни становятся короче. Яблонево дерево посажено вчера утром. Через поток переброшены мостки. Нравится ли мне речь ровесников, отличающаяся небрежностью?

6. Укажите старославянские фонетические черты: Навис покров угрюмой ночи на своде дремлющих небес. И тихая луна плывет ... в серебристых облаках. Здесь каждый звук рождает воспоминанья прежних лет. Где прежде взору град являлся величавый, развалины теперь одни (Пушкин. Воспоминания в Царском Селе).

ТЕМА 7. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

I

1. Чем объясняются варианты морфем в словах: Мария–Марья, печение–печенье, пить–пью–пей.

2. Каково происхождение русских звуков: [в], [ф], [j]? Приведите доказательства.

3. Определите термин лабиализация. Укажите хронологию, условия и результаты трех лабиализаций.

Результаты какой лабиализации отражены в следующих словах: др.р. ОЖЕЛИ (см.: Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка), осень, ошеломить, вранье, лен?

4. Укажите причины отсутствия перехода [e] в [’o] перед твердым согласным в словах: надежда, сосед, инженер, сердце, целый, холодец, невидаль.

5. Какие фонетические процессы привели к восточнославянской трансформации заимствованных антропонимов: Елена → Алена, Евдокия → Авдотья, Евграф → Аграфена, Ефросин → Абросим?

II

6. Объясните фонетические преобразования корня творог- в слове ватрушка.

7. Был ли прасл. *j в современных словах: дочь, теща, трава, рука, конь, зверь, журавль.

8. Запишите слова по-древнерусски: опенок, на ноге, лей, плен, небо, пол, белый, черный.

9. Приготовьте сообщение о «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона 1051 года как памятнике по кн.: История древнерусской литературы X–XVII веков / под ред. Д. С. Лихачева. С. 90–92; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.1. С. 198–202.

Прочитайте и переведите отрывок из Слова (Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. С. 284–307; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 1–53).

Укажите старославянизмы и восточнославянизмы.

ТЕМА 8. ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

I

1. Используя материалы к теме 7 для самостоятельной работы, ответьте на вопросы:

– особенности категории грамматического рода в древнерусском языке;

– лексико-грамматический разряд собирательных существительных в древнерусском языке в сравнении с современным;

– способы выражения категории одушевленности в древнерусском языке.

2. В разделе о современной категории числа (Русская грамматика 1982. Т.1. С. 471–474) найдите примеры, указывающие на существование в древнерусском языке двойственного числа.

Подготовьте сообщение о «Повести временных лет»: время создания, проблема авторства, жанровая специфика, состав по кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.1. С. 337–343; Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 40–64.

Прочитайте и переведите летописное сказание «Мечь Ольги» (Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Строки 1–23; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 99–100, строки 1–23; Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 1998; 2001. Л. 14об. –16).

Укажите род, тип склонения, падеж, число, синтаксическую функцию каждого существительного.

II.

4. Сопоставьте критерии распределения существительных по типам склонения в начальный период древнерусского языка и в современном русском языке (Иванов В. В. Историческая

грамматика русского языка. С. 244–253; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 48–68; Русская грамматика 1982. Т.1. С. 483–484).

5. Укажите архаичные формы в пословицах из словаря В.И. Даля: Ласковое теля двух маток сосет. Краденое пороса в ушах визжит. Бешеному дитяти ножа не давати. У кошки котя такое же дитя. Овин с овсом – жеребя с хвостом. Объясните причину их архаизации. Какая из приведенных форм не может считаться архаичной?

Дополните, используя материалы словарей В. И. Даля и И. И. Срезневского, список аналогичных архаичных форм.

III

6. Используя материал кн.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. § 171–186; Павлович А. И. Таблицы по исторической грамматике русского языка. М., 1961. Табл. № 18, 20, 21, 22, 22а, 22б, 25, 26, – составьте таблицу «Перегруппировка типов склонения древнерусских существительных»:

исходная система склонения существительных

тип скл. на *ā на *ǫ на *ū на *ǔ на *ї на *t на *s на *n на *r

изменения на протяжении X–XV вв.

совр. 1скл. 2 скл. 3 скл. разноскл.

IV

7. В разделе «Склонение имен существительных» (Русская грамматика 1982. Т. 1. С. 483–503) найдите формы, являющиеся реликтами древнерусской системы склонения.

8. Объясните, почему в современном русском языке возможны варианты флексий одного и того же падежа: 1) о буре, о дочери; о поле, о здании; кусок сахара/сахару; о Марье/о Марии; гор, аллея, дедушек; сел, сапог, морей, коней, берегов, перьев, иностранцев.

9. У всех существительных в современном русском языке во множественном числе одни окончания в Д. -ам/-ям, Т. -ами/-ями, П. -ах/-ях. Так ли было в древнерусском языке? Как шла унификация?

ТЕМА 9. ИСТОРИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

1. Из летописного сказания «Мечь Ольги» (строки 23–70) выпишите местоимения (обязательно в составе словосочетаний!), укажите разряд, род, число, падеж, полная/краткая форма, энклитика.

2. Приготовьте краткие сообщения на следующие темы:

– История местоимения 1-го л. (по кн.: Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 217–221).

– Энклитики в парадигме склонения местоимений (сравнить точки зрения по кн.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. С. 214; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 221, 233).

– Возвратное местоимение в истории русского языка.

– История местоимения 3-го л. (Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. С. 215; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 225–232).

– Супплетивизм форм склонения личных местоимений (по кн: Борковский В. И., Кузнецов П.

С. Историческая грамматика русского языка. С. 216–218; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 225–230; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 363–365).

– Разряды древнерусских неличных местоимений (Материалы к теме 7 для самостоятельной работы).

– Склонение неличных местоимений (по кн.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. С. 218–223; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 247–250).

Используйте в качестве примеров материал, проанализированный в первом задании.

ТЕМА 10. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

1. Теоретический опрос (по заданиям текущего контроля № 24).

2. В летописном сказании «Мечь Ольга» (строки 70–165) укажите прилагательные (обязательно в составе словосочетаний!), определите их форму, разряд, род, число, падеж, синтаксическую функцию.

Используя материалы к теме 9 для самостоятельной работы, найдите в этом отрывке прилагательные в сравнительной степени, дайте их морфологическую характеристику.

Образуйте все формы компаратива от прилагательного ВЕЛИКЪ, -А, -О.

3. Дайте исторический комментарий отступлений от норм современного русского литературного языка в склонении прилагательных:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык:

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус, и друг степей калмык (Пушкин. Памятник)

Иль тянет тебя из земныя неволи

Далекое светлое небо к себе? (Жуковский. Море)

Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;

Старик заохал, голос хрипкой:

Был высочайшею пожалован улыбкой... (Грибоедов. Горе от ума)

У ворот стоят у тесовых

Красны девушки да молодушки.

Не боюсь казни лютыя (Лермонтов. Песня о купце Калашникове)

Используйте материал: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. С. 168–169; Русская грамматика 1982. Т. 1. С. 547–556).

Укажите, какие еще устаревшие флексии прилагательных отмечаются в Русской грамматике.

ТЕМА 11. ДРЕВНЕРУССКИЕ СЧЕТНЫЕ СЛОВА И ИХ ИСТОРИЯ

1. Как передавались счетные слова в древнерусских памятниках письменности? Приведите примеры из изученных текстов (Приписка к Остромирову Евангелию, Мстиславова грамота, Русская Правда, Мечь Ольга) по образцу: выпишите словосочетание, в состав которого входит счетное слово или сочетание; тип связи в словосочетании; определите часть речи счетного слова; род, число, падеж.

2. Проследите эволюцию количественного значения слов КОЛОДА, ЛЕГИОНЪ, ТЪМА (Словарь древнерусского языка, Словарь Даля, Словарь Ушакова, БАС-1, БАС-2, Словарь

Ожегова–Шведовой).

3. Установите происхождение и образование современных числительных один, пять, десять, одиннадцать, девяносто, сто, тысяча, миллион.

4. Дайте историческое объяснение различиям в склонении современных числительных 1–4, 5–10, 20, 50–80, 90.

ТЕМА 12. ИСТОРИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

I

1. Определите следующие понятия: формообразующие глагольные основы, основа инфинитива, основа настоящего времени, тематический гласный, нетематические глаголы.

2. Объясните различия в составе глагольной основы следующих глагольных форм: ПЕЧИ – ПЕКУ, ПЬЦИ; ПЛЕСТИ – ПЛЕТУ, ПЛЕЛЪ; ПЬТИ – ПОЮ, ПЬЛЪ; ЛОВИТИ – ЛОВЛЮ, ЛОВИ, ЛОВИЛЪ; БЫТИ – ЕСМЬ, БУДУ, БЫХЪ.

3. Объясните вариативность форм 2-го л. ед. ч. наст. вр.: НЕС-Е-ШЬ, ХОД-И-ШЬ, ДА-СИ, ВЪ-СИ.

4. Составьте обзор точек зрения ученых (Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка; Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 35–67) о происхождении глагольных флексий настоящего времени 2-го л. ед. ч., 3-го л. ед. и мн. ч. в древнерусском языке.

5. Составьте краткий обзор отличий парадигмы спряжения глаголов настоящего времени

а) в старославянском и древнерусском языках (примеры отличий приведите из Остромирова Евангелия и «Мести Ольги»);

б) в древнерусском и современном русском языках.

II

1. Прочитайте и переведите контексты. Сделайте вывод о способах образования форм будущего времени глагола в древнерусском языке:

ИДѢТЕ СЪ ДАНЬЮ ДОМОВИ · А ꙖЕ ВОЗЪВРАЩЮСА ПОХОЖЮ И ЕЩЕ

ОУЖЕ МНѢ МОУЖА СВОЕГО НЕ КРѢСИТИ · НО ХОЧЮ ВЫ ПОЧТИТИ НАОУТРИЯ ПРЕДЪ ЛЮДЬМИ СВОИМИ

ЃНИ ЖЕ РѢША НЕ ЕДЕМЪ НИ НА КОНИХЪ НИ НА ВОЗѢХЪ

А ВСЯ ГРАДИ ВАШИ ПРЕДАШАСА МНѢ И ꙖЕЛИСА ПО ДАНЬ · И ДѢЛАЮТЬ НИВЫ СВОЕ И ЗЕМЛѢ СВОЕ · А ВЫ ХОЧЕТЕ ИЗЪМЕРЕТИ ГЛАДОМЪ (ПВЛ)

АЖЕ НАЧЪНЕТЬ НЕ ЗНАТИ ОУ КОГО КОУПИЛЪ · ТО ИТИ ПО НЕМЪ ТѢМЪ ВИДОКОМЪ НА ТЪРГОУ

СКОТОМЪ ЕМОУ ЗАПЛАТИТИ · КОЛЬКО ДАЛЪ БОУДЕТЬ НА НЕМЪ

А КТО БОУДЕТЬ НАЧАЛЪ · ТОМОУ ПЛАТИТИ (Русская Правда)

КОЛИ СВИНИЯ ПОЧНЕТЬ НА БѢЛКОУ ЛЯТИ · ТОГДА БЕЗОУМНЫИ ОУМОУ НАОУЧИТСЯ (Моление Даниила Заточника)

2. Приготовьте сообщение о языке «Слова о полку Игореве» по кн.: Якубинский Л. П. История древнерусского языка. С. 320–328).

Прочитайте «Слово о полку Игореве» (Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. С. 219–231; Иванов В. В., Сумникова Т. А., Панкратова Н. П. Хрестоматия по истории русского языка. С. 161–169).

Выпишите контексты с различными лично-числовыми формами глаголов настоящего и

будущего времени (простого и двух сложных), укажите формообразующую основу и флексии, лицо, число, вид.

ТЕМА 13. ДРЕВНЕРУССКАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

1. Найдите в словарях определение термина «претерит».
2. Изучите парадигмы спряжения аориста, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта, используя пособия по исторической грамматике.
3. Составьте краткое описание каждой формы по следующему плану:
а) значение формы глагола прошедшего времени; б) сфера ее функционирования в древнерусской письменности; в) использование ее в живой восточнославянской речи; г) история этой формы. Используйте учебные пособия.
4. Проанализируйте употребление форм прошедшего времени глаголов в «Слове о полку Игореве» по схеме: форма, грамматическое значение, тематическое/нетематическое спряжение, формообразующая основа, лицо, число.

ТЕМА 14. ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Составьте схемы образования всех форм причастий древнерусского языка (глагольная основа + суффикс). По этим схемам образуйте формы причастий от глаголов РЕЧИ, ИДТИ, СЛЫШАТИ.
2. Дайте исторический комментарий морфологических характеристик следующих современных форм: рос, рослый, росший; ползуч, ползучий, ползущий; двигая, двигавши, двигавший, двигал.
4. Объясните, с исторической точки зрения, сущность ошибки: Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа.
4. Проанализируйте употребление причастных форм в отрывке «Слове о полку Игореве» по схеме: формообразующая основа, краткая/полная форма, залог, время, род, число, падеж, синтаксическая функция. Перевод и анализ различий в современном русском языке.

ТЕМА 15. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

1. Приготовьте обзор, в котором определите следующие особенности синтаксического строя древнерусского языка: отличия от современного русского языка в способах выражения подлежащего (личные местоимения в функции подлежащего) и сказуемого (именная часть составного именного сказуемого – именительный предикативный, творительный предикативный существительного, краткого и полного прилагательного, краткого действительного причастия), в сочетаемости подлежащего и сказуемого; в структуре словосочетаний (двойной винительный падеж, двойной дательный падеж, двойной родительный падеж; предложное и беспредложное управление, конструкция «инфинитив + Им. п. ед. ч. сущ. ж. р. на -а»). Конструкция «Дательный самостоятельный» и ее эволюция; конструкция «цепного нанизывания» как база формирования сложносочиненного и сложноподчиненного предложений.

Источники: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. С. 368–393; Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. С. 22–53, 98–119; Павлович А. И. Таблицы по

исторической грамматике русского языка).

2. Каждое теоретическое положение сопроводите примерами из текстов Приписки дьякона Григория к Остромирову Евангелию, Приписки дьяка Иоанна к Изборнику 1073 года, Мстиславовой грамоты, «Повести временных лет», «Русской Правды», «Слова о Законе и Благодати», «Слова о полку Игореве».

СХЕМЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗБОРОВ

Схема анализа звукового состава слова и его эволюции

др.р. **РЫ|И** – закон открытого слога соблюден

[р] – согл., может быть тв./полумягк./мягк, в слоге – тв. | |

[ы] – гл., редуцированный, в сильной позиции, непереднего ряда | ЗСС+

[и] – гл., редуцированный, в слабой позиции, переднего ряда

1. процесс падения редуцированных (сер. XI – сер. XIII вв.)

[ы] → [о]

[и] → [j]

Схемы морфологического разбора частей речи

НО ХОЧОУ ВЫ ПОЧТИТИ НАОУТРИÆ ПРЕДЪ ЛЮДЬМИ СВОИМИ (Повесть вр. лет)

но – союз, первообразный, сочинительный, противительный

хочоу почтити – глагол, н. ф. почтити, совершенный вид, действительный залог, будущее время., форма сложного будущего абсолютного, 1-е л., ед. ч., сказуемое;

вы – местоимение, личное, 2-е л., мн. ч., В. п., энклитика (по В. В. Иванову)

наоутриæ – наречие, непервообразное, адвербиализованная форма предложно-падежного сочетания на + оутриæ (В. п. ед. ч. сущ. скл. с древней основой на *jǫ – оутрию);

предъ – предлог, первообразный;

людьми – существительное, н. ф. людие, склонение на *jь, только в форме мн. ч., Т. п.

своими – местоимение, н. ф. свои, неличное, притяжательное, местоименное склонение, Т. п., мн. ч.

Схема синтаксического разбора

СЪДАЩЮ ÆРОСЛАВОУ КНАЗЮ ИЗАСЛАВИЧЮ КЫЕВЪ ЪХА НА НЬ ИЗЪЗДОМЪ ЧЕРНИГОВЬСКИИ КНАЗЬ СТОСЛАВЪ (Лавр. лет., сер. XIV)

Предложение повествовательное, простое, двусоставное (КНАЗЬ СТОСЛАВЪ ЪХА); особенности древнерусского синтаксиса: конструкция «дательный самостоятельный» (СЪДАЩЮ ÆРОСЛАВОУ КНАЗЮ ИЗАСЛАВИЧЮ КЫЕВЪ), где причастие СЪДАЩЮ, согласуясь с существительным ÆРОСЛАВОУ, не согласуется со связанным с ним по смыслу местоимением НА НЬ (В. п.); беспредложное управление П.п. СЪДАЩЮ КЫЕВЪ (совр. сидящему в Киеве).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Раздел I. История русского языка как наука

- Каковы цели и задачи изучения курса «История русского языка»?
- Основные учебники и учебные пособия по курсу.
- Как историческое комментирование может использоваться на уроках русского языка и литературы? Приведите примеры.
- Назовите основные периоды в истории русского языка.
- Источники реконструкции системы древнерусского языка.
- Какова роль памятников письменности и современных народных говоров в восстановлении системы древнерусского языка? Позиции А. А. Шахматова и А. И. Соболевского, современных историков языка.
- Какое значение имеют топонимика, ономастика и заимствования для истории русского языка?
- Приведите примеры из современного русского языка, позволяющие реконструировать его древнее состояние.
- Сущность и приемы сравнительно-исторического метода языкознания.
- Две основные концепции возникновения восточнославянской письменности. Деловой и книжно-славянский типы письменности. Характеристика конкретных памятников.

Раздел II. Историческая фонетика

- Структура древнерусского слога (принцип восходящей звучности, законы открытого слога и слогового сингармонизма).
- Возможные сочетания согласных в древнерусском слоге.
- Праславянское упрощение групп согласных. Приведите примеры.
- Древнерусские гласные по месту образования и наличию редукции.
- Звонкость~глухость, твердость~мягкость древнерусских согласных. Полумягкие согласные. Сущность, хронология, роль в становлении категории мягкости~твердости вторичного смягчения полумягких.
- Происхождение и история звука [в], [j], [ф].
- Охарактеризуйте систему древнерусских гласных в сравнении с современным русским языком.
- Охарактеризуйте систему древнерусских гласных в сравнении с праиндоевропейским и праславянскими языками.
- Определите термины дифтонг, дифтонгическое сочетание. Почему эти звуковые элементы не сохраняются в праславянском языке?
- Назовите пути преобразования дифтонгов и дифтонгических сочетаний перед гласными, перед согласными, в конце слова.
- В чем особенности преобразования дифтонгических сочетаний с плавными от дифтонгических сочетаний с носовыми?
- Полногласие и неполногласие как закономерные звуковые соответствия, доказывающие их происхождение из единой праформы.

- Каково происхождение однокоренных слов *ладья–лодка, росток–растение*?
- Старославянизмы и восточнославянизмы как результат преобразований дифтонгических сочетаний плавных с редуцированными.
- Происхождение и история носовых гласных.
- Исторические чередования гласных в современном русском языке: *о/е, а/о, е/и, е/а, ело/оло/ле/ла, ере/оро/ре/ра, 'а/им, 'а/ен (ин), 'а /у, о/нуль звука, е/нуль звука, е/'о*.
- Охарактеризуйте сущность переходного смягчения согласных. Под влиянием каких звуков оно возможно?
- Палатализации *г, к, х*: время, условия осуществления и результаты, степень отражения в современном русском языке.
- Назовите чередования, возникшие вследствие йотовой палатализации.
- Справедливо ли утверждение, что слова с *щ* – *блещу, пущу, дощатый* являются старославянскими по происхождению?
- Назовите фонетические процессы древнерусского периода.
- В каких положениях в слове раньше всего происходит падение редуцированных?
- В чем сущность двойкой сочетаемости редуцированных с плавными и их преобразования после падения редуцированных? Отличия от старославянского языка.
- Следствия падения редуцированных в системе гласных.
- Следствия падения редуцированных в системе согласных. Одинаковы ли по происхождению упрощения групп согласных: *облако–обволакивать, трость–тро[сн]ик*?
- Следствия падения редуцированных в морфемно-слоговом составе слова.
- Следствия падения редуцированных, вызванные действием принципа аналогии.
- Каково происхождение современных флексий полных прилагательных *-ый/-ий/-ой/-ей*? вариантов суффиксов *имение–именье*?
- Когда в русской графике стала необходима буква *ё*?
- Сущность 3-й лабиализации. Почему *вареник, но ва[r'о]ный; перстень, но на[p'о]рсток; лес, но [л'о]н*?
- Какие процессы позволяют установить хронологию 3-й лабиализации?
- Каково качество древнерусского звука, передаваемого буквой *ѣ*? Отличие от старославянского звука. История звука в русском языке.
- В чем сущность перехода *гы, кы, хы* в *ги, ки, хи*?
- Охарактеризуйте отвердение *ж, ш, ц*. Как в памятниках письменности отражается этот процесс?
- Сущность, хронология и причины аканья.
- Почему аканье закрепилось как норма в русском литературном языке, хотя существуют окающие диалекты?

Раздел III. Историческая морфология

- Почему древнерусские существительные *владыка* и *жена* входят в один тип склонения?
- Как определяется принадлежность древнерусского существительного к тому или иному типу склонения?
- Каково происхождение современного мягкого и твердого вариантов одного и того же склонения *зима–земля, дом–конь, поле–окно*?
- К чему привела унификация типов склонения в единственном числе? во множественном числе? Приведите примеры отступлений от общего процесса.
- Как возникают варианты флексий существительных одного типа склонения в одном

падеже: *из дома – из дому, в столе – в порту, о свидании – о свиданье, костями – костью, столы – учителя – крестьяне?*

– Как сформировались современное 1-е склонение? 2-е склонение? 3-е склонение? группа разносклоняемых существительных?

– Можно ли согласиться с утверждением, что существительные двойственного числа утратились? Приведите реликты форм двойственного числа.

– Приведите древнерусские личные, возвратное, указательные местоимения.

– В чем изначальные отличия местоимений *тъ–та–то, съ–си–се, он–она–оно*? Какова их история?

– История местоимений *тот, этот*.

– Как возникают отличия *он–его, я–меня, она – к ней*?

– Какова связь становления категории определенности~неопределенности с образованием форм членных прилагательных?

– Как склонялись именные прилагательные в древнерусском языке? Реликты их склонения в современном русском.

– Почему полные прилагательные древнерусского языка называются местоименными, членными?

– Просклоняйте прилагательные *дедов (дом)* и *старый (дом)*. Объясните различия флексий.

– Охарактеризуйте формы степеней сравнения современных прилагательных с исторической точки зрения: *чище, белее, лучший, худший, кратчайший, предобрый, наибольший*.

– В чем отличия современных числительных *один, два, три, пять, десять, одиннадцать, двадцать, сорок, пятьдесят, сто* от их древнерусских аналогов?

– Охарактеризуйте основной процесс, приведший к формированию числительного как части речи.

– Отличия древнерусских и современных глагольных категорий вида, времени.

– Тематическое и нетематическое спряжение глаголов.

– Какие глагольные формы образуются от основ настоящего времени? от основ прошедшего времени?

– Прокомментируйте отличия древнерусских спрягаемых форм настоящего времени от старославянских и современных.

– Семантика форм прошедшего времени и их эволюция.

– Каково происхождение глагольной конструкции *я было пошел, но вернулся*?

– Каково происхождение современных форм императива *режь, смотри, дай, ешь*?

– Справедливо ли утверждение, что формы *буду читать, стану читать, хочу читать, начну читать* одинаковы в древнерусском и современном русском языках?

– Объясните омонимию форм глагола и существительного *стать (студентом) – (у ней особенная) статья*.

– Как связана конструкция «Дательный самостоятельный» с историей причастия?

– Как связано возникновение ошибки *Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа* с историей причастия?

– Справедливо ли утверждение, что формы *видя, взяв, шедши, будучи, лежащий, могущий, лежащий, могущий* морфологически одинаковы в древнерусском и современном русском языках?

Раздел IV. Исторический синтаксис

– Прокомментируйте особенности древнерусских синтаксических форм (составное именное сказуемое, сочетаемость подлежащего и сказуемого, конструкции с двойными косвенными падежами, предложное и беспредложное управление, конструкция «инфинитив + Им. п. ед. ч. сущ. ж. р. на -а», конструкция «Дательный самостоятельный», конструкция «цепного нанизывания»), используя следующие контексты:

1. КИЙ ЕСТЬ ПЕРЕВОЗНИКЪ БЫЛЪ. 2. ХОДИША КОРЕЛА НА ЕМЬ. 3. КДЕ СОУТЬ ДРОУЖИНА НАША? 4. ПОСТАВЛЮ ОУНОШУ КНЯЗЯ ИМЪ. 5. НЕ БЫТИ НАМЪ ЖИВЫМЪ ОТЪ ТЕБЕ. 6. НЕ ДАША ЕГО ЖИВА. 7. МСТИСЛАВОУ СЪДЯЩЕМОУ НА ОБЪДЪ ПРИДЕ ЕМУ ВЪСТЬ. 8. ИДОУЧИ МИ СЪМО ВИДЪХЪ БАНИ ДРЕВЕНЫ (Повесть временных лет). 9. ТОГО ЖЕ ЛЬТА ПОИДЕ КНЯЗЬ ОЛЕКСАНДРЪ ВЪ ТАТАРЫ (Суздальская летопись). 10. И ДОШЕДЪ ПЛЬСКОВА РАЗБОЛЕ СЯ. 11. БОУДЪТЕ ХОЛЪПЪ ОУБИТЬ ОДНА ГРИВНА СЕРЕБРА ЗАПЛАТИТИ (Смоленская грамота, 1229). 12. УСТАВИША ВЗЯТИ ГРИВНА КОУНЪ ЗА СОРОМЪ (Русская Правда). 13. НЕ ВАЮ ЛИ ХРАБРАЯ ДРОУЖИНА РЫКАЮТЬ АКЫ ТОУРЫ (Слово о полку Игореве). 14. ОЧИМА БО ПЛАЧЮТЬ СО МНОЮ, А СЕРДЦЕМЪ СМЪЮТЬ МИ СЯ (Моление Даниила Заточника).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ

СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ

Рейтинговая система оценки знаний студентов, основанная на индивидуальном кумулятивном индексе (ИКИ) / рейтинге студента, предполагает текущий, промежуточный и итоговый контроль. Результаты оцениваются в баллах, которые суммируются и составляют ИКИ студента – рейтинг. Текущий контроль предполагает, что студент должен отчитываться по теме каждого занятия. Промежуточный контроль проводится по модулям тем, на которые разбит предмет. Итоговый контроль (зачет и экзамен) учитывает все виды работ. Условием допуска к зачету и экзамену является выполнение всех предложенных видов работ и рейтинг, в котором не менее 70 % баллов по отношению к максимальному. Автоматически по результатам рейтинга оценка «отлично» выставляется за 95–100 % баллов; «хорошо» – за 90–94 %; «удовлетворительно» – за 70–89 %. Студент имеет право, не согласившись со своим рейтингом, сдавать устный экзамен, однако результат его может превысить рейтинговый только на один балл.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ И ТЕСТЫ

ТЕКУЩИЙ (Т.К.) И ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ (П.К.) КОНТРОЛЬ

Т.К. 1 – 7 баллов (обзор учебников / лекция: знание структуры и содержание основных учебников по исторической грамматике):

1.1. Ученый и его работа, в которой впервые изложена комплексная программа изучения истории русского языка.

1.2. Автор учебника, в котором впервые введен исторический подход к фактам современного русского языка.

2.1. В каком учебнике дан анализ языковых особенностей древнерусских памятников

письменности: «Русская Правда», Поучения Владимира Мономаха, «Повесть временных лет», «Слово о Законе и Благодати», «Слово о полку Игореве»?

2.2. В каком учебнике, кроме анализа истории звуковой и грамматической систем русского языка, даются разделы «Развитие словарного состава русского языка» и «Краткие сведения о развитии исторической грамматики русского языка и о наиболее важных пособиях для углубленного изучения курса»?

3. Различия в структуре учебников исторической грамматики русского языка В. В. Иванова и К. В. Горшковой, Г. А. Хабургаева.

4. Какие источники вы рекомендовали бы для исторического объяснения фактов современного русского языка в средней школе?

5. Запишите цифры, под которыми идут характеристики 5. 1. Словаря И. И. Срезневского и 5. 2. Словаря П. Я. Черных: 1) словарь отражает лексический состав современного русского языка; 2) словарь отражает лексический состав древнерусского языка; 3) словарь совпадает по цели составления со «Словарем русского языка XI–XVII вв.»; 4) словарь совпадает по цели составления со словарем М. Фасмера; 5) словарная статья построена так: слово, значение, иллюстративный материал с названием источников; б) слово, значение, слова-соответствия в родственных языках, праформа или источник заимствования.

Т.К. 2 – 7 баллов (языковое родство / лекция: знание источников изучения языковой истории и различных типов классификаций языков мира)

1. Перечислите основные источники изучения истории русского языка.

2. Приведите пример, как современные народные говоры могут дать материал для реконструкции древнего языкового состояния.

3. При изучении древнерусского языка по памятникам письменности надо иметь в виду, что особенности живых древнерусских говоров отражаются а) в памятниках богослужебных; б) в деловой письменности.

4. Русский, мордовский, татарский языки. – а) При какой классификации эти языки входят в одну группу? – б) При какой классификации эти языки входят в разные группы?

5. Санскрит, хеттский, древнегреческий, латинский, готский. – Дополните этот ряд, укажите объединяющий эти языки признак/признаки.

6. Объясните термин – индоевропейская языковая семья.

Т.К. 3 – 3 балла (славянские языки / лекция: знание классификации и истории славянских языков)

1. Определите термин «праславянский язык».

2. Перечислите группы славянских языков.

3. Приведите доказательства того, что венеды – это праславяне.

Т.К. 4 – 5 баллов (самостоятельная работа: знание истории возникновения древнерусской письменности)

Составление аналитической работы по заданию, указанному в разделе «Методические рекомендации по подготовке к лабораторным занятиям. ТЕМА 2. Вопрос 2».

Т.К. 5 – 6 баллов (теоретический опрос по теме «Сравнительно-исторический метод языкознания»: знание терминов и истории)

1. Суть сравнительно-исторического метода.

2. Родоначальники сравнительно-исторического языкознания.
3. Родоначальники славянского сравнительно-исторического языкознания.
4. Принципы сравнительно-исторического метода.
5. Принцип, на основе которого строится типологическая классификация языков.
6. Принцип, на основе которого строится ареальная классификация языков.
7. Принцип, на основе которого строится генеалогическая классификация языков.
8. Понятие языкового родства.
9. Понятие закономерного звукового соответствия.
10. Понятие праязыка.
11. Понятие праформы.
12. Историческое объяснение изменения морфемной структуры слова.

Т.К. 6 – 15 баллов (кириллица / практическое занятие: знание определений старославянского, церковнославянского, древнерусского, праславянского языков и кириллического алфавита)

1. Старославянский язык – это а) язык живого, разговорного общения всех славян IX в.; б) язык письменный; в) язык, специально созданный; г) язык, сложившийся стихийно; д) язык первых славянских переводов богослужебных книг с древнегреческого; е) язык славянских переводов «Истории иудейских войн» Иосифа Флавия и «Илиады» Гомера.
2. Константин и Мефодий перевели на славянский язык Библию, Евангелие, Псалтырь, Кондакарь, Апостол. – Ненужное зачеркнуть.
3. Старославянский язык был понятен всем славянам IX–XI вв., потому что...
4. Спеллинговый диктант.
5. Перевод записанного текста.
6. Дайте толкование ФЕ, исходя из значения их структурных компонентов.
7. Приведите по одному названию кириллического и глаголического памятников древнерусской письменности.

Т.К. (на протяжении учебного года) – по 1 баллу (чтение, перевод текста; источниковедческая характеристика памятника)

Т.К. 7 – 1 балл (законы построения древнерусского слога / лекция: знание сути законов)

Почему именно сочетания звуков «мягкий согласный + гласный переднего ряда» / «твердый согласный + гласный непреднего ряда» соответствуют закону слогового сингармонизма?

Т.К. 8 – 2 балла (законы построения древнерусского слога / лекция: знание законов и умение доказать их реализацию в древнерусском слове)

Докажите, что законы соблюдены: КРЪВЬ / КЛАТИ.

Т.К. 9 – 14 баллов (редуцированные гласные / практическое занятие: знание позиций редуцированных, умение реконструировать форму слова до процесса падения редуцированных)

Вариант 1

1. Определите позиции редуцированных: ХЛЪБЪЦЬ, СВОИ, ПРАВЛЕНИЮ, МЫЖ, ПИИ, ЧЕРЬНЫИ, СЪДРЪЖ Ю ШЕ.

2. Запишите по-древнерусски: *сотня*.

Вариант 2

1. Определите позиции редуцированных: ЧЬТЬЦЬ, ВЬСЪХЪ, СЪДРАВЬСТВОУИТЕ, ГРИВЪНЪ, РЫЉ, НОЧИИ, КРАСЬНЫИ.

2. Запишите по-древнерусски: *замок*.

Вариант 3

1. Определите позиции редуцированных: ВЪ КОТЬЛЪ, ВЪЗЬМОУ, СЪДРАВЬСТВОУИТЕ, ВЬСЪХЪ, РЫЉ, СВИНИИ, ПИЮШИ.

2. Запишите по-древнерусски: *дно*.

Вариант 4

1. Определите позиции редуцированных: ЧЬСТЬНЪ, СЪДРЬЖЮШЕ, ВОЕВЪДСТВО, МЫИ, ЛИЉ, КОСТИИ, ИСТЪБЪКА.

2. Запишите по-древнерусски: *назвать*.

Вариант 5

1. Определите позиции редуцированных: БЛИЗНЬЦЬ, СЪМЪРТЬ, ВЪЗЬМОУ, ЛИИ, МЫЉ, КРАСЬНЫИ, ДВЕРИИ.

2. Запишите по-древнерусски: *носок*.

Вариант 6

1. Определите позиции редуцированных: ИМЕНИЮ, ЗЯТИИ, ПИЮШИ, ЧЬСТЬНЫИ, ШИЉ, ВЪ КОТЬЛЪ.

2. Запишите по-древнерусски: *чашка*.

Т.К. 10 – 18 баллов (происхождение гласных и чередования гласных / практическое занятие: знание происхождения гласных, умение объяснить современные чередования)

Вариант 1

1. Укажите, как изменяется данная праформа в последующие периоды языкового развития: и.е. *gěnā, и.е. *zvērīš.

2. Объясните чередования гласных: *озарение–зори, плести–плот, беру–брать–выбирать, замок–замыкать–замкну, ковать–кузнец, память–вспоминать, огород–оградить, день–дня, растение–рост*.

Вариант 2

1. Укажите, как изменяется данная праформа в последующие периоды языкового развития: и.е. *göstīš, и.е. *īmen.

2. Объясните чередования гласных: *бить–боец, скакать–вскочить, плести–плот, постель–постилать–постланный, горевать–горюет, темно–тьма, короткий–краткий, звонить–звук, равнина–ровный*.

Вариант 3

1. Укажите, как изменяется данная праформа в последующие периоды языкового развития: и.е. *svoitūs, и.е. *zentīs.

2. Объясните чередования гласных: *сито–сеялка, макать–промокнуть, нести–ноша, умер–умирать–умру, жатва–сжинать, плевать–плюну, пень–пня, загородить–ограда, разница–розница*.

Вариант 4

1. Укажите, как изменяется данная праформа в последующие периоды языкового развития: и.е. *deitent, и.е. *veitī (особая интонация).

2. Объясните чередования гласных: *гореть–загар, запереть–запор–запру, стирать–стереть–сотру, посылать–послать–посол, снять–снимать, совать–суну, сон–сна, прервать–перервать, розыск–разыскать.*

Т.К. 11 – 17 баллов (чередования согласных / лекция: умение выявлять результаты переходного смягчения и определять закономерные звуковые соответствия)

Выпишите все слова, в которых есть согласные, являющиеся результатом переходного смягчения, из стихотворения А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Приведите закономерные звуковые соответствия.

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

Т.К. 12 – 5 баллов (палатализация согласных / внеаудиторный устный опрос: знание закона слогового сингармонизма, классификации согласных по мягкости~твердости, сущности, условий и хронологии процесса вторичного смягчения полумягких, трех палатализаций заднеязычных, йотовой палатализации)

Т.К. 13 – 20 баллов (исторические чередования гласных и согласных / практическое занятие: знание происхождения гласных и согласных, умение объяснить исторические чередования)

Вариант 1

1. Докажите действие законов открытого слога и слогового сингармонизма, изложите историю звуков до современного состояния: ЗАМЪКЪ.
2. Объясните чередования гласных в словах: *запру–запирать–запереть–запор, посол–послать–посылать, мять–сминать, битва–боевой, передел–предел, лить–лью.*
3. Объясните чередования согласных в словах: *бег–бежит, дыхание–дышать, век–вечный, саженец–садится–насаждается, могу–мочь–мощный, краткий–вкратце.*
4. Изложите историю праформы: и.е. *gansī.

Вариант 2

1. Докажите действие законов открытого слога и слогового сингармонизма, изложите историю звуков до современного состояния: ВЪСЪХЪ.
2. Объясните чередования гласных в словах: *сотня–сотен, ложе–лежать, ночевать–ночует, гореть–загар, отберу–отбираю–брать–отбор, короткий–вкратце.*

3. Объясните чередования согласных в словах: *муха–мушиный, крик–кричать, скука–скучный, привет–привечать–совещаться, ночь–полунощная–ноктюрн, лик–лицо.*

4. Изложите историю праформы: и.е. *gǣnā.

Вариант 3

1. Докажите действие законов открытого слога и слогового сингармонизма, изложите историю звуков до современного состояния: ЧЬСТЬНЪ.

2. Объясните чередования гласных в словах: *конец–концы, стол–стелить, снять–снимать, замер–замирать–замру–заморыш, ворота–привратник, носить–изнашивать.*

3. Объясните чередования согласных в словах: *человек–человечий, рыкать–рычащий, нога–ножка, родить–рождение–роженица, могу–мочь–мощный, князь–княгиня.*

4. Изложите историю праформы: и.е. *kǫstīs.

Вариант 4

1. Докажите действие законов открытого слога и слогового сингармонизма, изложите историю звуков до современного состояния: КОНЬЦЬ.

2. Объясните чередования гласных в словах: *рыть–рою, стол–стелить–настил–постланный, голос–гласность, прилагать–приложить, принять–принимать, надрать–надеру–надирать.*

3. Объясните чередования согласных в словах: *скакать–вскочит, бег–бежать, река–речка, нудный–нужда–нужный, ночь–полунощная–ноктюрн, прорицатель–пророк.*

4. Изложите историю праформы: и.е. *sǣmen.

Т.К. 14 – 25 баллов (старославянизмы и восточнославянизмы / практическое занятие: знание закономерных звуковых соответствий в древнерусском и старославянском языках и фонетических процессов, приведших к их образованию; умение найти в тексте старославянизмы и восточнославянизмы, реконструировать их праформу)

Выпишите все старославянизмы из приведенных текстов, укажите праформы и соотносительные восточнославянизмы.

Вариант 1

Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе. Не так ли

Мы смолоду влюбляемся и алчем

Утех любви, но только утолим

Сердечный глад мгновенным обладаньем,

Уж, охладев, скучаем и томимся?..

Напрасно мне кудесники сулят

Дни долгие, дни власти безмятежной –

Ни власть, ни жизнь меня не веселят;

Предчувствую небесный гром и горе.

Мне счастья нет. Я думал свой народ

В довольствии, во славе успокоить,

Щедротами любовь его снискать –

Но отложил пустое попеченье:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых.

Безумны мы, когда народный плеск

Иль ярый вопль тревожит наше сердце!
Бог насылал на нашу землю глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы –
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветой.

А. Пушкин. Борис Годунов

Вариант 2

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? единый бог. Кто смеет
Противу их? никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на кlobук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумном богомольным.
Я видел здесь – вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от дневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный;
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.

Он говорил игумну и всей братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья...
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася,
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Душе его страдающей и бурной.

А. Пушкин. Борис Годунов

Вариант 3

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.
Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стопа,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для похоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.

А. Пушкин. Деревня

Вариант 4

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движенье вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в трех ликах божества!

Дух, всюду сущий и единый...
Ты есть! Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет:
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал духов Ты небесных
И цепь существ связал Ты мной.
Я связь времен повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом грома повелеваю,
Я царь, – я червь, я раб, – я Бог!
Но будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен,
А сам собой я быть не мог.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмерно бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое.

Г. Р. Державин. Бог

Т.К. 15 – 5 баллов (история дифтонгов и дифтонгических сочетаний / устный опрос: знание причин и результатов преобразования праиндоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний)

1. Дифтонг (определение, структура).
2. Дифтонгическое сочетание (определение, структура).
3. Слоговой и неслоговой элементы дифтонгов.
4. Слоговой и неслоговой элементы дифтонгических сочетаний.
5. Дифтонгические сочетания с плавными (структура).
6. Почему не сохранились в праславянскую эпоху праиндоевропейские дифтонги и дифтонгические сочетания?
7. Сохраняются ли в праславянскую эпоху праиндоевропейские дифтонги и дифтонгические сочетания перед гласными?
8. Монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Примеры.

9. Что такое прасл. *tort?
10. Что такое прасл. *olt?
11. Как преобразуется и.е. *tent?
12. Как преобразуется и.е. *tert?
13. Как преобразуется и.е. *telt?
14. Как преобразуется и.е. *tolt?
15. Как преобразуется и.е. *tomt?
16. В результате чего получились варианты приставки *расписание–роспись*?
17. В результате чего появились варианты корня *ладья–лодка*?
18. Индоевропейские и праславянские гласные (отличия).
19. Как образовался прасл. *ě?
20. Полногласие / неполногласие (определение).
21. Фонетические процессы в системе гласных в прасл. *telt.

Промежуточный контроль

П.К. 1 – 36 баллов (обобщающий контроль по исторической фонетике / практическое занятие)

Вариант 1

1. Изложите историю звуков в слове с XI в.: НАЧАТИ.
2. Объясните чередования гласных в словах: *пень–пня, загар–загореть, отпирать–отпереть–отпру–отпор, прослыть–прославиться, вейка–вить–вью–вей, начать–начинать, глава–голова, ведро–вёдра*.
3. Объясните чередования согласных в словах: *молчать–умокнуть, книга–книжка, сажать–насаждать–садиться*.
4. Объясните расхождения в написании и произношении слов: *дерзкий, сосед, детский*.
5. Укажите старославянизмы и древнерусизмы, приведите праформы, назовите процессы: *пещера, освещение, стужа, Есенин, разведка, преждевременный, копьё, привидение*.

Вариант 2

1. Изложите историю звуков в слове с XI в.: КЪНАЗЬ.
2. Объясните чередования гласных в словах: *мох–мха, утварь–творить, стелить–постилать–стлаться–стол, плыть–пловец, сито–сеять, мыть–мою, пить–пью, сжать–сжимать, шлем–ошеломить, Пётр–Петра*.
3. Объясните чередования согласных в словах: *крикнуть–кричать, рука–ручной, отворотить–отворотить–отвращение*.
4. Объясните расхождения в написании и произношении слов: *лодка, ров, припоздниться, скучно*.
5. Укажите старославянизмы и древнерусизмы, приведите праформы, назовите процессы: *полнощный, наслаждение, пригород, просвещение, хладнокровный, яблоко, течение, Мария, крестный (отец)*.

Вариант 3

1. Изложите историю звуков в слове с XI в.: ПАМАТЬ.
2. Объясните чередования гласных в словах: *весь–вся, вскочить–скакать, замок–закрывать–замкну, ковать–кузнец, петух–пою, брить–брею, лить–лью, мять–разминать, пленница–полонянка, село–сёл*.
3. Объясните чередования согласных в словах: *дрогнуть–дрожать, дух–душный, передний–прежний–прежде*.

4. Объясните расхождения в написании и произношении слов: *сбежав, конечно, злостный*.
5. Укажите старославянизмы и древнерусизмы, приведите праформы, назовите процессы: *мощный, превращение, сторож, одновременный, ограждение, юноша, София, бытьё*.

Вариант 4

1. Изложите историю звуков в слове с XI в.: *СьДѣСь*.
2. Объясните чередования гласных в словах: *сон–сна, касание–прикосновение, забирать–заберу–забратъ–забор, покрыть–покров(ъ), рыть–рою, дети–доярка, жать–пожинать, деревянный–древесный, плету–плётка*.
3. Объясните чередования согласных в словах: *дышать–дыхание, нога–ножной, огород–огорожу–ограждать*.
4. Объясните расхождения в написании и произношении слов: *узкий, состав, грустный*.
5. Укажите старославянизмы и древнерусизмы, приведите праформы, назовите процессы: *беречь, сокращение, одежда, один, расписание, коротковолосый, Наталья, крестник*.

П.К. 2 (хронология фонетических процессов и история современных чередований / зачетный устный опрос)

1. Назовите процессы:

К середине X века процесс завершен.

К середине XI века процесс завершен.

Процесс осуществлялся на протяжении середины XI – середины XIII века.

На протяжении XII–XIII веков согласные изменили свое качество.

К середине XIV века согласные изменили свое качество.

К XVI веку согласный изменил свое качество.

Процесс осуществлялся на протяжении конца XII – начала XVI века.

Процесс осуществлялся на протяжении XV–XVI веков.

2. В какой период языкового развития возникает чередование? Причина его возникновения:

лежать – ложе

облако – облачный

лежать – лёжа

рог – рожок

загар – загорелый

лицевой – личный

надутый – надменный

купить – купля

город – ограда

клад – поклажа

подросток – подрастает

дочь – дочь

превратить – превращение

лить – лью

3. Чем вызвано различие в звуковом составе этимологически однокоренных слов: *обволоку – облако, долото – долбить, меркнуть – сумеречный, берцовая (кость) – бедро, печка – пещера, начало – конец, Швецов – Шевцов, калач – колесо, Евдокия – Авдотья*.

Т.К. 16 – 46 баллов (повторение фонетических процессов / 2-е лабораторное занятие 2-го семестра)

Вариант 1

1. Был ли прасл. *j в словах: *зима, земля, вижу, ловлю?*
2. Запишите по-древнерусски: *жечь, след, лицо, шов, хитрый*.
3. Объясните чередования: *крою–крыть, бить–бью–бей*.
4. Какое произношение согласного [в] из сохраняющихся в современном русском языке наиболее древнее: [лафка], [насоф] или [траўка], [узять]?

5. Объясните происхождение вариантов слов: *печенье – печение, Мария – Марья*.
6. Какие процессы привели к образованию слов: *житие – житьё, небо – нёбо*?
7. Объясните расхождения в современном написании и произношении слов: *устный, конечно, сбежать*.
8. Распределите слова по происхождению на неславянские, старославянские, древнерусские: *питьё, безнадёжный, утро, равнина, дюны, насаждать, экран, ворочать, кефир, алый, ягнёнок*.

Вариант 2

1. Был ли прасл. *j в словах: *рука, роца, люблю, вяжу*?
2. Запишите по-древнерусски: *шел, метла, плечо, значок, гибнуть*.
3. Объясните чередования: *мыть – мою, пить – пью – пей*.
4. Какое произношение согласного [в] из сохраняющихся в современном русском языке наиболее древнее: [фтарой], [кароф] или [деўка], [унук]?
5. Объясните происхождение вариантов слов: *плетение – плетенье, Наталия – Наталья*.
6. Какие процессы привели к образованию слов: *бытие – бытьё, перстень – напёрсток*?
7. Объясните расхождения в современном написании и произношении слов: *грустный, скучный, сгребать, моей*.
8. Распределите слова по происхождению на неславянские, старославянские, древнерусские: *тюрьма, яблоко, укороченный, развалины, литьё, перекрёсток, посвящать, едва, кефаль, армия, эволюция*.

Т.К. 17 – 5 баллов (проверка темы 7 для самостоятельного изучения «Внутренние законы развития грамматического строя языка: закон аналогии, закон дифференциации, закон абстрагирования» / лекция)

Т.К. 18 – 5 баллов (система склонения древнерусских существительных / устный внеаудиторный опрос):

1. Дискуссия о количестве типов склонения.
2. Алгоритм определения типа склонения.
3. Что дает для изучения древнерусских типов склонения запись: и.е. *dŭktŕ?
4. Отличие в принципах распределения существительных по типам склонения в древнерусском и современном языках.
5. Назовите по одному существительному каждой разновидности, входящей в следующий тип склонения: *ā / *ū / *ǫ / *ĩ / *ŭ / *jǫ / *jā / *r / *n / *s / *t.
6. Объясните, каким образом установилась принадлежность к мягкому типу склонения существительных ОТЬЦЬ, ДѢВИЦА.
7. Какой древнерусский тип склонения включает существительные:
 - только женского рода,
 - мужского рода,
 - среднего рода,
 - мужского и женского родов,
 - мужского и среднего родов?
8. Определите термин «выравнивание основ за счет их расширения». В каких типах склонения оно происходит?
9. Определите термин «выравнивание окончаний в пределах одного падежа». В каких типах склонения в ед.ч. оно происходит?

10. Отличие процесса унификации в ед. и мн. ч.
11. Изложите историю существительных склонения на *ā/*jā, *ū, *ǫ/*jǫ, *ї, *ǔ, *r, *n, *s, *t.
12. Назовите реликты типов склонения на *jā, *jǫ, *ū, *ї, *ǫ, *t.
13. Флексии какого типа склонения закреплены в ходе унификации в Д., Т., М. мн. ч.?
14. Объясните вариативность флексий:
(сын) сыны – сыновья,
костьми – костями,
берега – столы – крестьяне,
берегов – крестьян – коней,
чая – чаю,
о Марии – о Татьяне.
15. Приведите примеры исконных форм 3. п.
16. Причины утраты особой формы 3. п.
17. Значение, состав парадигмы древнерусского дв. ч.
18. Причины утраты категории дв. ч.
19. Как и когда происходит утрата дв. ч.?
20. Реликты дв. ч. в современном русском языке.

Т.К. 19 – 8 баллов (система склонения древнерусских существительных / лекция: знание распределения существительных по типам склонения)

1. Приведите существительные каждой разновидности, входящей в следующий тип склонения:
 1 вариант: *ā, *jǫ, *ї м. р., *n; 2 вариант: *jā *ǫ, *ǔ, *t, *ї ж. р.
2. Склонения, в которые входят существительные только: 1 вариант – ж. р.; 2 вариант – м. р.

Т.К.20 – 12 баллов (система склонения древнерусских существительных / практическое занятие: знание типов склонения, их эволюции, реликтов в современном русском языке)

Вариант 1

1. Укажите развитие этой праформы в праславянском, древнерусском и современном русском языке, определите тип склонения в древнерусском языке: и.е. *pontīs, и.е. *tūkū.
5. Как возникли варианты окончаний в современном русском языке (окончание, тип древнерусского склонения, процесс): *о Наталье – о Наталии, чашка чая – чашка чаю?*
6. Определите тип склонения в древнерусском языке: ПЪТИЦА, ТЪЛЩА, ВЪПЛЬ, ЛОКЪТЬ, ИМЯ, СЛОВО.
7. Как возникли различия основ современного существительного в ед. и мн. ч.: *тело – тела / телеса.*

Вариант 2

1. Укажите развитие этой праформы в праславянском, древнерусском и современном русском языке. определите тип склонения в древнерусском языке: и.е. *sěmen, и.е. *dǫmŭs.
2. Как возникли варианты окончаний в современном русском языке (окончание, тип древнерусского склонения, процесс): *о печенье – о печении, ложка меду – ложка меда?*
3. Определите тип склонения в древнерусском языке: ТОУЧА (др.р. тоукъ – жир), БОГЫНИ, СТОРОЖЬ, ЗЯТЬ, КОУПЛЯ, ТЪЛО.
4. Как возникли различия основ современного существительного в ед. и мн. ч.: *имя – имени.*

Вариант 3

1. Укажите развитие этой праформы в праславянском, древнерусском и современном русском языке. определите тип склонения в древнерусском языке: и.е. *zěmjā, и.е. *krŭ.
2. Как возникли варианты окончаний в современном русском языке (окончание, тип древнерусского склонения, процесс): *кусок сахара – кусок сахару, про варение – варенье?*
3. Определите тип склонения в древнерусском языке: ПОУСТЫНИ, КРАИ, СТОУЖА, ГОУСЬ, ЖОУРАВЛЬ, КАМЫ.
4. Как возникли различия основ современного существительного в ед. и мн. ч.: *теленок – телята.*

Т.К. 21 – 9 баллов (история местоимений / лекция: знание терминологии по теме)

1. Каким термином определяется явление при склонении: Вариант 1 – *я / меня*; Вариант 2 – *он / его*? Укажите эпоху возникновения явления.
2. Укажите аналогичные явления в формообразовании других частей речи.
3. Термин 'энклитика': определение, примеры.
4. Укажите разряд местоимения ЮТЕРЪ / КЫИ.

Т.К. 22 – 4 балла (история местоимений / лекция: знание значений древних указательных местоимений)

1. Разряд и значение местоимения ТЪ–ТА–ТО?
2. Разряд и значение местоимения ОНЪ–ОНА–ОНО?
3. Разряд и значение местоимения СЬ–СИ–СІЄ?
4. Разряды праславянских местоимений, участвующих в образовании современного личного местоимения 3-го лица?

Т.К. 23 – 18 баллов (история местоимений / практическое занятие: знание учебной литературы, умение анализировать различные точки зрения, сопоставлять их и делать обобщения)

Выявите точки зрения ученых на предложенные Вам вопросы, опишите их, сделайте вывод, в котором укажите различия и сходства точек зрения.

Вариант 1

1. Происхождение личного местоимения 1-го л. ед.ч.
2. История преобразования др.р. ТОБЪ, СОБЪ – совр. *тебе, себе.*

Вариант 2

1. История образования местоимения *этот.*
2. Объясните изменения в формах косвенных падежей: др.р. КЪТО, ЧЪТО – ЦЪМЬ, ЧИМЬ → совр. *кем, чем.*

Литература обязательная: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка; Кузнецов П. С., Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка; Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка.

2 источника на выбор: Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка; Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка; Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка;

Т.К. 24 – 34 балла (история прилагательного / практическое занятие – письменный опрос: знание древнерусского формообразования прилагательных, история современных форм)

1. Первичные формы прилагательного.
2. Объясните термин «именные прилагательные». Приведите пример.
3. Приведите примеры именного склонения прилагательных в современном русском языке.
4. Объясните термин «членные прилагательные». Приведите пример образования формы И. ед. м. р.
5. Объясните термин «местоименные прилагательные». Приведите пример.
6. Как семантически различались формы прилагательного в начальный период древнерусского языка: СИНЕ МОРЕ – СИНЕЮ МОРЕ?
7. Синтаксические функции современных полных и кратких прилагательных совпадают с древнерусскими. Да – нет. Почему?
8. Укажите отличия между падежными формами: Р. ед. м. р. НОВА – НОВААГО – НОВАГО – НОВОГО.
9. Дайте морфологические характеристики форм и укажите, как они образуются, каково их происхождение: ПРЪДОБРЪ, ПРЪДОБРЫИ, НАИДОБРЪЕ, ВЕЛЪМИ ДОБРЪ, ХУЖЕ, ХУЖИИ.
10. Дайте исторический комментарий следующим современным формам: *новее, богаче, выше, больше, менее, добрейший*.
11. Каково происхождение флексий современного прилагательного:
ед. *отцов дом, отцова дома, отцову дому, отцовым домом, об отцовом доме*; мн. *отцовы дома, отцовых домов, отцовым домам, отцовыми домами, об отцовых домах*.
12. Образуйте притяжательное прилагательное от др.р. ДЪЧИ и назовите фонетические и морфологические процессы, которые произошли в нем.
13. Прокомментируйте происхождение современных названий: *Ярославль – Ярославский (вокзал)*.
14. Прокомментируйте формы прилагательных: *Нивы сжаты, рощи голы, от воды туман и сырость* (Есенин); *И славны русски племена, не меркнув никогда, сияют* (Сумароков).

Т.К. 25 – 4 балла (история счетных слов / лекция: знание частеречной принадлежности древнерусских счетных слов и их синтаксических связей):

1. Вариант 1. Укажите счетное прилагательное, имеющее наименьшее счетное значение.
Вариант 2. Укажите счетное прилагательное, имеющее наибольшее счетное значение.
2. Вариант 1. Укажите счетное существительное типа склонения на *ѡ.
Вариант 2. Укажите счетное существительное типа склонения на согласный.
3. Вариант 1. Укажите главное слово и тип синтаксической связи в счетном словосочетании ПЯТЬ ДЕСЯТЕ.
Вариант 2. Укажите главное слово и тип синтаксической связи в счетном словосочетании ДЪВА ДЕСЯТИ.

Т.К. 26 – 30 баллов (история имен / практическое занятие: знание истории существительного, прилагательного, местоимения, числительного)

Вариант 1

1. Приведите древнерусскую форму и и.е., прасл. праформы современного существительного *котенок*. Объясните изменения.
Какое существительное полностью сохранило в современном русском языке

древнерусскую парадигму склонения в ед. ч.?

2. Объясните происхождение отличающихся от современных окончаний прилагательных и причастий: *Белеет парус одинокой...* (Лермонтов); *Утро туманное, утро седое, Нивы усталыя, снегом покрытыя...* (Тургенев).

3. Почему в современном русском языке: *он – его*? Назовите процесс, его хронологию, причины.

Почему в современном русском языке: *она – к ней*? Назовите процесс, хронологию, причины.

4. Как образовались числительные *полтора, пятьдесят, пятнадцать*?

5. Проведите морфологический разбор всех имен в тексте: ПРЪДАЛЪ ГРАДЪ СВЯТЪИ БОГОРОДИЦИ, ЕИ ЖЕ И ЦЕРКОВЬ НА ВЕЛИКЫИХЪ ВРАТЪХЪ СОЗДА ВЪ ИМЯ ПЕРВААГО ПРАЗДНИКА СВЯТААГО БЛАГОВЪЩЕНИЯ (Слово о Законе и Благодати)

Вариант 2

1. Приведите древнерусскую форму и и.е., прасл. праформы современного существительного *колесо*. Объясните изменения.

Какое существительное полностью сохранило в современном русском языке древнерусскую парадигму склонения в ед. ч.?

2. Объясните происхождение отличающихся от современных окончаний прилагательных и причастий: *И жало мудрыя змеи в уста замершие мои Вложил десницею кровавой; И гордый внук славян, И финн, и ныне дикой тунгус...* (Пушкин).

3. Почему в современном русском языке: *она – ее*? Назовите процесс, его хронологию и причины.

Почему в современном русском языке: *он – за ним*? Назовите процесс, его хронологию и причины.

4. Как образовались числительные *полтора, шестьдесят, шестнадцать*?

5. Проведите морфологический разбор всех имен в тексте: НЕ ЛЪПО ЛИ НЫ БЯШЕТЬ, БРАТИЕ, НАЧАТИ СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ ТРУДНЫХЪ ПОВЪСТЕЙ О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ СВЯТЪСЛАВЛИЧА! НАЧАТИ ЖЕ СЯ ТЪИ ПЪСНИ ПО БЫЛИНАМЪ СЕГО ВРЕМЕНИ, А НЕ ПО ЗАМЫШЛЕНИЮ БОЯНЮ (Слово о полку Игореве)

Т.К.27 – 30 баллов (морфологический анализ глагольных форм в одном из рекомендованных древнерусских текстов / практическое занятие).

Т.К.28 – 30 баллов (анализ синтаксических особенностей одного из рекомендованных древнерусских текстов / практическое задание)

ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Глинкина Л. А. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка : сб. табл., упражнений, материалов для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов / Л. А. Глинкина, А. П. Чередниченко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 208 с.

Горшкова К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М. : Высш. школа, 1981. – 359 с.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1990. – 400 с.

- Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка / П. С. Кузнецов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 306 с.
- Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение / В. М. Марков. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 145 с.
- Павлович А. И. Таблицы по исторической грамматике русского языка / А. И. Павлович. – М. : Просвещение, 1963. – 52 с.
- Русинов Н. Д. Хронология фонетических процессов древнерусского языка / Н. Д. Русинов. – Горький : Изд-во Горьк. ун-та, 1986. – 80 с.
- Селищев А. М. Старославянский язык: в 2 ч. / А. М. Селищев. – М. : Учпедгиз, 1951. – Ч. 1. – 336 с.
- Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1977. – 352 с.
- Хабургаев Г. А. Старославянский язык / Г. А. Хабургаев. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1986. – 288 с.
- Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. – М. : Учпедгиз, 1952. – 312 с.
- Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1957. – 400 с.
- Якубинский Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. – М. : Учпедгиз, 1953. – 368 с.

МОНОГРАФИИ

- Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке / Л. Р. Абдулхакова. – Казань : Изд-во КГУ, 2007. – 188 с.
- Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 512 с.
- Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. – М. : Наука, 1982. – 440 с.
- Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1982.
- Историческая грамматика древнерусского языка / под ред. В. Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2000– . Т. 2 : Двойственное число / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2001. – 236 с.
- Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 4 : Числительные / О. Ф. Жолобов. – М. : Азбуковник, 2006. – 360 с.
- Мейе А. Общеславянский язык / А. Мейе. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 492 с.
- Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена / Г. А. Хабургаев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 296 с.

ХРЕСТОМАТИИ

- Иванов В. В. Хрестоматия по истории русского языка / В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. – М. : Просвещение, 1990. – 496 с.
- Обнорский С. П. Хрестоматия по истории русского языка / С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. – Ч. 1. – 3-е изд. – М. : Аспект пресс, 1999. – 439 с.

СЛОВАРИ

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 674 + 416 + 144 с.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). – Л. : Наука, 1987; Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч. 1. – Л. : Наука, 1988; Ч. 2. – Л. : Наука, 1989.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 21 т. – М. : Рус. яз., 1974–1995.
- Словарь русского языка XVIII в. : в 9 т. – Л. : Наука, 1984–1997.
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением АН : в 4 т. – СПб., 1847.
- Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964–1973.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001.